

Владимир Квашнин

Потаённая заводь души

Стихи разных лет

2022

УДК 82-4
ББК 82 (РОС=РУС)
К4

К4

«Потаённая заводь души»

Квашнин В. А. / стихотворения; [сб] / стр. 268

Сборник издан к 25-летию
творческой деятельности поэта
(1996 — 2021)

Стихи опубликованы в авторской редакции

Использована гарнитура Cambria, Friz Quadrata

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №9436 ФЗ

Автор стихов: Квашнин В. А.

Художественный дизайн: Корнеева Т. К.

Компьютерная вёрстка: Терентьев В. Ю.

Оформление: Арт-студия «ЦДК»

Формат: 60x84 1/16

Объём: 268 стр.

Тираж: безлимитный

© Владимир Квашнин, 2022

ОБ АВТОРЕ

Квашнин Владимир Александрович родился 1 августа 1958 года в таёжном посёлке Саранпауль Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Окончил Тобольский рыбопромышленный техникум по специальности «ихтиолог-рыбовод», Тюменский го-

сударственный университет по специальности «биолог-охотовед». 27 лет работал охотоведом службы Госохотнадзора. К литературному творчеству обратился в 1996 году. Поэт. Член Союза писателей России. Публиковался под творческим псевдонимом «Охотник». Первые стихотворения напечатаны в сборнике творческого объединения «Золотистая верба» (2008), в альманахе «В мечтах, в стихах, как наяву» (2009). Автор сборников стихотворений и рассказов «От сердца к сердцу» (2014), «Синегорье» (2019), «Коготь Манараги» (2019). Победитель Пятого международного конкурса «Север — страна без границ» в номинации «Художественное слово» (Лето 2014). Осенью 2014 года стал победителем Первой Международной Литературной Премии имени Игоря Царёва. Лауреат 1 степени фестиваля «Русский Лад».

ТВОРИ ДОБРО И ЛЮБИ ВСЕХ

«Только художник на всём чует прекрасного след...»

А. Фет

«Когда совсем неумогу,
Я открываю томик Фета
И погружаюсь в наготу
Души прекрасного поэта...»

С этих строк начинается стихотворение Владимира Квашнина под названием: «И пить любовь из родника». Стихотворение, в котором автор говорит о совести, об обозначенных человеком своих жизненных постулатов и принципов. Поэт не приемлет зла в любом проявлении, его совесть — «крылатое создание» — «дрожит и мечется, внутри, / и бьётся крыльями, как птица...», когда кто-то целится в «безвинный лик» утренней зари; а при чтении стихов Мандельштама, плача, бьёт «чужою болью» за убитых в ГУЛАГе...

В русской литературе тема совести волновала многих поэтов, осознающих степень своей ответственности за всё происходящее в обществе. И сегодня, в 21 веке, их последователи также размышляют о времени и человеке, о нравственных законах, соблюдение которых формирует суть и смысл личности каждого. Говоря о зле и безнравственности, поэты своим словом исцеляют и врачуют души, возвращают утраченные надежды.

Владимир Квашнин — народный поэт. Поэт, который в одночасье для многих читателей стал родным и близким по духу человеком. Его творения несут в себе трепетный восторг и благоговение, искреннее восхищение и радость, часто вызывают чувства сострадания и ответственности за всё живое.

Они становятся уроками добра. Показательны в данном случае слова друга поэта — Ольги Флярковской:

«Таких поэтов, как Владимир Квашнин, не бывает ни мало, ни много, они приходят в свой день и час и занимают в сознании нишу, которая, кажется, ждала только их... Всем своим творчеством Владимир Квашнин проводит одну простую мысль: не любя, не создашь. Не любя, не поймёшь. Не любя, не спасёшь. Все его стихи — зонги о покаянии и спасении природы, животных, страны, человека. Они — почти материальная сила, помогающая жить и работать тем, кто не стонет и не хоронит Россию, тем, кто сами — Россия, в её буднях, в её борьбе за жизнь».

В целом, определить сущность поэзии очень сложно, ведь это не просто восторженно звучащие красивые слова. Поэзия являет собой продукт особого вида художественного творчества, где рождается нечто новое, гармоничное, таинственное. Говорят, когда рождается настоящий стих, душа переживает, мучается, тревожится. Чтобы ознакомиться с художественным миром поэта, задаём несколько вопросов:

— Владимир Александрович, как у Вас происходит процесс рождения поэтического творения?

— Творческий процесс, который меня захватывает сразу, как водоворот, требует только одного — уединения. В этот момент ты становишься таким токующим глухарём, который не видит и не слышит ничего вокруг. Любое бытовое отвлечение сбивает накал. Ты находишься не здесь, в своём зимовье, а где-то высоко-высоко, и кто-то нашёптывает тебе уже почти готовое стихотворение, как по форме, так и по содержанию, десятки метафор и аллегорий сплетаются в необыкновенные узоры. И если ты не успел подсечь эту «золотую рыбку» и вытащить под свет керосиновой лампы на лист бумаги или бересты, то неожиданно подплывает другая, ещё прекрасней первой.

Вот такая у меня рыбалка... Как правило, это происходит ночью на грани сна и яви. Утром, на свежую голову, кое-что подправишь и всё, и никакой зауми.

— Откуда Вы берёте идеи для написания новых произведений, они витают в воздухе или возникают откуда-то свыше?

— Неиссякаемым источником вдохновения для меня всю жизнь является моя милая Ляпинская родина, моя родная тайга Приполярья. А потребность положить увиденное, услышанное и нередко подслушанное в стихотворную строку приходит чаще всего внезапно. И поводом может быть что угодно, тут главное — это личностный угол восприятия события. А его, как я сейчас понял, определила философия моей многолетней таёжной жизни. Да, у меня нет специального литературного образования, но есть другое — жизненный опыт. А длительное нахождение в тайге обострило способность понимать Природу почти на молекулярном уровне: от лося до былинки, как единое живое существо, ощущая себя его неотделимой частью. И донести её беды и страдания посредством слова до людских душ. Стоит зацепиться за одну строчку, и стих, как деревце, как ручеек, растёт, сам пробивая себе руслице. Что и надо, так это слегка помочь ему. Когда схлынет волна эмоций, видно, где надо ещё копнуть, выровнять течение или убрать камушек, а порою и просто благословить на самостоятельную жизнь.

— Владимир Александрович, Вы как поэт, наделённый безусловным талантом, через своё поэтическое слово, как смычком, воздействуете на струны душ читателей. Об этом говорят многочисленные восторженные отзывы на страницах в соцсетях. Как Вам это удаётся? Что нужно читателю в современном мире?

— И тут нет никаких секретов. Я никогда неставляю промежуточные стихи, которые тоже бывают.

Стараюсь публиковать только самые-самые. В моём понимании каждое выставленное на читательский суд стихотворение должно быть подобием Христова яичка — и взгляд ласкает, и ладони греет, и накормит. Оно должно быть своего рода аккумулятором, заряжённым позитивом, отдавать каждому прочитавшему его свою светлую энергию. Как сказал прекрасный прозаик, и, в первую очередь, психолог Валерий Михайловский, стихотворение — это зеркало души поэта: «Стоит мне прочитать несколько рассказов, и у меня сразу складывается точный психологический портрет автора». Это говорит профессионал, люди же это чувствуют, как говорится, «своею душой». А русская душа, так уж её создал наш Творец, всегда откликается на искренность и красоту русского слова. Подчеркну — русского слова. Вы заметили, как прекрасно-певучи наши народные песни? Говорят, что у каждого в жизни своя правда. Нет, Правда у нас одна на всех, та, что дана Господом — жить по совести и мерить её только совестью, а совесть стоит на двух ногах — любовь и доброта. И ничего большего для стихотворчества, душевного равновесия, гармонии с собою и окружающим Миром человеку не надо. Живи по Божьим заповедям, твори добро и люби всех. Вот и всё, и никакой зауми. А за свои стихи, что рождаются на свет, так тут ответ ещё проще: на всё Его воля.

«Твори добро и люби всех». Следуя данной заповеди, каждое стихотворение Владимира Квашнина подобно исповеди. Соприкасаясь с реалиями окружающего мира, прислушиваясь к голосу своего сердца, поэт находит смысл в каждом мгновении. Его волнует тема поэта и поэзии, она составляет основу его философской лирики. В стихотворении «Неволя» лирического героя влечёт на природу, в урманы, где «на полянках среди ягод» он ищет стихи, «Подбирая по строчке / К серебристым серьгам / Белозубой ромашки / Ожерелье из рос, / И душа нараспашку / Плачет в

косах берёз». Творческий процесс для него — это неволя, без которой он уже не может жить: «разве это в награду? / Здесь и правды-то треть... / Но за эту неправду / Я готов умереть». В стихотворении анализируется не просто творческий процесс, а осмысливается образ вдохновения поэта. Приведём ещё цитаты, раскрывающие для поэта смысл поэзии: «...Пока мы живы, друг, спеши / Учить других дивиться чуду», «Предназначение поэта — / Быть врачом души».

Много восторженных слов можно сказать о творчестве Владимира Квашнина. Однако дадим возможность читателям самим ознакомиться с его произведениями, рассмотреть палитру красок природы Приполярного Урала, почувствовать изумительную красоту и лёгкость языка, порадоваться метафорам, имеющим необыкновенную красоту, гармоничность и завершённость.

Напоследок (в назидание начинающим авторам) зададим ещё один вопрос поэту:

— Что Вы пожелаете тем, кто идёт за Вами — молодым талантам?

— Не профукайте своё дарование, ребята, разбавляя исконно русскую речь чужеродной иностранщиной, словесной шелухой и сладкой ватой. Чувствуйте сопричастность со временем, в котором живёте. Плачьте, радуйтесь и бунтуйте, но никогда не теряйте своих корней. Родина — вот неиссякаемый колодец вашего творчества.

Я недавно смотрел интервью с Дмитрием Мизгулиным, поэтом, прозаиком, живущим в далёком Питере, и, казалось бы — кто ~~б~~ кто я, — деревенский таёжный житель. Мы никогда не виделись, и ясно дело, не встретимся, однако после просмотра мне показалось, что по мировоззрению, восприятию жизни, неугасимой вере и тяге служить Отечеству мы являемся братьями по духу.

Вот и молодым надо искать меж собой это душевное родство и помнить, что «русский» — это не национальность, это состояние души. Крепите своими прекрасными жизнелюбивыми стихами энергетический купол над нашей Родиной. Мы все уйдём в небытие, Россия останется. Так будьте же цементом, а не космической пылью. Иначе ради чего мы приходили в этот Мир?

*Светлана Динисламова,
член Союза писателей России*

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПОЭТА — БЫТЬ ВРАЧЕВАТЕЛЕМ ДУШИ

ЕДИНОВЕРЦУ

Предназначение поэта —
 Быть врачом души.
 Как миллионный лучик света,
 Пока мы живы, друг, спеши
 Учить других дивиться чуду —
 Мир видеть в капельке дождя...
 Куда идём? Кто мы? Откуда?
 Что оставляем, уходя?
 Спеши найти единоверцев
 Во всех краях родной земли,
 И, как когда-то Данко, сердцем,
 Глаголом души опали.
 Зови других смотреть на звёзды,
 Качать ромашек облака,
 Расслышать в шёпоте берёзы
 Слова людского языка.
 Тяни из сумрака бездушья
 В туманы утренних полей,
 Пиши, спасаясь от удушья,
 О малой родине своей.
 Той, что успел закрыть собою
 В разгул предательства и зла.
 Ведь та, большая, что без боя
 Мы все отдали, — умерла.

Но мы крепчаем даже в горе!
 Возьми калёные слова
 И докажи заморской своре,
 Что Русь суконная жива!
 Веди к деревне с русским небом,
 Чтоб каждый чувствовал нутром —
 Здесь так же печи пахнут хлебом,
 И избы ставят топором,
 И свадьбы празднуют с Покрова,
 И песни русские поют,
 От Иванова до Петрова
 В час испытанья все встают,
 И самогонку пьют под сало,
 И удивляют мир левши.
 А это много или мало?
 Вот ты, мой друг, и напиши,
 Да так, чтоб строчки не пропало,
 Чтоб зацепило и достало
 До самой глубины души!

И ДУША РИСУЕТ СЛОВОМ...

Вечереет. Солнце село.
 Деревенька у реки
 Отмычала, отскрипела,
 Гасит в окнах огоньки.
 Загустел туман сгущёнкой.
 Звёзды сели на карниз.
 Месяц маленьким мышонком
 Дырку в облаке прогрыз.
 Глянул влево, глянул вправо,
 Осмотрел до самых гор —
 Ни души, одна купава
 Плещет в заводях озёр.
 Спит родимая сторонка...
 Тень крадётся за совой,
 Да белёсые пелёнки
 Сохнут в поле над травой.
 Это зорьку недалече
 Нянчит батюшка-рассвет,
 Как-никак, а летний вечер
 Зорьке брат — роднее нет.
 Потянулась зорька сладко,
 Улыбнулась — и к реке.
 А тут я сижу с тетрадкой,
 Лёгким пёрышком в руке.
 Вышла в платье невесомом,
 В косах блещут хрустали,
 И душа рисует словом
 Красоту родной земли.

ПОЭТ В ДЕРЕВНЕ...

Как ни устал, а всё ж сегодня за день
 Поднял стожок за Ляпушкой в лугах.
 Когда б не дождь — три дня, будь он неладен,
 Давно бы сено нежилось в стогах.
 А что спешить, июнь ещё в разгаре,
 Какое ж это лето без дождей?
 Зато картоха прёт, как на опаре,
 Кадушки в голос требуют груздей.
 Пускай дождит, до осени успею,
 Всё сделаю, что ране намечал:
 И баньку слажу дедушке Матвею,
 И крышу — дядьке, чтобы не серчал.

Подсел ко мне, под стог, бродяга-вечер,
 Уже и росы в травах птахи пьют...
 Пора домой. А кем я буду встречен?
 Лишь Бимка только с матушкою ждут.
 Давай-ка в заводь, к иве молчаливой...
 Давно ушли в деревню косари.
 И только я сидел, почти счастливый,
 Любуясь платьем розовым зари,
 Фатою алой, облачком-кудряшкой...
 Ступая тихо поверху осок,
 Унёс туман, укрыв своей рубашкой,
 Свою любовь в хрустальный теремок.
 Пора и мне. И только я, прощаясь,
 Коснулся ивы вздрогнувшей ствола,
 Вдруг ощутил, как с нежностью, смущаясь,
 Она лозою плечи обняла.

И я её, голубушку, — ответно,
 Хоть для кого-то я — в окошке свет.
 Не нужен здесь мужик с душой поэта.
 Поэт в деревне — меньше, чем поэт.
 Вот если бы речёвки под гармошку
 Наяривал с утра и до утра,
 Тогда б — и клуб, и красная дорожка,
 И грамот всяких целая гора.

А тут — поэт, стыдобушка какая!
 Да ладно б там — есенинских кровей
 Или рубцовских: душу надрывая,
 Был горькой солью родины своей.
 Поэтому недуг свой и скрываю,
 Свои прознают — точно засмеют.
 Одной вот только иве и читаю,
 Пока туманы берегом плывут.
 Ну что, моя хорошая, пора мне,
 Давно и мама с Бимкой заждались.
 За что, Господь, в какое наказание,
 Болею стихотворчеством всю жизнь?

Я БЕЗ ЭТОЙ НЕВОЛИ

Мужику на деревне —
 По делам и почёт...
 А меня не олени,
 Не охота влечёт
 За речушку в урманы,
 И не сладость ухи —
 Я ищу на полянах
 Среди ягод стихи.
 И брожу в одиночку
 По уснувшим лугам,
 Подбирая по строчке
 К серебристым серьгам
 Белозубой ромашки
 Ожерелье из рос,
 И душа нараспашку
 Плачет в косах берёз.
 Нянчу зорьку в подоле
 На медовом стогу...
 Я без этой неволи
 Жить уже не могу.
 Разве это в награду?
 Здесь и правды-то треть...
 Но за эту неправду
 Я готов умереть.

ГЛАЗА В ГЛАЗА

Прошу явись, мой милый друг,
В моём заснеженном селении,
И в час сплетенья наших рук
Прочти свои стихотворения.
Ни в чём я их не осужу,
Не развенчаю громким смехом,
Не ткну изъяном и огрехом —
Я их под сердце положу.
Мы помолчим наедине....
Я тоже душу приоткрою....
И с благодарностью — вдвойне
Твоё тепло
Своим укрою...

ИСКРИНКА

(Из раннего)

Если сравнить поэта со свечой,
Можно сказать, что я — только искринка,
Но согласись — уже и не пылинка —
Невидимая в сумраке ночей.
Я полетел на пламя этих свеч,
Но клан светил искру воспринял в топот,
А я не гасну! — В вере, что и шёпот
Порой слышней, чем пламенная речь.
Дай срок — придёт и стиль,
Придёт и опыт,
И те же крылья вырастут из плеч!

(Я не волшебник, я только учусь. 1993 год)

ПРИЗНАНИЕ

И я умру. Надеюсь, что не скоро.
Одно лишь точно знаю — по зиме
Найдут в снегу, застывшим под забором,
И люди по деревне обо мне
С неделю посудачат и забудут,
Что был у них поэт, ну, был и был...
И лишь стихи рассказывать им будут
Как я их всех без памяти любил.

МЫ ВСЕ УЙДЁМ

Мы все уйдём, когда наступит срок,
В небытиё, святые — прямо к Богу.
А мне б опять средь тысячи дорог
Найти к любимой Родине дорогу.

Упасть пылинкой с Млечного пути
В ладонь родных уральских бездорожий.
Былинкой в диком поле прорасти,
Ключом забить у каменных подножий.

И чтоб душа веками, не устав,
Как дух земли, её святая сила,
Из родника в окладе росных трав
Моей любовью Родину поила.

ЗДЕСЬ — РОДИНА, ЗДЕСЬ — МАМА, ЗДЕСЬ — РОССИЯ...

Любовь к земле не вымерять теплом!

ЗОЛОТО ЮГРЫ

Ревёт поток, зажатый тесно в скалы,
 Ступи на край — и сгинешь ни за грош,
 И тут же — корешок вцепился малый
 В морщину камня, рви — не оторвёшь!
 Была б земля, хоть горсточка какая,
 А тут — гранит! Да как же он живёт
 На всех ветрах, над пропастью у края?
 А пригляделся... Боже! Он цветёт!
 И вроде день, спустившись с перевала,
 Дождём полощет платица осин,
 И в днище тучи крыльями устало
 С унылой песней бьётся птичий клин.
 А мне тепло. Под лапой старой ели,
 Сквозь слёзы затуманенных осок
 Смотрю, как воды кружатся по мели,
 Выбрасывая мусор на песок.
 Вот так и жизнь — уносится пустое,
 А корень есть — и зорьке подмигнём,
 И никакой бедой тебя не смоем —
 На родине и камень — чернозём!
 Ласкаю взглядом каждый кустик сопки,
 И только чмокнул клюковку болот,
 Как строки сами, словно зимородки,
 Слетелись стайкой в старенький блокнот.

И вот стихи. О чём? Да всё о том же!
 О самой лучшей родине — Югре!
 Об этой ели, что шершавой кожей
 Ко мне прижалась, грея, на горе.
 О красоте родного Приполярья,
 О сосенках, завязанных узлом,
 И пусть стократ теплее нас Анталия —
 Любовь к земле не вымерять теплом!
 Здесь — родина. Здесь — мама. Здесь — Россия.
 Здесь жизнь прожить — подарок от судьбы...
 Да где ещё, какая Никосия
 В январской мгле над шапкою избы
 Согреет светом ясного сиянья?!
 Звезду? — Любая! Радугу? — Бери!
 И прямо в ноги — полог Мироздания:
 Приподнимай и с Богом говори...
 Здесь Севера, здесь люд душой просторен,
 Здесь стыдно быть двуличным и пустым.
 Да что там люди, если даже корень
 Над пропастью зовётся золотым!

* * *

Под самый вечер прямо на покосы,
 За вешние разливы Щекурьи,
 Упали гуси в розовые косы
 Уснувшей за околицей зари.
 И до утра проплакали от счастья,
 Целуя мёрзлый краешек земли,
 Через моря, расстрелы и ненастья
 Свою любовь на крыльях донесли.

На Севера́, где сне́га выше крыши...
 Вот глупые. А мы-то поумней!
 Они — сюда, а мы летим в парижи,
 Как будто там теплее и сытней.
 Ругаем наши зимы и метели,
 Тундровый гнус и в банках винегрет,
 Мечтаем о красотах Куршавели,
 Об устрицах с кальмаром на обед...

А в небе — стаи, пары, одиночки...
 Орлы и птахи, утки, журавли —
 Несут любовь крылатые комочки
 К святым озёрам Северной земли.
 За клином клин, рыдая от восторга,
 Скорей домой, на Русь! И, может быть,
 Сейчас из синевы устами Бога
 Нас учит птица родину любить.

* * *

Сторона ты моя неприметная,
 Журавлиных, бескрайних болот,
 Словно сила небес Пересветная
 Бережёт здесь таёжный народ.
 Охраняет России окраину,
 Не давая врагу на разор —
 Эти милые сердцу завалины,
 Прислонившийся к избам забор,
 Сине-дали тайги за околицей,
 Переклик журавлей по утрам...
 Где, скажи мне, кедровые звонницы
 Подпевают февральским ветрам?
 А кто видел, какая сумятица
 По весне вольной птицы вокруг,
 Даже стужа-боярыня пятится
 За Полярный спасительный круг...

Только здесь полной грудью и дышится,
 И поётся, и плачется нам.
 И столичного счастья не ищется,
 И куда не ступи, всюду — храм:
 Купола — кедрачи, листья — золото,
 Ель — крестом, даже прорубь — в оклад,
 Потому и душа вечно мóлода,
 Что меж Богом и совестью лад...

Ничего я от жизни не требую.
 Для себя я молюсь об одном,
 Чтобы зори вставали над вербами,
 И друзья приезжали в мой дом.

Чтобы всем небеса синеглазые
 Улыбались в ресницах берёз,
 И внучатам мордашки чумазые
 На крылечке облизывал пёс.
 Чтобы детство гоняло на вёлике,
 И плескалось мальком на реке,
 Чтобы звери доверчиво в ельнике,
 Повстречав, прижимались к щеке,
 Чтобы зори шептались с рассветами
 Над росинкой в ладони ольхи,
 А мальчишки рождались поэтами
 И дарили девочкам стихи...

Ну, а что за себя, то у Господа,
 Одного лишь хочу попросить —
 Разреши из вселенского холода,
 Хоть разок убежав, голосить
 С журавлями, где зори венчаются
 Среди тундры, и плачет апрель,
 Где крылатые души встречаются
 Из далёких и ближних земель.
 Где ликуют живые и мёртвые.
 Русский Север — особенный край,
 Здесь не встретятся грифы залётные,
 Не разбудит тайгу попугай.
 Только наши. Тут русичей Родина...
 Вроде вот же — в подснежниках спит.
 Вышел утречком — радуга-сходина
 Над рекою жар-птицей парит.
 Тут — лягушки стрелу из болотины,
 Там — заря ждёт за речкой в фате,
 Даже Ляпушка — в бусах смородины...
 Что не жить-то в такой красоте?!

Век бы так... А уже и по отчеству...
 Где ж ты времечко можешь догнать...
 Не при жизни... Но как же мне хочется
 И потом, хоть разок, да обнять
 Этот рай, не пичугой, так камушком,
 Хоть снежинкой в распадке глухом...
 Лишь бы только однажды Бог рядышком
 Не заплакал над этим стихом.

СЕРОПТАХА

*Ночной разговор с поэтом
 Антоном Переверзевым (г. Санкт-Петербург)*

Как там нынче у вас, очень снежно?
 Даа, Антош... А нас тут мороз
 Зорьку поутру кутает нежно
 Бело-розовой шалью берёз.
 И Медведицы бродят по небу,
 Звёзды греться ныряют в стога,
 Даже кроху — полярную вербу
 Обнимают с любовью снега...
 Так что всё, в общем-целом, неплохо,
 Жизнь идёт, вроде всё под рукой —
 Самоварчик пыхтит, там — картоха,
 Ни со светом проблем, ни с мукой.
 И солярки, и спирта в достатке,
 Душу в баньке хлещши-ублажай.
 Квас, брусника мочёная в кадке,
 Всё найдётся, Антош, приезжай!
 Что? Дровишек тайга пожалеет?
 Или прорубь нам спрячет пурга?

Тут любая работа согреет,
 Коль берёшь её сам за рога!
 А с другой... Ну, вот чем тут хвалиться? —
 Темень, стужа, изба в куржаке,
 А окликнет в пургу лебедица,
 И слеза по застывшей щеке,
 И комок, аж под самое горло,
 Ладно, мы тут, а эти куда? —
 Снег по крыши, безлико и голо,
 Лёд — метровый, какая вода?!
 Там пруды им фонтанами грели,
 И французские булки к ногам,
 А они? — В чёрный лес Куршевели,
 На крыло, и к родным берегам!
 Это что за любовь-то такая?
 Чтоб из сытой, заморской дали,
 Перья белые, в зори макая,
 Слать болотам признанья в любви!?
 И лететь, сквозь разрывы картечи.
 Даже мёртвыми, в утренней мгле,
 В обманувшем чужом междуречье,
 Тянут крылья к родимой земле.
 Вот такая любовь тут, Антоша...
 А где наша заря в камыше?
 Да ты что?!.. А моя бела роца
 На сто раз облетела уже...
 Вот с того, милый друг, и болею.
 Слышу выстрел, и эхо — кнутом.
 Сердце плачет ночами в кипрее.
 А душа... вон она, за окном,
 Сероптаха моя на рябинке
 Всё стремится перепеть снегиря.
 Эх, дурёха... Да тут и снежинка
 О любви скажет больше, чем я...

ТУТ ГЛАВНОЕ...

Ушла в дождях гусей последних стая.
 Под стылым ветром ёжится трава,
 А за деревней, почки уплетая,
 По всей тайге поют тетерева!
 Да так поют, что сердце замирает —
 Не бросили сторонушку свою,
 Хотя и краснобровик, всякий знает,
 Всю жизнь у птичьей знати на краю.

Что Бог послал, тому мы здесь и рады.
 Не забижает матушка-тайга.
 И репа, как пожарник у ограды,
 И тучи глядят ласково стога.
 Всегда к столу не творог, так маслята,
 С картошечкой — первейшая еда!
 И бредешок, пониже переката,
 Рыбёшкою порадует всегда.
 Вот что не жить в родимой-то сторонке?
 Не гуси, чай, чтоб сразу на крыло.
 А коль прижмёт — присядешь у иконки —
 Так и на сердце сразу отлегло.
 А кто поможет — беды ли, вопросы?
 А если вдруг серьёзно заболел?
 Куда ни плюнь — везде единороссы,
 А как их оторвёшь от важных дел?
 Да что о них, о родине любимой
 Хочу сказать, не стоит о пустом.
 В окошко глянешь, сразу за рябиной
 Поля сереют выцветшим холстом.
 Им по весне опять нужна забота,
 А там — в тайгу родную, как-никак,
 Опять же и рыбалка, и охота,

И в печку надо сунуть не топляк.
 А тут ещё мурашку под ногами,
 Подняв, дыханьем надо отогреть...
 Тут главное — не мерить жизнь деньгами,
 Чтоб родиной своей переболеть.

ТАК БЫ ЖИТЬ ДА И ЖИТЬ

Только мать любит всех —
 И далёких, и близких,
 И для матери нет нелюбимых детей...
 Шлю России поклон я, сердечный и низкий,
 Как один из далёких её сыновей.
 Шлю его с Северов, где живу не жалея,
 Где народ знает цену «шальному» рублю,
 Где и совесть, мне кажется, режет острее,
 Если резать по жизни свою колею.
 А у нас, как всегда, хлеб вприкуску с морошкой,
 Не комар — так мошкá, не дожди — так снега...
 Но какие мы песни поем под гармошку
 О ТЕБЕ, так, что нам подпевает пурга!
 Как мы ждём твоих птиц легкокрылых весною,
 Словно письма летят к нам твои журавли,
 И с какой, кто бы знал, провожаем тоскою
 Их до самой закраины нашей земли.
 Вот и осень брусничная ждёт за порогом,
 Греет душу и сердце рябина в окне...
 Так бы жить да и жить — в мире с Миром и Богом,
 А у нас полстраны полыхает в огне.
 Плачет мать-земля, ей ли в радость стихия,
 Позабыла тепло босых ног в борозде...
 А родная Югра — это та же Россия,
 Только чуточку ближе к Полярной звезде...

ВОТ ЗДЕСЬ И ЕСТЬ МОЯ РОССИЯ...

А в Щекурье у нас ромашки
 Бегут за избами в леса.
 И словно лебеди, рубашки
 С прищепок рвутся в небеса,
 И машут крылья полотенец,
 Речушка с гор крадётся вброд,
 И прячет золото поленниц
 Рябина юбкой у ворот...
 И вроде бы тайга глухая,
 И до Москвы — сто лет пешком,
 А приобнимет ель, вздыхая,
 Так и застрянет в горле ком
 От красоты таёжной дали,
 Простого счастья — мирно жить,
 И нет ценней тебе медали,
 Чем радость родину любить.
 Вот здесь и есть моя Россия,
 Причал души моей и свет:
 Соседка — бабка Ефросинья,
 Дочурка, фронтовик-сосед;
 Елани дальние покосы,
 Туманы утренних полей...
 Лишь протяни — и гладишь косы
 Любимой родины своей.
 Глаза озёр, реки извивы
 И губы алые зари —
 Сижу, прижав ладошку ивы,
 И сердце замерло внутри
 От счастья, что опять качаю
 Свою звезду в напевах струй
 И зорьке нежно отвечаю
 На бесконечный поцелуй.

А ДЛЯ МЕНЯ ПЛАНЕТА — ЭТО ТЫ!

Опять вдали ладошка иван-чая
 С пригорка машет к ставенкам родным.
 Где отыскать ещё земного рая,
 Где был бы я и счастлив, и любим?
 Своей семьёй, соседями, друзьями,
 И каждый встречный дорог мне, как брат,
 Могу прийти в любое время к маме,
 Укутать плечи худенькие в плат.
 Исцеловать родимые морщинки,
 Отведать кулебяки — пирога,
 И вновь понять, что только половинки
 Хранят тепло родного очага,
 Где от калитки тянется рябина,
 Прохладой манит сладкой лебеда,
 Черёмушки родимые вдоль тына
 Бегут к тебе навстречу от пруда.
 Клюют зерно воробушки с ладони,
 Звенят бокалом полным кедрачи,
 И пьющие рассвет молочный кони
 Целуют пламя розовой свечи.
 И всю-то ночь катаясь по раздолью,
 Поёт с реки гармошка — соловей...
 И пусть стократ теплее Ставрополье,
 Душа согрета родиной моей.
 Ты для меня одна на белом свете,
 И мне не надо большей красоты.
 Кому-то просто адрес на планете,
 А для меня планета — это ты!

ЮГОРИЯ

...Где-то снова поют журавли,
 Покидая родимое небо...
 Пусть теплом материнского хлеба
 Вас согреет чужбина вдали.
 Я же птиц провожу, как всегда,
 В светлой грусти, опять сожалея,
 Что не всякий, и веру имея,
 Так же верит в костёр из льда.
 Или видит лицо Щекурьи
 Меж берёзовых плеч крутояра,
 Как целует в туманах гагара
 Золотистые косы зари,
 И ликует на плёсах сырок,
 Отыскав материнские воды...
 «Все мы дети под сердцем природы,
 Берегите друг друга, сынок!» —
 Как сейчас слышу голос отца.
 Помню тёплую тяжесть бушлата,
 И кузнечика — лапкою брата
 Мне махавшего с рук медунца...
 Есть на свете Святая земля,
 Есть прекрасные, тёплые страны,
 Но не сыщется в мире рубля,
 За который куплю чемоданы
 И забуду могилку отца,
 Голос мамы и лики божницы,
 И глаза той убитой волчицы,
 Где был шаг от лица до лица...
 ...Время тушит печали-костры,
 Унесётся и это ненастье,
 И на санках, ликуя от счастья,
 Счастье жизни помчится с горы.

...Пусть летят за моря журавли,
Там плюс тридцать по метеосводкам.
Я же буду, всю жизнь зимородком
Самой лучшей на свете земли.

РОДНИКИ

Заблудилось в конце сентября
бабье лето в дождях и туманах,
где-то мается, даже заря
не целует стога на полянах
и не будит, как в детстве, бежать
переулком щелястым на речку,
чтобы с братьями, сев на дощечку,
ей фату поплавками держать...
Вроде утро, а где же рассвет?
Где ты, Ляпина ранняя чайка?
Только мокрых воробушков стайка
жмётся в ноги, да радости нет.
Даже больно смотреть, как волну
хлещет ветер наотмашь в угаре,
(ладно, Зоренька в летнем загаре
в тёплой стайке жуёт тишину).
А ветрище сильнее и злей
рвёт с деревьев намокшие платья
и несёт над землёй, как распятыё,
горько плачущий клин журавлей...
...Осень, милая, дай же покой
небесам для уставшего клина...
Прошептал... и вдруг плечи рябина
приобняла, как мама рукой,
и от острова ветер принёс
звонкий голос потерянной чайки,

и бельчата с еловой затайки
опустили страховочный трос.
И настой из целительных трав
протянуло испытать Пристанское...
...и душа опустилась в покое,
что-то важное в жизни поняв.
И тревоги, как дым, стороной.
Непогода? Да право — пустое!
Вот оно, моё царство лесное
смотрит,
слышит
и дышит со мной.
Все озёра, утята, мыски,
перекаты в любом междуречье
тянут камушки, радуясь встрече,
и бормочут почти по-людски.
И нежданно из тайных глубин
кто-то бросил серебряный мячик...
Кто здесь, кто ты?.. «Не бойся, мой мальчик,
Это Я,
твоя Родина, сын.
Ты поймай на лету пятачок
самой белой в округе берёзы,
и под нею в окладе рогозы
я открою тебе родничок.
Сдуй медяшки и просто смотри
в глубь моей родниковой шкатулки,
как полощет свои переулки
деревенька в ладошке зари...»
И ветрище, присевший на миг,
снова ткнул свою мокрую клячу...
И смотрю я в небесный родник,
и молчу... и от радости плачу.

ТАЁЖНЫМИ ТРОПАМИ...

«ПРИРОДА — это ХРАМ, в котором БОГ ближе к тебе, как нигде. А матушка-ТАЙГА, как ЦЕРКОВЬ, облагораживает любого, кто переступил её порог с добрыми помыслами...»

От автора

ТАЁЖНЫЙ ХРАМ

Я видел всё: и мать-столицу,
И Волгу пригоршнями пил,
И по ромашковому ситцу
Поля России исходил,
И пел с кавказскими ветрами,
Но почему же, чуть дыша,
Лишь только здесь, в таёжном храме,
Целует Родину душа?

НА САМЫЙ КРАЕШЕК ЗЕМЛИ

С ружьишком стареньким и лайкой
Под мелко сеющим дождем,
С душой ранимой под фуфайкой
Иду в тайгу осенним днём.
Как Рудакова баба Шура,
У ней одна дорога — в храм.
И я — такая же натура —
К своим зайчатам и бобрам
Спешу по гарям и болотам
С аптечкой к старцу-глухарю,

К простым, но жизненным заботам:
Полянку выкосить зверью,
Поднять стожок, ведь всяко может —
Морозы жмут который год,
А вдруг лосиха занеможет,
А у неё уже приплод...

И дело даже не в добыче.
А в чём? Да мне ли это знать...
Кому-то — страсть, кому — обычай,
А я готов и ниц упасть
Перед зарёю на колени
Пичугой малою за шаг
И слушать с детским умилением
Лесных доверчивых бродяг.
Замолкнет дятел, сойка тонко
Заверещит: «Лиса, лиса!»

Живи, живи, моя сторонка!
Смотрите, люди, в небеса!
И я смотрю, смотрю и плачу
От счастья жить, дышать, любить,
Брать в сердце слово на удачу
И вить серебряную нить
Таких стихов, чтоб мир дивился,
Чтоб по углам щемилось зло...
А то, что здесь, в глуши родился,
Не значит, что не повезло...
Не плачьте, гуси, надо мною,
Не рвите душу, журавли, —
Я первым выйду к вам весною
На самый краешек земли.

КРОВНОЕ РОДСТВО...

Костерок дымит у переката,
 Обнимаясь с мятым котелком.
 Лапник на жердинах односката
 Свесился душистым потолком.
 Пуховой периной стелет ягель,
 Звёздным покрывалом Млечный Путь...
 Что ещё таёжнику-бродяге
 Надо, чтобы малость отдохнуть?
 Ничего! Всё рядом, всё под боком:
 Ягоды — всем миром не собрать.
 И сырок, на плёсе синеоком,
 И рябок — не даст оголодать.
 Пусть и нет особого комфорта,
 А придавишь малосолки сласть
 Кружечкой брусничного компота...
 Господи, а жизнь-то удалась!

Где ещё, узнав тебя, туманы
 Отогреют в сырости ночи,
 И качают кедры-великаны
 Над костром в рассвете косачи?
 Или зорьке платье вышивают
 Водомерки в заводях озёр,
 А пурга с любовью укрывает
 Тёплой шалью маковочки гор.

Только здесь, в таёжной глухомани,
 Небо пьёшь, как воду из ковша.
 Солнце улыбается в тумане
 Над рекой душою малыша.

Дали охраняет росомаха.
 Журавли закаты серебрят...
 И ни злобы нет тебе, ни страха,
 Каждый встречный всей душою рад!
 Если не обнимет, так прижмётся, —
 У тайги особенный закон:
 По нему добро всегда вернётся,
 Как в рассветах колокола звон...
 Соболёк приполз зимой без лапы...
 Вылечил... Потом, принёс сову,
 Так в избе светлее, чем от лампы,
 По ночам... Вот так здесь и живу:
 Что не слышу — то душа дослышит,
 Что не вижу — сердце доглядит,
 А потом стихи лесные пишет
 И заботой тело молодит...

Вот и зорька, как всегда, устало
 Расплела над озером косу.
 Ночь ковшом с неба расплескала
 Над тайгой медовую росу.
 Лик луны в серебряном окладе
 Осветил туманы над водой;
 Спать да спать, а я всё глажу пряди
 Зорьки, словно дочери родной.

ОЛЕНЬЯ ЗЕМЛЯ*(Таёжный сказ)*

Вроде и охотник не последний,
 Опыт есть, и тут с чего бы вдруг —
 Заплутал, следок ведя олений,
 А в пургу, какие север-юг?
 Или те же звёзды с полюсами?
 Компас — да! И топал бы себе,
 Так не взял, решив, что ноги сами,
 Как обычно, вынесут к избе.
 Что ж теперь пенять на непогоду,
 И на лёд никто меня не гнал...
 Вот и рухнул, с лыжами, под воду,
 Знал бы прикуп — в Сочи отдыхал...

Сколько дней я по тайге скитался,
 Только волк и знает — следом полз.
 С кашлем засыпал и просыпался
 У костра... А ты дрова в мороз
 Наруби... К утру погасли угли...
 Лютый взгляд прожёт напротив тьму...
 Нет уж, серый, лучше я от пули
 Смертушку, чем от тебя, приму.
 В грудь уткнулся верною двустволкой,
 Нацарапал имя на коре...
 И вдруг голос: « Это кто ж под ёлкой
 Загорать собрался в январе?!»

Я очнулся только через сутки —
 Печь трещит поленом в тишине.
 Рядом кошка, чуни на приступке,
 Травы с корешками на стене.

Под святыми ликами — лампадка,
 Стол из плах, ружьё с патронташом,
 На рогах, под хомутами — кадка
 С деревянным лебедем-ковшом.

«Да никак очнулся, бедолага?!
 Ить по саму краешку судьбы
 Пробежал, бодай её коряга!»
 Я — на голос. А посреде избы,
 Как по волшебству — худющий старец
 В три аршина, нос — в картоху смят,
 Седину волос, крутя на палец,
 Из-под мха прицеливает взгляд.
 И вдруг с визгом, с улицы, с мороза
 Ребятишки, забежав гурьбой,
 Сладкий запах сена и навоза
 Затащили комом за собой.

Я — охотник, батя... Из Мещеры...
 Заблудился... В наледях промок,
 Ну а вы?.. Неужто староверы?!
 — Все мы православные, сынок, —
 Отрубил старик мою крамолу, —
 Мы ещё в тридцатых от властей,
 Как взорвали церковь на Николу,
 В лес ушли, забрав с собой детей.
 Трудимся и жизнь ведём простую,
 Есть у нас и храм, и иерей,
 Молимся за нашу Русь святую...
 Ну, а вы-то как же без церквей?
 Всю страну, поди, разворовали,
 Сильный — с плетью, слабый — на ноже,
 По за что вы храмы-то взорвали!?
 На-ка — взвар... Да пей же ты уже!

Наложил трёхперстное знаменье
 На питьё, вздохнул... И на меня:
 — Знай, сынок, лишь Вера и Смиренье —
 Главная защита от огня.

Я сгорал, как свечка. Тень тревожа,
 Старец вёл поклонный разговор.
 Видно за меня, с чего бы Боже
 Отменил мне смертный приговор?
 Хворь ушла. И стала мама сниться,
 Звать домой. Прости, отец, пора.
 Обернулся скиту поклониться,
 Нет его — обычная гора.

Сколь потом искал — и всё без толку.
 А ведь там, в глуши сосновых грив,
 Бог уже давно построил лодку,
 Будущность Земли определив.
 В самых тайниках страны оленьей
 Спрятана, и в час беды большой,
 Судный час великих потрясений
 Мир спасётся русскою душой.

ГЛУХАРИ

— Ну, ты удумал — глухари!..
 Какие ноне глухари вам?!
 Ты пробегись-ка сам по гривам
 Да острым глазом посмотри! —
 Отрезал мне старик Исай,
 Стянув ремнём штаны потуже.
 — Ишь... Понаехали... И тут же
 Царя тайги им подавай?!
 — Да ладно, дед, ты не ворчи.
 А кто рассказывал соседу,
 Что видел сам, как утром в среду
 Глухарь уселся в кедрачи?
 — Соседу?.. Я?! Ну... ты... жучоок...
 Ну, ладно, Вовка... собирайся,
 Свожу... В потёмках подымайся!
 Ужо открою тайничок...
 Сиял промёрзший лик луны...
 «Союз» считал свои парсеки...
 Мы — в шалаше, у лесосеки,
 В объятых стылой тишины.
 Звезда, склонившись, щурит взгляд,
 Восток желтеет... И тут робко
 Глухарь прищёлкнул неторопко...
 И сел на снег... Смотрю назад,
 А за спиною: «Ко... Ко... Коо...»
 Так это девушка — глухарка!
 На вид — обычная кухарка,
 До леди явно далеко.
 Но как он хвост-то распустил!
 Как перед лебедем-царицей!..
 Я любовался танцем... Птицей...

А дед... А дед перекрестил
 Последний свет родной земли
 И прошептал: «Спаси их, Боже»...
 Текла слеза... Я плакал тоже...
 И пели с выруб «Штили»¹.

СУББОТА

Впереди — два выходных!
 Скорей — в тайгу, уже неделю снится.
 Пускай пурга бьёт с посвистом под дых —
 Беспечней будет ушлая лисица.
 Рюкзак, топор, помятый котелок,
 Нет сил дожидаться мутного рассвета...
 Целую дочу спящую в висок
 И — под кнуты рассерженного ветра.
 По сопкам, по распадкам и ключам
 Ведут тропинку камусные лыжи,
 А ветер ломит руки кедрачам,
 И небо всё угрюмее и ниже.
 ...Ни сойки, ни зайчишки, ни рябка —
 Попряталась вся живность. Вот непруха!
 Всё тяжелей плечам от рюкзака,
 Всё чаще встречной ели оплеуха...
 Ползёшь, давно забыв о косачах,
 Мечтаешь о горячей кружке чая...
 Ну, наконец, труба из кирпича
 И свет в окне, и доченька встречает!
 Завалишься, напорившись с пургой,
 Кляня в душе все «прелести» охоты:
 — Да чтоб хоть раз! Да больше — ни ногой
 я в этот лес! До будущей... субботы!

¹ «Штиль» — импортная бензопила

ТОЛЬКО ТАМ ВЕТЕР ВЫЛЕЧИТ ДУШУ...

Стали ночи темней и длиннее.
 Не добудишься солнца к утру.
 Отгоревшие свечи кипрея
 Разлетелись на стылом ветру.
 Осыпаются пуговицы пижмы
 Под безудержный осени плач,
 И, нахохлившись, серые избы
 Грустно смотрят в угрюмый кедрч.

Но не это мне в тягость сегодня —
 Где-то там, за туманом курьи
 Ждёт зимовье в далёких угожьях,
 А в хрустальной тиши глухари.
 Вылетать стали дружно на гальку
 Обмелевших закосок Хулги.
 Стосковались на привязи лайки,
 Да и я — по просторам тайги.
 И, казалось, какие грустинки —
 Шаг с крыльца — и стеною тайга.
 А душа каждой ночью снежинкой
 Улетает туда, где снега
 Заметают по крышу зимовье
 В чистокровных верховьях Вальи,
 Где Урал в ледяное оковье
 Спрятал будущность русской земли.
 Только там ветер вылечит душу,
 Там мой дом и единственный храм,
 Где законов тайги не нарушу,
 И другому нарушить не дам.

ОХОТНИК

Застелил туман речную простынь,
 Спит заря, рябиной отгорев,
 Только ветер, подгоняя осень,
 Рвёт на клочья платяица дерев.
 Вот и пролетело бабье лето,
 Стекленают лужи по утрам,
 И по свежим сводкам гидромета
 Снег уже везде по Северам.
 Ну и ладно. Ну и слава Богу.
 Лаечки скучают по зиме,
 По тайге и дальнему отрогу,
 Что ночами тоже снится мне.

Ведь и я давно, ежели честно,
 Заскучал по зимнему костру,
 Синеглазой ивушке-невесте,
 И сосне-старушке на яру.
 Там избушка-матушка родная
 Свет запалит вечером и ждёт,
 Всю-то ночь скрипит, переживая:
 Скоро ли охотник мой придёт?
 Сам ползёшь по сопочкам на лыжах,
 Сил чуть-чуть, усталость валит с ног,
 И вдруг сквозь холодный сумрак видишь
 Золотом манящий огонёк.
 Охнет дверью, по углам метнётся —
 Чем бы бедолагу накормить,
 В тишине теплом своим прижмётся,
 И не знаешь, как благодарить...

Что рябинка? Скоро нам прощаться.
 Тоже будешь, милая, скучать,
 В окна опустевшие стучаться,
 И печаль вселенскую качать.

Вроде всё за лето переделал:
 Бабе Дусе крышу перекрыл,
 Сладил печь у дедушки Матвея,
 Дяде Коле памятник сварил,
 Дом поднял соседке Елене,
 Тётке унавозил огород,
 Митричу к избе пристроил сени
 И за стайкой вымахал зарод.
 Вот и всё, и можно собираться
 На работу в матушку-тайгу,
 Без неё, ежели разобраться,
 И представить жизни не могу...

Так вот и живёшь на белом свете:
 Летом — здесь, а на зиму — к зверью,
 Плакать с глухарями на рассвете,
 Приобнявши ивушку свою.
 И пускай порой слепая жадность
 Прошипит: «От жизни только брать!»
 Эх, дурёха, знала бы ты радость —
 Счастье, не жалея, раздавать.

ОЛЕНЬ

Пылал закат, сгущались тени,
 Стихали птичьи голоса,
 Дремал в камнях ручей Олений,
 В прохладе нежились леса.
 Урал былинным великаном
 Стоял бронёю, льдом блестя,
 Река, укутавшись туманом,
 Ждала небесное дитя.
 И вдруг по краешку заката
 Сбежал серебряный олень
 К струе поющей переката...
 А за рекою третий день
 С ночным прицелом, в маскхалате
 Ждала трофей людская тень...
 ...Он пил закат, порою плавно
 Вздыхал венец и снова пил,
 И всем казалось: он о главном
 На равных с Богом говорил,
 Как говорили раньше предки
 В далёком зареве земли,
 И звёзды белками на ветках
 Качели мира берегли...
 ...Ударил гром. Над водопоем,
 Ломая крылья тишины,
 Завыла нечисть разнбоем
 Под жёлтой шкурою луны,
 Захотала лешачиха,
 И там, в мерцающей дали,
 Господь задул свечу и тихо
 Шагнул подальше от Земли.

И замер мир. Осиротелый
 Закат истаял в никуда,
 А в тишине, в сорочке белой,
 Сгорая, падала звезда.
 Тайга от ужаса молчала,
 Туман забился в лебеду,
 И снова мать-река качала
 В руках убитую звезду.

СЧАСТЬЯ МИГ...

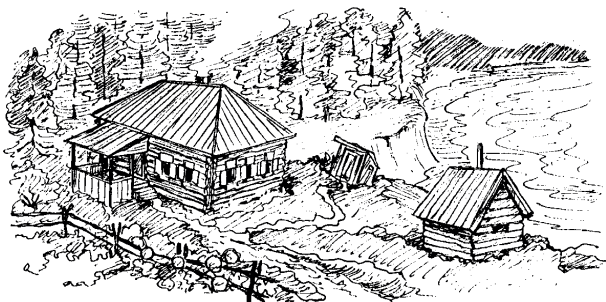
*Боги не засчитывают в счёт жизни
время, проведённое на рыбалке*

Стынет месяц над водою
 В звёздном поле босиком.
 Зацепившись бороною,
 Спят туманы за мыском.
 Костерок в курье дымится,
 Тишину паук плетёт,
 И за речкой журавлица
 Колыбельную поёт.

Солнце в сопках прикорнуло,
 А уже, качнув росу,
 Зорька радугой стянула
 Золотистую косу.
 Отогрела даль улыбкой,
 Только с трав взяла серьгу,
 Как с пенька кузнечик скрипкой
 Разбудил вокруг тайгу.

И помчались водомерки
Разнести благую весть —
День идёт!.. Ликуют белки,
Чайки, пчёл — не перечесть!
Таймешонок «красным флагом»
Машет издали — привет!
Окушки зовут к корягам!
Харюзам — отбоя нет!

Вот он — мой причал заветный,
Сердцу милая Хулга,
Где Господь слезой рассветной
Умывает берега.
Костерок у переката...
Струи с лескою сплелись...
И с рожденья до заката
Счастья миг — длиною в жизнь.

ТАЙМЕНЬ

— Какие нонче тайменя, —
Махнул рукой старик Маркела, —
Вот раньше-то — Хулга кипела!
И не притащишь без коня.
А щас? — Ершок на остроге,
И та ржавеет на сарайке,
Лишь окушки да шурогайки —
Нет доброй рыбы на Хулге.
Старик вздохнул...
Вздохнул и я...
— А что, дедуль, если сорвёмся? —
По курьям спиннингом пройдемся,
У нас в чести и окуня...
Какие плёсы на Хулге,
Какие милые красоты —
Берёзки светлые, как соты,
Кружат медовые в пурге.
А вот и Чёртов перекат,
Как бабка в ступу замесила,
Бросаю «Шторлинг»,
и вдруг сила...
Взорвала миною закат.
— Таймень! Таймень! Ты видишь — взял! —
Я ликовал, плетёнка пела...
А у костра Старик Маркела,
Застыв, потерянно стоял.
Какая мощь, какой азарт,
Какие чувства — лёд и пламень!
За каждый метр, за каждый камень
Сражался насмерть Бонапарт!

Я победил. У ног моих
 Лежит великий царь Сибири!..
 И вдруг случилось что-то в мире —
 Порог сирóтливо притих,
 Забился в камни бегунец,
 Нависла ночи чёрной глыба....
 Плыви,
 Плыви, святая рыба!
 Прости,
 Прости меня, отец.

ОТШЕЛЬНИК

*Он умер у меня на руках
 10 ноября 2008 года*

Ещё чадит сгоревшая нодья,
 В тумане спит звезда над перекатом...
 Светает... А куда от комарья
 Я мог уйти тогда, в шестидесятом?
 Когда, как зверь, бежал глухой тайгой
 В лесной залом, зализывая рану,
 Оставив за простреленной спиной
 Ту, о которой думать не устану.

Рассыпалась трескуче головня,
 Взметнулись искры роем золотистым,
 И ветер вновь доносит до меня:
 «Артисты едут! Слышите, артисты!»
 И вот она — улыбка, смех, глаза
 Бездонней, чем на глянцевой обложке,
 В них целым морем плещет бирюза —
 Небесный ангел с грацией кошки!

Я никого так в жизни не любил.
 Я пил любовь, как сладостную муку.
 Я за неё... прохожего убил...
 Одним ударом! В голову! За «суку»...

Исчез вагон. Погас и огонёк
 Пустых надежд, врагов, друзей и близких —
 Не промахнулся ВОХРовский стрелок,
 Шальною пулей вычеркнул из списка.
 И я, заткнув рубахою прострел,
 Полз в багульме, слабея от потери...
 Охотник-манси, он и усмотрел,
 И с бубном предка бился до истерик.

Он взял мой грех. И дом его — мой дом:
 Забытый край, укутанный туманом
 И тусклым, как лампада, ночником
 Чужой звезды в ветвях, над балаганом...
 И всё-таки печаль моя светла,
 Здесь — ни войны, ни подлости, ни фальши,
 И от молитв достаточно тепла.
 Жить за троих, Его любовью, дальше...

ЗАКОН ТАЙГИ

А там — всё та же неба просинь,
 И тот же лес хранит зверей,
 И застилает ту же простынь
 Лилово-розовый кипрей.
 Вокруг охотничьей избушки
 С оконцем в тающий закат.
 И те же звёзды, как лягушки,
 Ныряют в тот же пережат.
 И всё течет само собою —
 За мошкаррой идёт мокрец,
 Лишь кудри дыма над избою
 Уже не вьют своих колец.
 А остальное — всё, как было,
 И дай-то Бог, на тыщи лет!
 ...Одно лишь память подзабыла —
 Мой давний клятвенный обет.
 А долг есть долг. Есть слово «надо».
 И завтра, плюнув на врачей,
 Вернусь по нити шелкопряда
 Под гулкий купол кедрочей.
 И угощу лосиху солью,
 И вскину руку журавлю,
 И, перекрыв по новой толью,
 Дам волю жаркому смолю.
 И не себе — уже другому
 Оставлю жизненный припас,
 Как мне когда-то молодому,
 Оставил кто-то в трудный час.
 И сделал затесь во спасенье,
 И дал приют среди пурги,
 И у огня под волчье пенье
 Мне зачитал закон тайги.

Закон тайги... Ему бы править
 По всей земле, а не в глуши:
 Уйдя в закат, другим оставить
 Под хлебом соль своей души.

ЗИМНЯЯ РАДОСТЬ

Спит мороз в прибрежном перелеске,
 Пар над лункой греет тишину.
 Грузило бездушное на леске
 Тащит червяка на глубину.
 Пять секунд — и первая поклёвка!
 Узнаю по натиску ершей!
 Вот же черти, ты смотри, как ловко
 Обобрали! Гнать бы вас взашей!
 Ладушки, попробуем мормышку...
 И она мне дарит окушка!
 Жалко мне, до смерти, окунишку.
 Ну а как же статус рыбака?

Милые сорожки и ершата,
 Вас, конечно, можно и купить...
 А где купишь золото заката,
 А реки серебряную нить?
 Или льда алмазные каменя
 В узенькой ладони черпака?
 А удачу? А сердцебиение
 От слегка ожившего кивка?
 А рывок, который мысли скомкав,
 Заставляет сердце задрожать?
 Вот за чем готов зимой в потёмках
 На край света с удочкой бежать.

МИР ДУШИ

*«Да, нам всегда нужны деньги, но бывают минуты,
когда гораздо важнее найти не билет на миллион,
а сердце, которое тебя поймёт и согреет...»*

От автора

СКАЖИ, КРЫЛАТОЕ СОЗДАНИЕ...

Когда совсем не вмоготу,
Я открываю томик Фета
И погружаюсь в наготу
Души прекрасного поэта.
И все заботы, до одной,
К ногам ложатся книжной пылью,
И кто-то, складывая крылья,
Мостится рядышком со мной...
Когда в безвинный лик зари
Стволами целится охота,
Опять я слышу: плачет кто-то,
Дрожит и мечется, внутри,
И бьётся крыльями, как птица,
И даже в дрёме праздных дней
Мне не даёт на ключ закрыться
Ни от себя, ни от людей.

Смеётся мне; и ей поётся,
А в горе — самую родной,
Любимой женщиной прижмётся
И запечалится со мной...

Скажи, крылатое создание,
Какой ты памятью живёшь
И за какое наказание
Меня чужою болью бьёшь?
Зачем, в тот час, когда прилягу,
Читаешь Мандельштама стих
И, плача, ищешь по ГУЛАГу
Убитых родственниц своих?
Зачем, надев Христово платье,
Глотаешь пыль далёких стран,
Летишь обнять Его распятие
И гвозди вытащить из ран...

То к старикам ведёшь и вдовам:
Кому — скосить, кому — колоть,
А потерявших веру — словом
Позвать, как нас учил Господь,
Войти сквозь чёрствости засеки
И равнодушья облака,
В души таинственные реки,
И пить любовь из родника...
И шепчет ранними часами,
Укутав шёлковым крылом,
О жизни, родине, о маме,
Заре, уснувшей за селом,
Друзьях, которых больше трети
Афган огнём своим скосил,
О лучшей женщине на свете,
Что дать мне Бога упросил...

Так и живём: грустим и пишем,
Поём и верим в чудеса,
И тихо плачем, если слышим
Друзей ушедших голоса...

ДОЧЬ

Даже солнца лучику
 Трудно одному...
 Дай-ка, доча, рученьку,
 Дай, приобниму...
 Посиди хоть пять минут,
 Много ль я прошу?
 Может быть, как старый шут,
 Чем и рассмешу.
 А давай-ка просидим,
 До утра вдвоём!
 Мы и голосом одним
 На двоих споём,
 И обсудим кучу тем —
 Нам ли, что скрывать,
 Самым близким, а затем
 Будем чаевать...
 Ну, как знаешь, не делись,
 Молодым видней...
 Вот, дал Бог, и свидетись,
 А ещё больней...
 Ничего. Есть хлебушко,
 Есть и что попить,
 А ещё и... небушко —
 Есть, куда ступить.
 Ты особо не заботь,
 Где и как там я...
 Да храни тебя Господь,
 Доченька моя.

МНЕ ХОРОШО

Мне хорошо, когда поёт утрами
 Гусиный хор в туманном далеке,
 Когда стучат в деревне топорами,
 И бакенá маячат на реке.
 Мне хорошо, и на душе уютно,
 Когда ребёнок в десять у себя.
 Когда, ей косы заплетая, утром,
 Обняв, шепнёт: «Папуль, и я тебя...»
 Мне хорошо, когда друзья нагрянут —
 Чухланцев Коля, Саня Соловьёв.
 Накроем стол, душой прильнём к баяну,
 И до утра... А там уже и клёв!
 И мы опять, как пацаны, к речушке
 Туманы пить топлёным молоком,
 Вдыхать рассвета свежую горбушку
 И сладкий пар ухи над котелком,
 И вспоминать, и размышлять подолгу
 О Родине, о жизни, о себе.
 В семье нормально, ну и, слава Богу,
 А что там завтра будет по судьбе?
 Ведь жизнь — она, такая ли, саякая,
 Как ни крути, а всё-таки одна,
 И важно — от истока и до края —
 По ней свои расставить бакенá:
 Любви и долга, совести и чести,
 Заботы, сострадания, доброты,
 Тогда и якоря лежат на месте,
 И небеса над мачтами чисты.
 И не страшны любые потрясения,
 Иди на свет сквозь пелену дождя,
 Дари цветы — свои стихотворенья,
 В природе вдохновенье находя.

Успей раздать всё, до последней нитки,
 Каким пришёл, таким и уходи.
 За той стеной, где нет родной калитки,
 Зачтётся только крестик на груди.
 Мы все уйдём. Потом уйдут другие.
 Стихи росой высохнут в лугах.
 Но наши души светлые, нагие
 Останутся на этих берегах.

РОДНИКОВАЯ ГРУСТЬ

Столько мест на земле родниковых...
 Заплутай ненароком в тайге,
 И вдруг речка в кудряшках ольховых
 Шепчет сказку речной мелюзге.
 В сосняках журавлиные клики
 Серебрят корабельную медь.
 Между бакенов красных брусники
 Пауки тянут в Млечности сеть.
 Распускает заря на опушке
 У воды золотой поясок...
 Вот бы здесь и построить избушку,
 И дожить свой отпущенный срок.

Взять лебяжье перо на закате
 И, макая в луга за рекой,
 Из туманов вечерние платья
 Шить рябинам влюблённой строкой.
 Подарить водомеркам тельняшки,
 Накосить спелых трав для зайчат,
 И какой-нибудь старой евражке
 Помогать растить малых внучат.

Слово «помощь» для русского свято.
 Вера, Родина, Совесть, Семья.
 Для кого — словаря маловато,
 Мне хватает и трёх для житья.
 А послал бы Господь половинку,
 Вот бы пели-то душеньки в лад...
 То стрекозка какая, то льдинка...
 А без солнца, какой это сад?

Лишь тайгою себя и спасаю.
 В глушь уйду, вроде как по грибы,
 И в объятых палатки мечтаю
 О медовых полатях избы.
 Солнце с дочкой, иконы с лампадкой,
 Прямо в окна черёмухи брошь...
 Как представишь себе, так украдкой
 И слезу ненароком смахнёшь.
 Сколь осталось? А кто ж его знает...
 Эх, вы, годы, годочки мои,
 Хоть кукушку пытай — всё обманет,
 Хоть ты бражкой судьбу подпой.

Ночь крылами согрела палатку,
 У костра дремлет старенький груздь,
 И стекает по звёздам в тетрадку
 Из Ковша родниковая грусть.

ПРОРУБЬ

Спустишься на речку зимней ранью,
Нарушая скрипом тишину,
А над лесом зорька красной тканью
Укрывает спящую луну.
Гаснут звёзды, искры осыпая,
С полыньи клубит морозный пар,
Тьма-старуха, молча отступая,
Прячется, угрюмая, под яр.
Выплывает солнышко иконой,
Согревая душу и стожок...
Ты же не спеша пешнёй гранёной
Пообколешь проруби ледок,
Синекровный, почерпнёшь водицы,
Да с ведра на маковку — хлопбысь!
И летит душа родная птицей
Над тайгой в таинственную высь...

Пусть другому в церкви златозвонной
Батюшка с души счищает ржу,
Я же здесь, по тропке занесённой
Напрямую к Господу хожу.
Никаких посредников не надо —
Он и я, и прорубь — алтарём...
И душа на краешке оклада
Ясной зорьки млеет глухарём.

ДА КАК ЖЕ НЕ ЛЮБИТЬ...

Утонул закат в реке блесною.
Ночь-старушка бродит по лугам.
Спит Хулга, укрывшись тишиною,
Подоткнув туман по берегам.
Над костром летают искры-пчёлы.
Иней травы выбелил мукой,
И телёнком месяц через доли,
Тянется к зароду за рекой.
Вот и пролетел денёк в заботах.
Осень. Да какое — отдыхать?!
Там — дрова, здесь — клюкву на болотах,
И соседке с печью, и вскопать.
Некогда, и отказать неловко,
А тят-ляп сложи — и нет тепла.
Застеклить — и то нужна сноровка,
А тут печь. Серьёзные дела!

А в деревне жизнь всему научит.
Здесь вожжами лечат даже лень.
Помню, дед с махоркою прищучил,
Так горчичник греет по сей день!
А потом до плача доходило,
Если вдруг не брали на покос.
Вот с тех пор в плечах и забродила
Силушка... Потом уж, как попрос,
В кузне Митрофаныча все знают —
На спор гнул в руках любой металл.
С пацанов по бате величают,
Уваженье — вот он, капитал!

И чего в деревне не живётся?
 Пьянство? О! А город, глянь, — святой!
 Здесь же зорька-дэвица прижмётся,
 Подмигнёт под шалью золотой,
 Так от поцелуя захмелеешь —
 Ни с какою бражкой не сравнить!
 А душой прижмись и обомлеешь —
 Боже мой, да как же не любить
 Эти дали, неба синеглазье,
 Над тайгою песни журавлей...
 Чувство — как у Бога на лабазе,
 И живёшь в затаинке своей.
 А подумать, сколь их по России
 Родинок таких вот, как моя?
 Оттого, видать, и небо сине,
 Что соединяются края.
 Может, кто свою любовь расскажет.
 У меня вот — костерок, река,
 Зорька нитью розовою вяжет
 Распашонки, сев на облака.
 Малость рассветёт — и на болота,
 Ягодку поднял — и отдыхай!
 Я ж не депутат, у тех забота:
 Дождь ли, снег, а голос — собирай.
 Шутка... Кузовок вот за ночь сладил
 На пять вёдер... Ну, а что спина? —
 Вытерпит. Не потому, что сзади,
 Потому что русская она.

ДЕД МОРОЗ

Чем, скажи, не похож на Мороза?
 Посох, шуба, рюкзак за спиной,
 Нос краснящий, как от передоза,
 Да-а, пора видно, парень, домой.
 От рассвета до самых потёмок
 По распадкам своим и ключам
 Промышляешь, а толку с кулёмок¹ —
 Боль в спине да ремонт по ночам.
 Ягод нет, и ушёл соболишка,
 Только ронжи в ловушках — завал.
 Хорошо, что уснул нынче мишка,
 А не то бы давно заломал.
 И сегодня оттопал прилично,
 А что дёбыл, не скажешь без слёз —
 Все капканы пусты, как обычно...
 День под горку. Крепчает мороз.
 Всё — последний. Да пуст, видно, тоже.
 Только лыжу вперёд на шажок,
 И тут вижу — ни сбежки, ни ронжи,
 Цепь — под корень... Попался, дружок!
 А как глянул под низ корневища,
 Ё-моё! Там, подобно огню,
 Вот такущий сидит соболище!
 Наконец-то, прибыток в семью!
 Ох, подарочек к Новому году —
 Кряж тобольский и сорт — само то!
 Накуплю запчастей к снегоходу,
 Телевизор, дочурке — пальто!..
 И тут жалость иголкой старой:
 «Сделай чудо, ведь ты ж Дед Мороз...»

Эх, да... ладно! Беги, дикошарый!
 Два прыжка — и исчез меж берёз.
 Вот стою, улыбаюсь устало,
 Лёд сдираю с усов не спеша.
 По уму — столь деньжищ убежало,
 А по сердцу — живая душа.

СТРЕКОЗА

«Папа, папочка мой, я стрекозку поймала!» —
 Колокольчиком голос, сияют глаза.
 Только вроде бы сено к копне подгребала,
 А уже разнотравьем летит егоза.

Ах, ты чудо моё! Дай-ка, я поцелую.
 Прижимаю легонько родное тепло.
 И вдруг мне показалось, что я не малую
 Приобнял, а душою ступил на стекло.

Как же ты, золотая, похожа на маму.
 Мы ведь тоже поймали тебя на лугу,
 А точнее — она, я-то, если уж прямо,
 Некудышный ловец, лишь отцом и могу
 Быть навеки твоим, мой любимый котёнок,
 И сидеть над тобой, захворавшей, всю ночь...
 Сколько их перестирано, этих пелёнок...
 Мамы тоже на свете есть разные, дочь.
 Счастье, милая, там, где целуют с порога...
 И к чему это я тут с тобой загрустил?
 Отпусти стрекозу, пусть летит себе с Богом,
 Как когда-то я маму твою отпустил.

¹Кулёмки, капканы, сбежки — орудия лова при охотничьем промысле пушнины в Сибири и Дальнем Востоке

*«Как странно, дома ты говоришь своим родным,
 порою доходит до крика, но тебя никто не слышит,
 а в тайге молчишь, и тебя слышат все...»*

От автора

И СОГРЕЕТ ДУШУ МНЕ

Ветер грусть полощет в луже,
 Льют осенние дожди...
 Дай мне плащик, что похуже,
 И до вечера не жди.
 И вопросами не мучай —
 Ничего я не скажу,
 Просто так, на всякий случай,
 За околицу схожу.

Одиноко. Сердце стынет.
 Где найти себя? В вине?
 Нет! В тайге! Она и примет,
 И согреет душу мне.

И ползёт она, хромая,
 По низинам и буграм...
 И вхожу я, замирая
 Гулким сердцем, в Божий храм.
 Лёд окладом взял запруду,
 На ветвях блестит слеза,
 Чистым золотом повсюду
 Пишет осень образá.

Посижу, слезой умоюсь,
 Край тумана подниму,
 Поклонюсь земле в пояс —
 Радость светлую приму.

И домой, светясь от счастья,
Как же, душу излечил!
Чувство, словно, как причастье,
И прощенье получил.

Хрустнет ветка осторожно,
Тень мелькнёт среди рябин,
Тут же с выучкой таёжной,
Быстро вскину карабин...
Да ведь это же... лосиха!
Опущу, целуя крест,
И чела коснётся тихо
Лист резной, как Божий перст...

ХОРОШО!

Как хорошо, когда у дома
Весною слышен птичий гай,
Когда, подняв тебя, истома
Несёт из баньки прямо в рай.
Когда к тебе приходят дети
Услышать жизненный совет,
А в жизни каждого на свете
Есть мама, папа, дом и дед.
Когда тропинка вьётся змейкой,
Ведёт на речку среди трав,
И там, укрывшись телогрейкой,
Сидеть, любимую обняв.
Когда в волшебный час заката
К ладони лебеди плывут,
И босоногие внучата
Деревню Родиной зовут.

БЕССИЛИЕ

Заря, обняв, отогревала тундру,
Туманы тайны ночи стерегли,
Цвела морошка, и в поклоне чуду
Небесным клиром пели журавли.
А я бежал к ним тайною тропинкой —
Отец хранил затаинку и дед.
Теперь и я могу с родной осинкой
Смотреть, обнявшись, сказочный балет.
И умываться светлыми слезами,
А срок наступит — внуку передать...
Вставал рассвет. Целуя мир глазами,
Я пил в тумане Божью благодать...

А вечером сосед присел вороной:
«Володь, не знаю, может просто брех...
Там... журавлей в затаинке озёрной
Приезжие... твоих убили... всех...».

Да лучше б волк порвал меня клыками,
Чем эта весть черней её крыла!
Душа, едва прикрыв дыру стихами,
Скуля щенком, под сердце заползла...
И что с того, что оленихе скоро
Пора рожать — был с ней! А там — беда.
Не пить крылам небесного простора.
Другие будут, эти — никогда!

Вот так и гаснут звёзды над Отчизной...
Я вышел проводить к реке закат,
Но небо, глянув строго, с укоризной,
Платком дождя закрыло горький взгляд...

И я молитвой к Богу в тучи бился,
 Простой, мужицкой, без икон и свеч,
 Чтоб оленёнок всё-таки родился
 И дал мне силы всех их уберечь...

ГУСИ

Чья душа не заплачет от радости,
 Не застынет блаженно на миг,
 Услыхав в синеглазой прохладности
 Над собою гусей переклик.
 И моя потянулась за ставенки,
 Распахнулась от счастья в груди,
 Я — за ней, а она — на завалинку...
 Да куда ж ты одна, погоди!
 А они над рекой, слышу, стелются,
 Но не вижу их, как ни смотрю...
 Только русскому истово верить
 В Совесть, Родину, Мать и Семью...
 Вроде рядом запели... Да вот они —
 За соседскою банькой плывут!
 Что им подлость людская с охотами,
 Хоть картечью в упор — не свернут!
 И не купишь крупую, как курицу,
 А увидел... Да лучше б ослеп:
 У старушки, упавшей на улице,
 Отбирали с воронами хлеб.

ЭТО ЧТО ЗА ЛЮБОВЬ, МУЖИКИ?!

Что не жить-то в такой благодати?..
 Где ещё ты увидишь окрест,
 Чтобы даль в подвенечном закате
 Обнимала часовенки крест.
 Облака купола целовали,
 Месяц в росы нырял окуньком,
 А туманы пеньки бинтовали,
 На дялану прокравшись тайком.

Только здесь, под Полярной звездой,
 В глухомани таёжной моей,
 Стынут ивы в ночи над водою,
 Сторожа чуткий сон лебедей.
 Вызревает июнь на болотах.
 Деревенька сопит на яру.
 День наступит, и в новых заботах
 Люд потянется снова к добру.
 Все соседи, случись что, помогут,
 Не жалея рубля, ни доски...
 Там где совесть не жмётся к порогу,
 Там и люди живут по-людски...

Осыпаются звёзды неслышно...
 Только с донкой спустился к реке —
 Зорька, девица красная, вышла
 С коромыслищем невдалеке.
 Осторожно на сходи́ну села,
 Распустила косу над водой,
 Паучонка улыбкой согрела,
 Сине-даль под Нер-Ойкой седой...

Деревеньку, обняв, окрестила...
 Вроде видано тысячи раз,
 А смотрю, и опять защемило,
 И морщинка намокла у глаз.

Столько лет, а признаться не смею.
 Вроде — всё! — Вот, дождусь у реки,
 А увидел — и снова робею...
 Это что за любовь, мужики?!
 Разве можно, скажи мне, лягушку
 Полюбить или зорькой болеть?
 Только в сказках... А я за веснушку
 Златокосой готов умереть.

СТАРИК

Вот и осень ночью незаметно
 Подменила платья деревьям.
 Журавли устало против ветра
 Вдаль гребут к заморским берегам.
 Замирает сердце в тихой грусти,
 Провожая белую ладью.
 Я вчера сестру родную, Дусю,
 Схоронил — последнюю родню.
 Больше никого на белом свете...
 Сколько нас таких вот по Руси...
 В городах своих прижились дети
 И забыли... Господи, прости.

Догорела свечка в старом блюде
 Под иконой, сумрак сел за стол...
 Кто бы знал, как хочется уткнуться
 В золотой рябиновый подол,
 И шептать: прошу тебя, не надо,
 Облетать, родная, не спеши!
 Ты одна осталась мне отрада
 В этой всеми брошенной глуши.
 Помнишь, как на службу провожала?..
 Как потом невестой ждала?..
 Но не ты в объятиях дрожала
 И во снах по имени звала.
 Не твои медовыми ночами
 На стогу я плечи целовал,
 Не тебя в фате и под свечами
 Батюшка женой моей называл...

Вот и я — ну, как ты тут, родная?
 Вся застыла, дай-ка обниму.
 От дождя такая же седая,
 Знаю я, как плохо одному...

...Отрыдал и скрылся журавлиный
 Клин в дали бескрайней за рекой,
 И лежал старик, обняв рябины
 Тонкий стан холодной рукой...

СКАЗКА

Дремлет вечер за деревней,
 Край тумана подобрал.
 Зорька новые каменья
 Выбирает в гуще трав.
 Тянут гуси за протоку,
 Стынут сети паука,
 И туманы об осоку
 Чешут мокрые бока.
 Где-то зорьке журавлица
 Колыбельную поёт...
 Спит земля. Лишь мне не спится,
 Снова душенька зовёт
 За околицу деревни,
 В тишину седых полей,
 Встать у леса на колени
 Перед родиной своей.
 И просить среди жемчужья,
 То, что в жизни не просил —
 Дать лекарство от бездушья,
 Добрых помыслов и сил.

Кто лосёнка-потеряшку
 В сопках матушке найдёт?
 Или грязные рубашки
 Лебедям простирнёт?
 А бельчата заболеют?
 А пожары в суховой?
 Спас рябка, и душу греет
 Чувство нужности твоей.
 Вся тайга открытой книжкой...
 Всех простишь и всё поймёшь...
 Так с зайчишкою под мышкой
 В поле ночь и проведёшь.

Тут и зорька за калиткой
 Дали кутает в шелка.
 Чайки розовую ниткой
 Подшивают облака.
 Тишину туман бинтует,
 Дали будят журавли,
 И в обнимочку танцуют
 Косолапые шмели.
 Лось с ладони без опаски
 С зайцем хрумкают морковь,
 Вот из этой доброй сказки
 И рождается любовь.

ЖАР-ПТИЦА

В паутине бьётся муха,
 Туча небо бороздит,
 Осень, дряблая старуха,
 На завалинке сидит...
 Дождь зашёлся неуёмно,
 Клин, рыдая, пролетел
 И оставил чувство, словно
 Я навек осиротел.
 Молча грусть по дому бродит
 От иконы до дверей,
 Тоже места не находит —
 День бы кончился скорей...

И тут бабушкина прялка...
 Слышу скрип! Ах, Боже свят!
 Парни, девки в полушалках,
 Кони, ленты, дружка, сват.
 Тройка мчит, снежок — на полоз,
 Красный по ветру платок...
 И вдруг мамы тихий голос:
 «Всё наладится, сынок...»

Задремал... В окне рябина,
 Пряча слёзы, тянет кисть.
 Эх, моя ты сиротина,
 Ты уж, девонька, крепись.
 Нам ли плакать, да печалить,
 Да бояться хмурых туч!
 Рано душу горем старить,
 Есть у нас от счастья ключ!

То не лебеди, не гуси
 И не знахаря грибок,
 Это прялочка бабуся —
 Прямо в ноги мне клубок!
 Если совесть чайной ложкой
 По душе-то не скрести,
 Побежит клубок дорожкой
 К людям, было б что нести.

А коль есть вода живая,
 Всякий скажет, прятать — грех.
 И пойдём мы, окропляя
 Ею каждого и всех.
 Только наперво — земельку,
 Чтоб деревню возродить,
 Кто-то должен за Емельку
 Силу русскую будить
 И добро по свету множить!
 Где вы, братья-русаки?
 Хватит грошики итожить
 Да мусолить пятаки!
 Вот он я — Квашнин Владимир!
 Где Петро? Где Михаил?
 Подымайся, кто не вымер,
 Русь не продал, не пропил!

Пусть мне скажут, хмурая лица:
 «Солнце с юга не встает!»
 Сердцем знаю — есть Жар-птица,
 Долг исполню — позовёт.
 Скажет, встретив в белом платье:
 «Вот, Володечка, и я...»
 Как вы думаете, счастье
 Приживётся у меня?

ПОДРАНОК

Разродились северные тучи
 Долгой беспробудностью дождей,
 И туманы сыростью колючей
 Посадили в заводь лебедей.
 А к утру мороз, прищутив глазом,
 Посланный на царство королём,
 Деловито северным алмазом
 Застеклил озёра хрусталём.
 Поднялась лебяжья вереница.
 Лишь одна осталась в полынье,
 Человеком раненная птица,
 Тянет крылья к плачущей родне,
 Мечется, пытается подняться...
 Скрылся клин, сливаясь с синевой...
 Что же делать? Как к ней подобраться?
 Как спасти?! Шагни — и с головой!
 И вдруг лебедь, выбравшись на кромку,
 Вперевалку, словно на волне,
 О своей беде, шипя негромко,
 Волоча крыло, идёт ко мне.
 Сгрёб его, и сам не мог поверить,
 Припустив к избе на берегу,
 Как же он решился жизнь доверить
 Самому презлейшему врагу?!
 Не успел. Безвольно пали крылья,
 Открывая дробью битый бок.
 И бежали слёзы от бессилья —
 Не успел, не спас, не уберёг.
 Солнце сладко щурилось с болотца,
 Так же ель шепталась с черемшой,
 И не ведал я, что мне придётся
 Жить теперь с простреленной душой.

ПОКРОВ

Пролетело паутинкой
 Бабье лето, и уже —
 Хрустнет лужа утром льдинкой,
 Рядом с солнцем, на меже.
 Стала дольше ночь в подоле
 Нежить зорьку. Лист опал.
 Огурцы пищат в рассоле,
 Клевер греет сеновал.
 Ставят бражку, топят бани,
 По деревне кучи дров,
 Мужики готовят сани —
 Ждёт Русь-матушка Покров...
 Вот и праздник. Зластоустно
 Благость по́ небу плывёт...
 Почему же мне-то грустно,
 И тревогой сердце жмёт?!
 И вдруг песней недопетой
 За рекою журавли
 Сели в ночь напиться света
 Красоты родной земли,
 Чтоб с зарёю снова Бога
 Славить в далях золотых...
 Если б знал я, что у стога
 Нелюдь целится в святых...
 Разлетелась в клочья алость
 Тишины. Поднялся клин,
 Лишь одна душа осталась
 Ждать зарю в плену дробин.
 Я — к реке, а там уж тучи
 Прячут звёзды в паруса,
 Закружился снег колючий,
 Эхо спряталось в леса.

Даль пыталась разгореться,
А на крылья журавля
Из простреленного сердца
Тихо капала заря.

ЗООПАРК

Тайга. Рассвет. Над речкой звёзды,
Клюют неспешно глухари...
Смотрю... И острое занозы
Опять царапает внутри.
Как жаль, нельзя охотоведу
Жить по законам лебедей.
Им — в небеса, тебе ж по следу
Ползти назад в клубок людей.

Жена с весны: «А, может, хватит?
Все едут к морю, ты — в тайгу!
Мне льготный дали, всё оплатят,
А Юля? Снова — не смогу?...»
А доча — всё моё богатство...
Приморский город, солнце, пляж.
Жена с утра бежит купаться,
А Юля, взяв на абордаж
Мою ладонь: «По зоопарку!»
Жираф... Верблюды... Змеи... Слон...
Козёл облез, но держит марку...
Макаки в пляс... И слышу стон
Чуть в стороне, и вижу: в клетке
Встал медвежонок из угла,
И вдруг слеза по ржавой сетке,
Скользнув, ладонь мою прожгла.
«Смотри-ка, па, он лапку тянет!
Ты хочешь в лес? Не бойся, нет!

Медведик, папа не оставит,
Он добрый, он — охотовед!
Он всех спасёт! Он оленёнка
Отбил у волка в холода...»
А я, прижав к груди ребёнка,
Беззвучно плакал от стыда.
Вокруг народ смеялся громко.
Кружил над парком медный туш,
И стыли слёзы медвежонка
На омертвевшей коже душ.

НЕУЖЕЛИ ПОРА?!

Осыпая листвы позолоту,
Куст рябины горит на ветру.
Тем и жив, что болею охотой;
Вот и завтра, дай Бог, поутру
Притулю рюкзакишко за спину
С вертикалочкой, так — для души,
И, обняв у калитки рябину,
Распахну в Божий храм камыши.
Не убить — настрелялся за жизнь-то —
Посидеть, растворяясь в лесу,
Наблюдая, как тучка сквозь сито
Выжимает над речкой косу,
Как бельчата легко и бесечно
На деревьях играют стропой,
А деревья о добром и вечном
Рядом шепчутся между собой...
А вчера, только встав на коленце,
Собирался обнять свой родник,
Вдруг ударил под самое сердце
Из холодных небес переклик.

И я вижу, как Божья невеста
 Надо мною снижает свой клин,
 И пустое свободное место
 Между крыльями двух балерин.
 Неужели пора?!
 «Погодите! —
 Во весь голос я им закричал, —
 Мне не нужен на солнечном Крите
 Ваш обласканный морем причал!
 Даже там, на обрыве дороги,
 Где толпятся к Нему в небеса,
 Исцелую Всевышнему ноги —
 Отпусти мою душу в леса...»
 Пронеслась белокрылая стая
 На далёкий свой пальмовый Крит,
 А в окошках, всю жизнь согревая,
 Ясным светом рябина горит!

Я ЛЬ ЛЮБОВЬЮ ОБДЕЛЁН?!

Много ль надо птахе малой
 Счастья в жизни? — Светлый бор,
 Ручеёк с водицей талой,
 Горстку ягод и простор.
 Вот и мне под милой сенью
 В радость всё, что есть вокруг.
 Каждым утром за деревней
 Машет с кедра бурундук.
 И опять в тиши рассветной,
 В фуфайчонке нараспах
 Я спешу тропой заветной
 Слушать родину в лесах.

Там — с сосною, здесь — с зайчонком
 По душам поговорил,
 В белых рощицах девчонкам
 К лентам бусы подарил.
 Трав с кузнечиком накосим.
 С лосем полюшко вспашу.
 У избушки, встретив осень,
 Обсушиться приглашу.
 И с мурашкой малым дружен,
 И мишань с медком зайдёт.
 Кто малька в обсохшей луже
 Плач услышит и найдёт?
 А пожары? Или реки —
 Сколь заморов и сетей?
 Мы ж на то и человеки,
 Чтобы делать мир светлей...

И сегодня, убродившись,
 Всех обнял, вплоть до репья...
 Как пройти, не поклонившись? —
 Это родина моя!
 Я ли в жизни несчастливый?
 Я ль любовью обделён?!
 Кто сейчас, обнявшись с ивой,
 Шепчет в прядку, что влюблён?!
 Спит заря под лопухами,
 Сняв фату у камыша,
 И на белый лист стихами
 Тихо капает душа.

СВЯТОЕ...

«Семья — это не просто важнейшая ценность в жизни человека, это смысл его существования, источник его вдохновения...»

От автора

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Что ж ты, дочка, совсем позабыла,
Вроде рядом, а всё стороной...
Помнишь — маленькой — как ты любила
Засыпать между мамой и мной.
А заплачешь — прижму, поцелую,
Укачаю приснившийся страх,
Я и Полюшку нашу родную
По всей жизни пронёс на руках...
Вот и ты у меня повзрослела...
А за что мне тебя осуждать?
Ничего, что опять не успела
В выходные ко мне забежать...
Так и завтра — на праздник сходите,
Только внучку теплее одень,
А меня... и потом навестите,
Как-нибудь...
На родительский день.

ТЫ ЗНАЕШЬ, МАМА...

Ты знаешь, мама,
мне опять приснился
наш старый дом с рябиной у окна.
Стоит, родной, нигде не покосился,
по всем углам коса заплетена.
И крыша смотрит в синие глубины,
Все окна и крылечко — на виду,
и лавочку с костром твоей рябины —
всё отыскал, лишь двери не найду.
Так и стоял, потерянный и грешный,
перед избой, как совестью своей,
просил её, от слёз полуослепший,
раскрыть ладонь родительских дверей.
Перед избой... А, может, перед Богом?
Настолько грешен, что прощенья нет?
Ах, мама, мама! Много, очень много
поднакопил я за десятки лет.
Но он простил, в который раз поверил, —
и папка наш, всё тот же, молодой,
выносит мне, распахивая двери,
полный ковш с колодезной водой
и вышитое красным полотенце.
И счастьем светит каждое окно...
Не встретит он... Врачи сказали: «Сердце...»
И дома нет, он сгнил уже давно.
И только ключ, как вечную лампаду
в моей душе, беру, когда хочу...
Ну, что ты, мама, милая, не надо,
не плачь, родная...
Всё. Молчу... Молчу...

ПИСЬМО

*Сердце матери — это вселенская бездна любви,
заботы и всепрощения*

Здравствуй, мой ненаглядный сыночек,
Шлю тебе материнский привет.
Извини меня, Вова, за почерк,
Что-то зрение село на нет.
Как ты там? Грудь, поди, нараспашку?
Вся простуда сыночек от ног.
Ничего, я тебе и рубашку,
И носочки связала, сынок.
А деревня совсем опустела:
Я да кот — вот и весь сельсовет;
Это раньше до зореньки пела,
А теперь даже оклика нет.
Только мы и живём потихоньку:
Хлеб жуём да в окошко глядим.
Помнишь, нет, почтальоншу-то, Тоньку,
Да отец-то — кузнец Никодим?
Вот она иногда забегает,
Сам ведь знаешь, мага́зин-то где...
Что-то лампа весь вечер мигает,
Керосина не купишь нигде...
Банька нынче сгнила и упала.
Дом — «живой», только крыша «бежит»...
Помнишь, в детстве вас с братом купала?
Вани нет... уж полгода лежит.
Это я и жива, и здорова...
Только денег, не надо, не шли.
У Смирновых осталась корова,
И грибы, говорят, подошли.
А наемни вдруг блюдец разбилось,
Будто знак, что заждались уже...

...И под самое утро приснилось,
Будто Ваня стоит на меже:
Улыбается, ручкой мне машет —
В рубашонке одной — на стерне,
А за речкою папка твой пашет
На последнем колхозном коне.
Тут и маменьку вижу, и сёстры —
Зоя с Галею — сняли платки,
А в руках вроде серпики остры,
Рожь рядками, сгребают в валки...
Если честно, болею я, Вова...
Ничего... Ты справляй юбилей...
Ты... потом... телефон у Смирнова...
И прошу: одевайся теплей...

* * *

Пусть разлюбит жена,
И откажутся дети.
Самый преданный друг
За копейку продаст.
Но один человек —
(Точно знаю!) на свете
Никогда в этой жизни
Меня не предаст.
Всё отдаст и взамен
Ничего не попросит...
И, да что там любовь,
Жизнь готова отдать!
Да светится то имя,
Которое носит
В мире самая верная
Женщина — МАТЬ.

ТОЛЬКО БЫ УСПЕТЬ

Этой ночью, длинной и унылой,
 До смерти холодной и немой,
 Потянуло вдруг со страшной силой,
 Потянуло к матери — домой.
 Отогреться маминой улыбкой,
 Выпросить у детства паруса
 И уплыть на тоненькой и зыбкой
 Радуге в тугие небеса,
 Чтоб увидеть, где-то за закатом,
 Как бежим вприпрыжку, кто быстрее,
 С братом Толей (самым лучшим братом!)
 Удить с баржи в солнце пескарей...
 Господи, когда же был я дома?
 Даже вспомнить сразу не могу,
 Словно не меня собой от грома
 Укрывала мама на стогу,
 Не косил росу в речном тумане,
 Не поил закатами коней,
 Не мои друзья лежат в Афгане
 Среди Богом проклятых камней...
 Потянуло, как же потянуло:
 Не увижу — кажется, умру,
 И такую горечью плеснуло,
 Что и слово ей не подберу.
 Ни письма, ни весточки-открытки,
 Как уехал, словно отрубил,
 Даже звон малиновый калитки
 Я уже не помню, позабыл.
 Позабыл, как пахнет в поле мята,
 Как цветёт под окнами кипрей,
 Как в ладонях зимнего заката
 Догорают капли снегирей.

Позабыл, и нет тому прощенья.
 Это ведь как родину предать...
 Я приеду. Завтра. На Крещение,
 Только бы успеть, не опоздать.

И НЕ ГАСНЕТ В ОКНАХ СВЕТ...

Всякий раз, как только птица
 Бьётся в окна — вижу сон:
 День июльский остудиться
 Босиком идёт в затон.
 Небо синим коромыслом
 Почерпнуло берега.
 Деревенька взглядом чистым
 С яра смотрит на луга.
 За калиткой переулки
 Прячут кудри в бересту.
 Ясный вечер из шкатулки
 Достаёт заре фату.
 Звёзды спелую брусникой.
 Спит, обнявшись с пчёлкой, шмель.
 Тишину волшебной скрипкой
 Греет в травах коростель.
 Месяц плещется в рассвете.
 Затуманилась река.
 Плавунец, латая сети,
 Тянет нить из рюкзака.
 В грудь ольхи уткнулась рама...
 Дом лампадкою согрет...
 Там меня всю жизнь ждёт мама,
 И не гаснет в окнах свет.

МОРЯЧКА

А под утро мама вдруг приснилась.
Молодая, та, из детских лет.
Улыбнулась, будто бы простилась,
И ушла в сереющий рассвет.

Позвоню, не дай-то Бог, сердечко.
Расскажу, как внучка бабу ждёт,
Так и носит бабино колечко
Да «Морячку» бабину поёт.

Бабину... И вижу (так бывает) —
Год ли два, трава стоит стеной,
Только шаг — и мама раскрывает
Голубое небо надо мной...

Помню всё: как военком, сморкаясь,
Отдавал нам орден и Указ.
А со стенки папа, улыбаясь,
Не сводил с тебя влюблённых глаз.

Помню сны, дерущие по коже,
С чёрною пучиною в отвес...
Все под Богом. Скоро, может, тоже
Подопру ногой сосновый крест.

И отец, погибший в субмарине,
Спросит, усадив меня у ног:
«Расскажи мне, сына, о Марии,
Расскажи о матери, сынок!»

Что сказать? Не жала так сажала,
Грамотку под старость заслужив.
Всю-то жизнь свечу в окне держала
С верою святою, что ты жив.

А потом твердила, что узнает
Среди тысяч чаек на реке...
Дождь ли, ветер — плащик одевает
И на речку с хлебушком в руке...

Вроде день, уже закат с престола...
Ночь по небу катит каравай...
Ключ — на старт, ремень, педаль до пола...
Ну, давай, родимая, давай!!!

Я успел: народ, готовясь к пьянке,
Заносил столы, смахнув венок,
И шептала матушка из рамки:
«Ты прости... Не дождалась, сынок...»

ДОЧЕНЬКЕ

Доченька, как быстро ты растёшь!..
День-деньской: то куколки, то прятки.
Прочь бежишь, нашкодив, без оглядки,
А потом за сказкой подойдёшь.
К вечеру, устав кружить и петь,
Спит моя родная капризуля...
И готов хоть вечность просидеть
Над тобою, детство карауля.

ОБЛАКО

За небесными высями
 Вижу тень в облаках
 И взлетаю я мыслями,
 И на крыльях-руках
 Я гляжу с поднебесья,
 Забывая свой страх,
 Как туман занавесья
 Поднимает в лугах.
 Только с небушка можно
 Видеть домик родной,
 Как идёт осторожно
 Наша мама со мной
 На сносках моим братиком.
 Мне, наверно, лет пять,
 И зовёт своим бантиком
 Стрекоза полетать.
 Ветер шепчет с травой,
 Пчёлы пьют медунец.
 И копна за копною...
 А у стога — отец.
 И лечу я в объятья,
 И уже на стогу...
 И, казалось, достать я
 Аж до неба могу...
 И ложится на волосы
 Милой мамы венок,
 И зовут на два голоса:
 — Опускайся, сынок!
 Сверху к золоту храма
 Жмётся тень двух сердец
 Это облачко — мама,
 То, что рядом — отец.

ЧУДАКИ

Сколько помню отца, всё с этюдником.
 Краски, кисти, тренога-мольберт...
 Выйдет поутру эдаким чудиком
 И рисует душой белый свет.
 Всё подряд. А особенно небушко.
 Я же — сбоку приткнулся, не дыша...
 «Эх, сынок, ты бы знал, как прадедушка...
 Вот был мастер, хотя и левша.
 Колокольню в тумане над Ладогой
 В три мазочка умел вознести,
 И тесёмку волшебною радугой
 Серой тучке в подол заплести.
 Да и дед Никанорыч художничал,
 Вот и ты, вижу я, полюбил...»
 Папка, папка... А я вот проплотничал —
 Чем и хвастаться — избу срубил.
 Дочки, да, эти обе — художницы...
 Да и внуки, мои лопушки:
 Дима — краски, Максимушка — ножницы,
 Слава — к печке и шпарит стишки...
 ...А вчера слышу: «Вроде не пьяница,
 А заплатки всю жизнь на локтях...»
 Да к копейке ли душенька тянется?
 Люди добрые, мы же в гостях!
 Или в небо потащишь мощну свою?
 Так едва ли поднимешься с ней,
 А вот с верою примет, я думаю,
 Если вера твоя от корней.
 Кем же был ты, мой пращур неведомый?
 Может, рыцарей в Чуде топил?
 Может, бился под Нарвой со шведами?
 Или в келье ту веру крепил?

Если с младости творческой мукою,
Светлым поиском душу спасал,
Так не ты ли с Рублёвым Андрюхою
На Руси-то иконы писал?

СОЛНЦЕ

Лишь только тронет ветер ставни,
Качнёт дыханьем гущу трав,
Как тут же думушки о маме
Мостятся, плечи приобняв.
И нет ни радости, ни света
От красоты родной земли.
Ах, мама, мама, как же это
Мы Божий дар не сберегли...

Как ты живёшь теперь, родная,
В квартирке скромной у сестры?
А здесь, в избе твоей чужая
Семья живёт из Шантары.
Всё перестроили по новой
От половиц до потолка,
И ни копёшки, ни коровы,
Ни Бимки нет, ни парника.
И только так же полыхает
Твоя рябина во дворе
Да опечаленно вздыхает,
Роняя слёзы на заре.
Я прихожу, когда стемнеет,
Уткнувшись в рябиновый подол,
И всё, чем жив, болит, довлеет,
Как на духу! А тонкий ствол

Дрожит, ветвями глядя щёку,
И шепчет: «Сыночка ты мой...»
А я завывть подобно волку
Готов, вжимаясь головой...

Теперь ты в городе, с сестрою.
Там хорошо, какой тут спор,
А я в ночи глаза открою,
На плечи ватник — и во двор.
Курю, как грешник возле храма...
С чего? Да просто осознал,
Что я сестрёнке вместе с мамой
И солнце родины отдал.

ЗДЕСЬ И ДОМ, И ЛЮБОВЬ ТУТ, И ДЕТИ...

Деревенская лирика

Всё тут есть, что для русского свято...

ЧЕМ РОССИЯ СИЛЬНА?

Это кто там слезу о деревне?
Нет, ребята, я вот что скажу:
Кто хоть раз просыпался на сене,
Отпускал лошадей на межу,
А туман утром мазал сметаной
На горбушку, и пил с молоком —
Я с ним рядом, как с Муромцем, встану!
Чем Россия сильна? — Мужиком!
Кто под трактором? Миллер в фуфайке?
Или Басков в надоях мастак?
Так что, брат, нам и вилы, и гайки,
И с гранатой ложиться под танк.

Вот и ночь на Купалу жар-птицей
Упорхнула, качнув небосвод.
Тут же радостно зорька ресницы
Распахнула над зеркалом вод.
Громко бухнула щука колодой,
Ветерок в тальники пробежал,
И ондатры в погоне за модой
Растащили осколки зеркал.

А со стога-то, как на ладони,
Вся округа моя на виду! —
Мерно в хладость зашедшие кони
Хлещут оводов злую орду...
На пригорок церквушка залезла...
Речка ластит свои берега,
И ни химий тебе, ни железа —
Слева — лес и направо — тайга!
Да такая — вовек не измеришь,
Смотришь утром, и сердце поёт...
Ей вот, родине, только и веришь...
Власть? Так та для себя и живёт...

А давай жизнь иную. — Не надо!
А заборы? — Так мы из жердей!
Рубим избы, собравшись бригадой,
На фронтоны — красоту — лебедей.
И покосы соседи помогут,
И от гнуса никто не сбежит,
Тут у каждого в душе к Богу
На особицу тропка лежит...

Вот уже и бурёнок с подворий
Гонит Яшка-подпасок на луг...
В старой кузне негромко Григорий
С Митрофаном запели с двух рук.
Плачет церковь малиновым звоном,
Стелет зорька туманы фатой,
И встаёт, распускаясь бутоном,
Над деревнею день золотой!

ДАЖЕ МЫСЛИ НЕ ПРИЕМЛЮ...

Росой умылся август за деревней.
 Туман стога укутал вдалеке,
 И зорька в тишине перво-осенней
 На речку вышла в розовом платке.
 Присела у подружки говорливой,
 Задумчиво укуталась в рассвет...
 А я смотрю: и нет меня счастливей,
 Да что в селе, на белом свете нет!
 Душа поёт! А как же ей не петься,
 Когда вокруг такая красота,
 Что кажется, мальчишкою из детства
 Жизнь начинаешь с чистого листа...

О чём мечтать, чего желать от жизни?
 Она везде, лишь руку протяни...
 Вот муравей протопал в храмик ближний,
 Живи, мой друг, и Бог тебя храни.
 Храни, Господь, родимую сторонку.
 Не надо нам ни фабрик, ни дорог,
 Здесь комары, и те поют вдогонку,
 И месяц почесать свой тянет рог.
 То чужаку Югра — тайга глухая,
 А нам и мать, и щедрая сестра,
 Даже закат, над речкой полыхая,
 Тебе ушицу сварит без костра...
 Здесь наши деды с прадедами жили,
 Шли с Ермаком подальше от царей.
 А разве меньше Родину любили?
 Да в тыщи раз, чем те её, сильнее!

И умирали, жизни не жалея,
 Как дед мой Нестор в битве под Москвой,
 Как бабушка родная, Пелагея,
 Оставшаяся в двадцать лет вдовой.
 Не отреклись, не бросили деревню,
 В слезах вставали затемно плужить...
 Уехать?! Даже мысли не приемлю,
 Да нам, родная, жить ещё и жить!

А вот и зорька косы распустила,
 К наличникам прижалась не дыша,
 Как с исстари деревню полюбила,
 Так и верна ей, светлая душа...
 Сползла тумана белая простынка...
 А кто бежит там с удочкой в прыжок?
 Так это ж внук мой старшенький Максимка! —
 Спешит макнуть в рассвет свой поплавок.
 Растёт малец. Во всём уже помощник —
 И на покос, и в лес, и по тоням...
 А младший, Славка, будет коновозчик,
 Тот от рожденья тянется к коням...
 А Коля¹ даже памятник поставить
 Призвал на Красной площади в Москве,
 Но есть ещё кому деревню славить
 И плавить к ней дрова на бечеве,
 И вырезать наличники на окна,
 И баньки к избам новые рубить,
 И нежно, без единого упрёка,
 Душою русской преданно любить.

¹Поэт Николай Мельников «Поставьте памятник деревне»

ЖИВУТ ПО-РУССКИ...

Развалился рассвет
 Над тайгой свежеспиленным тёсом,
 Расстелила заря
 Над туманами розовый плат.
 Золотым гребешком,
 Вниз пройдясь по берёзовым косам,
 По осколкам зеркал
 Перешла меж камней пережат
 К деревеньке моей,
 Что раскинула избы над яром,
 На ладонях полян,
 Среди леса, в подмышке реки...
 А вокруг журавли
 Из болот подпевают гагарам,
 И целуют озёра
 Шальные от счастья чирки.

Здесь по-русски живут
 И уходят из жизни по-русски.
 А чего тут жалеть,
 Каждый сам выбирает судьбу:
 Или водку с утра
 Под забором хлестать без закуски,
 Или днями в поту
 Заплетать кружевами резьбу
 По духмяности плах,
 Чтоб запела в них даль ветровая,
 Чтоб проезжий народ,
 Увидавший мой храм у реки,
 Вдруг, опешив, сказал:
 «Боже мой, да она ведь — живая!

Вот же матушка-Русь!
 Что ж хороним её, мужики?!»

Не в полотнах она
 Дотлевает в тиши Эрмитажа,
 А живёт, как жила,
 Только спрятала серьги под шаль.
 Как ей петь да плясать,
 Если небо над Родиной в саже?
 Если сплошь вороньё
 Тащит зёрна в заморскую даль?!
 Ничего, всё пройдёт,
 Всё на крúги своя возвратится.
 Нам бы только у Бога
 Прощенье успеть заслужить
 За всё то, что бездумно
 Творили с родимой землицей,
 И понять, наконец:
 Без деревни России не жить...

Вот и первый дымок
 По соседству над крышей поднялся.
 У Надежды петух
 Загорланил, встречая рассвет...
 Вот и снова в любви
 Деревеньке у речки признался:
 Без неё, как без Родины,
 Жизни для русского — нет!

Вечер звёзды высыпал морошкой,
Зорька сказку шепчет малышам,
И крадётся в тучах белой кошкой
Над рекою месяц к камышам...

Всё же хорошо, что здесь родился,
 Кто меня бы в городе узнал?
 Здесь с утра на свет перекрестился,
 И денёк — как Бог поцеловал!
 Там — обнял ромашку у мосточка,
 Здесь — наладил обод колеса,
 И пройдясь по лезвию брусочком,
 С топором к соседу на леса.
 «Эй, ребята, мха-то не жалейте!»
 Ряд, второй... «Санёк, какой шабаш?!»...
 И счастливей нет меня на свете,
 Ухватив на выдохе кураж!
 Да ещё колодезной водицы
 На себя, и снова за топор,
 И мелькают брёвна, словно спицы,
 Складываясь лапами в узор...
 А потом рубанком стружку мёда,
 Вечерком успел сгрести копну,
 И в тепло июльского зарода¹
 С Любушкой слушать тишину.

Шепчет Русь с Полярною звездой,
В тальниках поёт сорокопут,
И в туманах тихо над водою
Храмы, будто лебеди, плывут...

Бродит осень в дождях по опушке,
С паутиной седой в волосах.
Дозревает брусника, волнушки
Зябко ёжатся в мокрых лесах.
В небе тучи накрѣнились боком
Так, что дня не проходит без слѣз,
И всё глубже в бочонок под стоком
Прячет золото осень с берѣз,
Хоть садись и тоской умывайся...
Да какая в деревне тоска?!

Там — колоть,
здесь — сложить,
тут — прибраться,
Поспевать надо, вёдро пока.
Вон картошка три дня уж грозитя
Из гряды золотым кулаком.
И забор, как Авдотья, косится.
А когда — целый день с неводком.
Как ты зиму без рыбы протянешь?
Без капусты, груздей, молока?..
Так что утречком затемно встанешь,
Ясный месяц пригнёшь за рога,
Чтоб светлей, хоть какая-то польза,
И — за сеном на дальний увал.
Вил не видно ещё, а полвоза
На телегу уже закидал.
Не успел привезти — надо в стайку.
У коровы убрал, ждёт река...
Так что к вечеру даже фуфайка
Просолеет... Какая тоска?!

Вот придумал же кто-то словечко...
 Тут и рад иногда погрузиться,
 Да под дождь, разоспавшись на печке,
 С лебедями над родиной плыть,
 А куда?! Так что нет этой грусти.
 Грусть, когда ты от дома вдали.
 А когда пироги бабы Дуси
 От соседей тебе принесли,
 Видишь речки любимой извивы,
 Тянет алые губы заря,
 Понимаешь — ты самый счастливый,
 Что на жизнь наговаривать зря...
 Здесь и дом, и любовь тут, и дети,
 Вера, родина-мать, старики...
 И за всех перед Богом в ответе!
 Так что живы ещё мужики.

* * *

Облетел березняк вдоль протоки.
 Леденеет в кадушке вода.
 Вот и снова лишь мы да сороки
 И остались встречать холода.
 Благородье-то всё разлетелось —
 Гуси, лебеди, местная знать —
 Все на юг. Да и нам бы хотелось,
 Хоть разок в том Крыму побывать,
 Ребятишечек вывезти к морю...
 А на что? Далёко ли пешком...
 Видно тоже судьба к Синегорью
 И привяжет, как нас, узелком.

А с другой-то, чего тут плохого?
 На родимой земле и зима
 Вместе с красною зорькой с Покрова
 Разукрасит снежком терема.
 И черёмуха ягодой сладкой
 Угощает соседских ребят,
 И в любую беду над лампадкой
 Отогреет Всевышнего взгляд.

Всё по совести здесь, всё по сердцу.
 Сам Петровне помог на гряде,
 Или рыбки принёс по соседству —
 И тебя не оставят в беде.
 Человеку-то много ли надо?
 Уваженье. Простор для души.
 Слава Богу, что вокруг не ограда,
 А тайга, хоть картину пиши!
 Выйдешь к Ляпушке по воду утром,
 А с востока-то весь небосвод
 Осыпает заря перламутром,
 Встав на Рокинский дальний зарод.
 И Хулга забинтует туманом,
 И берёза духмяной листвою
 В баньке лечит, и дали урманов
 Греют душу своею красой...
 И пускай мы живём небогато,
 Ни заботы о нас, ни дорог,
 Всё тут есть, что для русского свято —
 Совесть, Родина, Вера и Бог.

ЩЕКУРЬЯ

Мороз. Струится дым из печек.
 Деревня. Утро. Покрова.
 Соседи, выпустив овечек,
 Ладком уселись на дрова,
 И... понеслось — за жизнь, за цены,
 Болячки, пенсии, врачей,
 За клуб и люськины измены,
 Коль родила после Сочей;
 Что приключилось с дядей Мишей,
 Когда медведя повстречал...
 А солнце — ярче, небо — выше,
 Топор негромко застучал.
 Вань — за водой, Илья — за сеном,
 Сороки — свежую молву,
 В пару соседushка Елена —
 Бельё в прихлоп на бечеву.
 Народ спешит — спектакль же в клубе!..
 ...Истаял день дымком костра,
 И вечер, барин в чёрной шубе,
 Сел в кошеву среди двора.
 Звезда... Вторая... Ночь крылами
 Укрыла ласково тайгу,
 Луна с двурогими вилами
 Ползёт к стогам на берегу.
 А тишина стоит такая,
 Что слышно, как мороз звезду
 Катает, искры высекая,
 По народившемуся льду...
 Светает... Вскинулась лосиха...
 Восток туманы замесил,
 Заря с корзинкою брусники
 Встаёт... Петух заголосил...

Подойник брякнул пустозвонко...
 Деревня... Утро... Покрова...
 Живёт, живёт моя сторонка,
 и с ней душа моя жива!

ПЛОТНИК

Выйдешь поутру, сладко зевая,
 На крылечко, да глянешь за двор,
 А над речкою, синь обнимая,
 Тают снежные маковки гор.
 Улыбается солнце счастливо,
 Поцелуями ластит всего:
 Щёки, губы — и прямо, и криво,
 Словно нет больше здесь никого.
 Ощущение — как причастился...

Стоп! А время? Так Лёха-то ждёт!
 У колодца с ведра окатился,
 Хватъ черту¹ с топором, и вперёд!
 Дяде Ване с Алёшкой — соседом
 На околице сруб поднимать —
 Угол в «лапу» с потаем, да следом
 Мох кияночкой в паз подбирать.
 А девчонки, глазами стреляя:
 «Не желаете, парни, кваска?»
 Да какое?! — Тут «пьянка» другая,
 Тут кураж подцепил мужика!
 Я бревно кантовать — он закончил.
 Я на сруб — он уже наверху!
 Улыбается только, хохочет,
 Мох в ладонях изводит в труху...

Так вот мы, кто ловчей да быстрее,
И подняли избу до стропил.
Дядя Ваня тропинкой в кипрее
Тащит бражку отметить наш пыл.
«Ну, ты, Лёха, и крепок, однако,
Что тут скажешь ещё? — Молоток!»
Дядя Ваня — медок, кулебяку
Да ватрушки на женин платок...

Вот и плата. Сковала усталость.
Ну, и честь тоже надобно знать.
Да и матушка вся стосковалась,
Завтра тоже с рассветом вставать.
Возвращаюсь домой по деревне —
Зорька в речке полощет косу,
Вкруг её кедрачи с умилением
Держат в лапах фату на весу,
Летний вечер присел за колодцем...
Я же знаю — избёнка не храм.
Так за что по-отечески солнцем
Бог целует меня по утрам?

¹Чертá — плотницкий измерительный инструмент

* * *

Опрокинула ковшик Медведица
Над тайгою с хрустальной водой.
Пахнет мёдом у дома поленница,
И милуется тын с лебедой.
Собирает заря по затаинкам
Синегорья в подол киноварь,
И в осоках горбушею маленькой
Тешит душеньку месяц-косарь.

Заплела в косы ленточку алую,
С синеглазым ведёрком в руке,
Деревенька, невестой желанною,
Из тумана выходит к реке.
Белоснежное платье черёмухи
Осыпают росой пауки,
И поклоном встречая, кедровники
Просят сердца её и руки.

А она с лебединою верностью
Ждёт, целуя мечту на крыле,
Что из города, каменной серости,
Возвратится хозяин земле.
Снова выкосит травы за Ляпушкой,
Искупает в закатах коней,
И под старой иконой прабабушки
За Россию помолится с ней.

Заметает снегами метелица
Переулками зимние дни.
Почернела у дома поленница,
Не осталось в округе родни.

Ни желания больше, ни времени
 Ждать годами людского тепла...
 Дай, Господь, рассмотреть в этой темени
 Над собою два белых крыла.

СТОГ

Так значит мне, поэту русскому,
 Слабó стожок поставить, Яш?
 Смотри, сосед! Ты не капусткою —
 Сметаной проигрыш отдашь!
 А как в луга-то утром выбежал,
 Там, ё-мое — копна к копне!
 Пока стаскал да кру́гом выложил —
 Рубаха взмокла на спине.
 А что теперь жалеть да каяться? —
 Покрепче вилы в перевес...
 Растёт, родимый, подымается,
 Ещё чуть-чуть — и до небес!
 Подгрёб последнюю, с овсяником,
 А сам уже — ни рук, ни ног,
 Но поднатужился и пряником
 Хлобысь навильничек на стог!
 Охлопал вокруг жердиной тоненькой.
 В сторонку, пот-то утереть...
 Такой, скажу, стоит часовенкой,
 Аж любо-дорого смотреть!
 Да и к реке, в курейку тихую,
 Ершат на дне пощекотать,
 Смотреть, как вечер с лебедихою
 Зарю укладывают спать;

Читать стихи в своей затаинке
 Влюблённым ивам у мостка,
 Букашек малых на прогалинке
 Спасать из сети паука,
 Смотреть и слушать, как плескаются
 Русалки, вынырнув с глубин,
 Как жемчуг с кедра осыпается
 В ладони тонкие рябин,
 Туманы с травами милуются
 За речкой, спрятавшись в логу,
 И зорька... с месяцем целуется
 На свежесмётанном стогу!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Расстелила кумач
 За протокой заря в луговине.
 В белоснежном платке
 Прислонилась рябина к окну.
 Первый солнечный луч
 Между рам проскользнул в паутине,
 И, как рыжий котёнок,
 Поймал на ковре тишину.
 Отогрел оленей.
 Посидел в уголке под иконой,
 Запалил огонёк,
 Осветив всепрощающий взгляд...
 Воскресенье. Покров.
 За окошком по улице сонной,
 Как невесты у изб,
 В белых платьях рябины стоят.

Сладко пыхнув дымком,
 Закурила изба по соседству.
 Сизый столбик поплыл
 Над застывшей рекой в синеве...
 Может, мне показалось,
 Но будто далёкое детство
 Прикоснулось теплом
 К поседевшей давно голове.
 И слышалось вдруг,
 Где-то мама негромко с крылечка,
 Притомившись от стирки,
 Прищепки зовёт подавать...
 Обуваясь, бегу,
 С колотящимся гулко сердечком,
 Поскорее помочь? —
 Поскорее покрепче обнять!

Пахнет снегом бельё,
 Принесённое утром с мосточка.
 За окном свиристель
 Среди веток рубины клюёт.
 Осыпается снег.
 Покрова. Воскресение. Дочка
 В ожерелье прищепок
 На улицу внука зовёт.

ПРОСТИ...

Удивлялась тайга,
 И шептались на сопках олени,
 Увидав, как в потёмках,
 Спустившись к реке через дол,
 Деревенька моя
 В омуток забрела по колени,
 Не боясь замочить
 Васильками расшитый подол.
 С материнской любовью
 Умыла стога и берёзы,
 Все тесиночки крыш,
 И крылечки, и окна домов...
 Поклонилась тайге,
 И, туманами вытерев слёзы,
 Возвратилась назад
 Под кедровый родительский кров.

А на утро народ,
 Удивляясь, на улицу вышел.
 Оглянулся вокруг,
 И старуху свою не узнал:
 Все дома, даже баньки,
 На пару венцов стали выше,
 Даже грязь — синеву
 Отразила, не хуже зеркал!
 Тротуар засиял,
 Как полук, отскоблённый ножами.
 Не забор, а гармонь,
 Хоть беги и натягивай хром!..

А в реке — чудеса!
Там садок привязался вожжами,
Да не с воблой-щепой,
А с добротным, под пуд, осетром!

Даже им не смогла
Никого удержать деревушка...
И в обеденный час
На причаливший к ней теплоход
Сел с узлами народ,
Да и в город, где серая «двушка»,
Отогрев беглый люд,
Всем путёвку дала на завод.
И казалось, уже
Здесь не скрипнет в ночи половица,
Не прижмётся весною
Рябина к поленнице дров,
Будут слепо глядеть
Вдаль реки, почерневшие лица,
Виноватые лица
Ни в чём не повинных домов.

Деревенька моя,
Ты прости меня, дурня, родная.
Это я пацанёнком
С кедровой ладони тайги
Наблюдал, как с узлами
Бежала родня, напевая...
Я вернулся к тебе —
Возвратить за неё все долги.

И тайга, хмуря даль,
Недоверчиво ветром спросила:
«А душонка-то где?
Без неё будет легче предать»...
А родная уже
За речушкою росы косила,
И спускалась в слезах
Деревенька простить и обнять.
И теперь за окном
Снова простыни стелют туманы,
Ожидая зарю,
Под счастливый напев журавлей,
И с любовью глядят,
Как целуют ей руки голяны,
Просветлевшие лица
Родной деревеньки моей.

Я — ОХОТНИК БОЖЬЕЙ ВОЛЕЙ...

*«Но одно я знаю точно: мы в ответе за всех,
кого встречаем на своей охотничьей тропе,
и за всех тех, с кем наравне делим эту
неутолимую страсть — охоту...»*

От автора

Дым над плёсом гнётся коромыслом,
Пламя лижет мятый котелок,
Харюзок, на прутике повиснув,
Пульками отстреливает сок.
Укатившись мячиком за плато,
Плещет в речке солнце на мели,
И стекает золото заката
По ветвям в речные хрустали...

Кто я здесь — хозяин, гость, прохожий?
Я — охотник, вот моё ружье.
Значит, враг? Но почему всей кожей
Чую боль и горе, как своё,
В муках умирающего кедра
Под бездушным траком тягача,
Вижу нить оборванного следа
В темноте оленя-рогача
И на тропах лося обрываю
Петли браконьеров у реки.
Почему? Да потому, что знаю:
У добра должны быть кулаки.

Не нужна властям моя природа...
Что с того, что лампою — звезда,
Что порой с еды — мука и сода?
Не помрём, у нас и чай — еда.
Это дочь всё зазывает в город.
А кому за живностью смотреть?
Вот хвоинка юркнула за ворот —
Тоже надо кроху отогреть.
Здесь ночами думаешь о многом:
Времени, правителях, стране...
Вот кому бы с совестью и с Богом
Хоть разок побыть наедине!

Солнце вниз ушлёпало по броду.
Месяц серебром осыпал мох.
Ухнул филин выяснять погоду,
У бельчат подняв переполох.
Паучок спустился с небосвода.
Чай брусничный млеет на огне,
Засыпает дикая природа,
Жизнь свою доверившая мне.

ИЗБУШКА С ДОБРЫМИ ГЛАЗАМИ

Здесь всё в округе сердцу близко...
 Зайдёшь в уснувшие леса,
 И словно первая записка —
 Рассветный снег. На нём лиса
 Изящной вязью исписала
 Вокруг деревни тишину,
 И мыши, вытащив кресало,
 Прожгли ходы под бузину.
 Там — глухари пером черкнули,
 А здесь, поближе к берегу,
 Зайчата стропы натянули
 В тальник уплывшему стожку.
 И каждый след — душа живая,
 Над каждой светит огонёк,
 В земном пути отогревая,
 Хотя невидимо далёк.
 Для старых, малых, дальних, ближних
 Малькам, что даже не видны...
 У Бога нет чужих и лишних —
 В его любви мы все равны.
 Следы... Одни — под утро тут же
 Позёмка снегом заметёт,
 А по другим, что сердцем глубже,
 Уже и третий след ведёт.
 А там, глядишь, уже тропинка
 В лесах бежит среди опят,
 Медведь с малиновой корзинкой,
 И лоси в ельниках трубят.
 И снова, выбежав задами,
 Щенком свернётся у плетня,
 Избушка с добрыми глазами,
 Где будет жить чудак... как я.

*И за весь этот мир, от звезды до малька,
 Я один перед Богом в ответе*

Догорает костёр. Сладкий запах ухи
 Стелет дым по горбушке заката,
 Как же здесь вечера благодатно тихи,
 И певуча душа переката.
 Гулко хлопнет таймень, и опять тишина...
 Над водою танцует подёнка...
 Выплывает ржаным караваем луна
 Удивить новой сказкой лосёнка.
 Ночь таёжные крепи укрыла крылом,
 Звёзды по небу — спелой морошкой,
 И мерцают углья душевным теплом,
 Обнимаясь с печёной картошкой.

Красота и покой... Чем ещё дорожить,
 Как ни этим вот самым мгновеньем?!
 Быть с хвоинкой в родстве, с мудрым йети дружить
 И к медведю ходить за вареньем.
 Глухарю подпевать по весне на току,
 Пожурить соболька-непоседу, —
 Где-нибудь да нашкодит... Канавку мальку
 Прокопать... Вот куда я уеду?
 Здесь мой дом. Здесь давно поселилась душа,
 Лесу — деревом, берегу — галькой...
 Как ни свадьба — зовут, а родят малыша,
 Я и крёстный хвостатым, и нянькой.
 Браконьера мету, словно мёдом им тут...
 А кому ещё с ним зарубиться?

Власти? Те — и себя-то здесь вряд ли найдут,
 Так что некому тут заступиться
 За лосят-оленят, таймешат — харюзов...
 С чем идут в основном-то? — С корыстью!
 Редко встретишь такого, кто был бы готов,
 За мурашку пожертвовать жизнью...

Где-то хор журавлей на болотах поёт,
 Там же топи — ни сесть, ни согреться,
 И чего восхвалять?.. Лишь влюблённый поймёт:
 Так о родине может лишь петься...
 ...Догорает костёр. Спит в туманах река,
 Стынут в травах паучие сети...
 И за весь этот мир, от звезды до малька,
 Я один перед Богом в ответе.

ЯГОДА БРУСНИКИ

Тишина, укутавшись туманом,
 Сторожила озеро в лесу.
 Ночь босой девчонкой по полянам
 Рассыпала пригоршней росу.
 Паутина стыла над водою,
 Лес дремал, уставший от забот,
 Только выпь, спросонья козодюю
 Отвечала где-то из болот...

И казалось мне, что это боги
 Рай создали. Для кого? Людей...
 Я же помню, как, устав с дороги,
 Здесь садилась пара лебедей.
 Белые, как ангелы, без шума —
 Символ чести, верности, любви.
 Я тогда, увидев их, подумал:
 «Кто посмеет ангела убить?»
 Боже мой, о как они кружили!
 Нам бы так любимых-то беречь...
 Может быть, и по-людски бы жили,
 а мы всё стараемся обжечь.

Лебеди... Да тут одно название
 Тянет в небо, к Богу, к чистоте...
 Я ушёл, чтоб ни сучком — дыханьем
 Не спугнуть их счастье в темноте.
 Пели звёзды, месяц улыбался,
 Да и я, душой светлея, пел...
 Вот и мой кордон, и тут раздался
 Выстрел. Я — назад... И не успел...

Одиноко гасли в небе клики,
Первый луч гранил в траве алмаз,
И стекала ягодой брусники
Капля крови из открытых глаз...

ЗИМОВЬЕ

Нет, ребята, скажу вам, избушка
Для таёжника — то же, что мать.
Да двуручка — стальная подружка —
Поспевай только чурки таскать!
А в избушке, что главное? Сердце —
Печь-железка без всяких затей.
Отогреет и немца, и ненца,
И геологов всяких мастей.
Приползёшь к ней, как часто бывает,
Снимешь лыжи в потёмках, без сил, —
Всю-то ночь с уголочка вздыхает,
Шепчет: «Где ж тебя леший носил?!»
Отогреет, накормит, обсушит,
Убаюкает сказкой-теплом.
Тихо за полночь лампу притушит,
И всю ночь дозорит окном.
Спишь младенцем, набегавшись за день,
Спят собачки, налаявшись всласть,
Точит месяц разбойничий складень,
На кудрявую тучку косясь.
Ташат корку счастливые мыши,
Дым столбом, поддувало сопит,
Свесив лапу почти что до крыши,
Над избушкой Медведица спит.

БИНТЫ, ЗАБЫТЫЕ ЗАРЁЙ

А лето было на излёте.
Комар пилил с душою в лад,
Заря уставшая в дремоте
Искала тень лесных прохлад
Над озерком, в таёжной крепости,
Святой обители всех птиц.
Урал в седом великолепии
Суровил брови вдоль границ.
И... задремал, сказались годы...
А с перевала по камням,
Рыча утробно, вездеходы
Царей вползали в Божий храм.
Их били влёт. Очередями.
И добивали на воде
Гусей линялых с лебедями,
Птенцов и самок на гнезде...
Никто не спасся светлой ночью,
Ничья не дрогнула рука...
Туманы порванное в клочья
Прикрыли тело вожака...
Поднять с воды пытались звёзды
Луны отстреленный ломоть,
А у костра цари природы
Клыками рвали птичью плоть.
В распадах плакали олени.
Чернели крылья лебедей.
Заря в слезах, встав на колени,
Взывала к совести людей...
Я опоздал. Уголья тлели,
Стелился чад над колеёй,
И на воде, меж звёзд алели
Бинты, забытые зарёй...

И С ТОЙ ПОРЫ В МОЁМ ПАТРОНТАШЕ...

Мороз. Такой стоял мороз
По всей тайге в ту зиму на Крещение,
Что даже ветка по щеке, до слёз
Ударивши, взывала к всепрощенью.
А я бежал с ружьишком налегке,
Без лыж за росомахой по отрогу,
И тут решил спрямить себе дорогу —
Короток день, и повернул к реке.

Она спала, чуть притушив поток
Скалой в отвес, под лёгким одеялом,
И полынья наискосок устало
Тянула ленту с яра на песок.
А у воды кипящей воробей,
Как уголёк — что хвост, что подбородок,
С таёжной речкой — дружба — не разлей,
Сидел её любимец — зимородок.
И вдруг в пустом безмолвии зимы
Разнёсся звук серебряный свирели!..
И даже снег стал осыпаться с ели
Оттаявшей, и кедр снял пимы,
И мхи зазеленели на скале,
Разбуженные песней зимогорца..
И понял я, что есть на свете солнца
И среди нас, живущих на земле!

И с той поры в моём патронташе
Сухарь для птиц и бинт для росомахи.
Дай Бог и мне, как той безвестной птахе,
Оставить след и свет в чужой душе.

ЕГЕРЬ

А.Н. Марчук посвящаю

Он вышел к речке на обходе:
Ложилось солнце в тучу комарья,
Метался гнус, шалея к непогоде,
Извечный деспот всякого зверья.
Всем тяжело в июльскую жару,
Одно сейчас спасение — вода:
Что силачу-медведю, что лосячу,
Лишь браконьеру в радость та беда.
Когда он жил по Божеским законам?
И егерь знал — он где-то на реке,
И карабин с единственным патроном,
На всякий случай был в его руке.
И вдруг олень — красавец круторогий,
С подпалинами охры на боках,
От комарья, не чувствуя двуногих,
На берег вышел в нескольких шагах.
Секунда — и олень уже на мушке..
Да ладно, брат, ты что? Я пошутил!
И тут прицел оптический с опушки
Оленью грудь, блеснув, перекрестил....

Он жал курок, едва ли сознавая,
Что перед Богом жребий свой бросал —
Оленью душу выстрелом спасая
Поверх, свою, заблудшую, спасал....

И был ответ — по сопкам умножаясь
Свинцом и бранью — вымещенный страх..
И плыл олень, спасённый, отражаясь
В счастливых, мёртвых егерских глазах.

ВОЛК

Я его под корягой нашёл —
 Голопузую волчью босóту.
 — Как же ты, мокроносик, ушёл
 От облавы двуногих к болоту?!

И — за пазуху. Там и согрел.
 В дом принёс и насильно — из соски.
 Через месяц с ладони он ел
 И играл, и все тряпки — в полоски.

Как ребёнок! А я-то как рад!
 Волк — помощник, и это не байки.
 И казалось, что он во стократ
 Будет в жизни мне преданней лайки.

А подрос, я ошейничек сшил,
 И — на цепь, а не хочешь — в вольере?
 И ноябрьским утром решил
 Испытать его хватку на деле...

Вот и лес. Дробовой в полу — чёк!
 Вдруг лосёнок метнулся кустами.
 — Что молчишь-то, товарищ волчок,
 Идеальный помощник с клыками?

Я ошибся. Он видел его,
 Всё в момент просчитав и наметив.
 Только я не учёл одного —
 То не люди, чтоб лаяться, встретив.

И носились они тем леском
 Всю-то ночь, будто дети, играя.
 Я домой его чуть не силком
 Притащил на цепи, чертыхаясь.

За неделю — ни разу к еде...
 Он ушёл тем же волком безродным...
 Нет, не корку он выбрал себе —
 Выбрал смерть, даже смерть, но свободным.

ЖДЁТ, КАК МАТЬ...

Приезжай! И сам узнаешь.
 Сходим в лес, и подтвердишь,
 Что, когда совсем устанешь,
 Еле ноги волочишь
 И рюкзак... Да тот же камень! —
 Отнимается спина,
 Из последних сил дотянешь,
 Доползёшь и вот... ОНА.
 По-над речкой на опушке,
 В тихом царстве глухарей,
 Ждёт, как мать, моя избушка
 С иван-чаем у дверей.
 Подойду я к ней усталый,
 Приложусь щекой к стене.
 Что так сердце задрожало,
 И светло, и грустно мне.
 Как ты тут, моя родная,
 Вон, как выстыла зимой,
 Успокойся, я всё знаю,
 Я вернулся, я с тобой.
 И к печурке, да с поклоном,
 Пряча мокрые глаза,
 И блестит в стекле оконном
 Материнская слеза.

Стол накрыт, налита кружка,
 Месяц сел на зимовьё.
 Ну, рассказывай, старушка,
 Про своё житьё-бытьё.
 Так без лампы и без света
 До рассвета просидим,
 Нам не надо слов ответа —
 Мы душою говорим...
 Солнце выплывет в тумане,
 Распустив подол зари,
 Запоют в родном урмане,
 Просыпаясь, глухари.
 Луг духмяный, лес, речушка —
 Заповедные края.
 Здесь стоит моя избушка,
 Здесь и Родина моя.

ГРЕХ

Когда израненная дробью
 Заря сползла в ладони дня,
 Поющий клин
 Гусей над Обью
 Зашёл на линию огня.
 Под маскировочную сетью,
 Взяв упреждение на патрон,
 Хлестнул стрелок свинцовой плетью
 Поющий в небе эскадрон.
 За первой падала вторая,
 Встречая грудью «два ноля»¹,
 А птицы, даже умирая,
 Шли на родные профиля².

Шли на родной кусочек суши
 Из Копенгагенов и Ницц,
 И только родственные души
 Могли понять безумных птиц.
 Вот и последняя над поймой
 Закрыта мушкою ствола...
 Лежат расстрелянной обоймой
 Вокруг крылатые тела.
 И я, чьё сердце не дрожало,
 Когда стрелял их не спеша,
 Ещё не знал, что там лежала,
 Моя убитая душа.

...Уже давно другая зорька
 Встаёт туманы сторожить,
 Я всё бы отдал, чтобы только
 То утро заново прожить,
 Когда трофеи собирая,
 Касаясь тёплых, нежных крыл,
 Ещё не знал,
 Что двери рая
 Рукою собственной закрыл.

¹«Два ноля» — нумерация картечи;

²Гусиный профиль — охотничий атрибут приманивания птицы

МНЕ БЫ — ПАМЯТНИК ВАМ, ХОРОШИЕ...

*Таёжному охотнику, влюблённому в родные
горы Приполярья и своих четвероногих питомцев,
Тимонину Михаилу Васильевичу посвящается...*

* * *

Невесомою белой простынью
На рассвете упали снега,
И простилась с красоткой-осенью
Златокудрою ночью тайга.
Улеглась и душевная смута —
Ни дождей, ни рыдающих стай,
И катает алмазное утро
В гулком ельнике радостный лай.

Это Бойчик, породы лаечной,
Проверяет на деле басок.
Прошмыгнула душонка заячья —
Вот и будит в азарте лесок.
Прибежал. Улыбается, ластится...
Что, дружок, упустил колбасу?
Всё, родной, облетели платъица,
Зимний промысел, брат, на носу.
Дело, сам понимаешь, серьёзное.
Хочешь — нет, а в морозы вставай.
Войско наше капканов грозное
Мне приманкой кормить помогай.

И пойдёт наша жизнь таёжная,
Как бывало уже и не раз,
Лишь бы дома с любовью Божьею
Проводили на промысел нас.

А ведь лайки — самые верные —
От беды остановят в шажке,
И опасность почуют первые,
И медведя осадят в прыжке,
И в пургу отогреют шкурами.
А что сыро, то — не беда,
Да и я их в минуты хмурые
Обнимаю, родимых, всегда.
Так любить, только в сердце выносить.
Все охотники знают окрест —
Каково из помёта выпросить
У меня чистокровных невест.
Пусть и когти шатуны длинные,
Ни одна из моих не сбежит...
Сколько вас по тайге-то, милые,
В безымянных могилках лежит!
Мне бы — памятник вам, хорошие:
Громик, Веточка, Бор, Гуляй...
Что притих?.. И тебя — с порошею...
Хватит ластиться...
Догоняй!

БОБКА

*Стихотворение посвящено Бобке.
Он погиб, спасая меня, 28 ноября 2006 года*

Горит костёр. Парит одёжка.
С душистым лапником постель.
Луна в серебряных сапожках
Вокруг обхаживает ель.
Усталость сковывает тело...
— Ну, что, набегались с тобой!?
Охота, брат, такое дело,
Тут каждый день идёшь, как в бой...
Уткнув свой нос в мои колени,
Глаза в глаза, сидит мой друг,
И уши каждое мгновенье
Тайгу сканируют вокруг —
Быстрее вычислить добычу,
Отвлечь, догнать, предупредить,
Стрелой летит, едва покличу,
Расцеловать и угодить.
Мы сколько пережить сумели...
А что ждёт завтра, впереди?
И слышу я, обняв сильнее,
Как сердце бьёт в его груди...

ДРУГ

«Ну, сейчас доберусь я до волка!
Хватит с «Тозовки»¹ бить воробья,
Мой «Драгун»² — это вам не двустволка,
И кобель мой достоин меня!..» —
Распался всё больше Андрюха,
Пряча в ельник японский «Мустанг»,
И улыбка от уха до уха
Отражала достигнутый ранг.
Цепь золотая с крестом в три обхвата
На прожаренной Кипром груди,
Да и «Хольстер»³ элитный, не вата,
Не фуфлоска какая, поди!

И пошли: он, о шкуре мечтая,
Пёс, как самый заправский челнок...
И не знали, что серая стая
Тоже жаждала плоти кусок.
...Что желалось всем, то и случилось,
Только выпал из рук карабин...
Лишь собака юлою крутилась
Среди кругом ходящих горбин...
Он бежал, спотыкаясь, к машине,
Рвался «Хольстер» хваленый в ремки...
А у сопки по пёсией брюшине
Третий раз проходились клыки...

«Умоляю, спаси меня, Боже!
Я отстёгивал церкви не раз!» —
И от страха мурашки по коже,
И давил, озираясь, на «газ»...

Только дома он высох от пота.
Через день из столовой: «Андрей!
Там не Бойчик скребётся в ворота?
Слышишь, кто-то скулит у дверей?»

Он дополз, истекающий кровью...
«Друга бросить? Совсем? Одного?!»
И... затих. Но с какою любовью
Даже мёртвый смотрел на него!
А хозяин плеснул в рюмку виски,
И охране: «Чё смотрите! В бак!»
Пёс не знал, что предательство близких
Отличает людей от собак.

¹«Тозовка» — малокалиберная винтовка «ТОЗ-17» под патрон кольцевого воспламенения кал. 5.6 мм;

²«Драгун» — самозарядная винтовка Драгунова (СВД);

³«Хольстер» — Ижевская фирма по выпуску прочнейшей всесезонной охотничьей одежды

ПОДЛОСТЬ

На Крещение лайка оценилась.
Запищала в полночь тишина.
Бабкой-повитухою склонилась
Над деревней в чепчике луна.
Наконец-то кончились мученья...
Отгрызая в чёрной стыни нить,
Думала: «Уж коли на Крещение,
Ангелы от бед будут хранить.
В прошлый раз всего-то на минутку
Отошла, и кто-то утащил...
Так хозяин, озверев, у будки
До смерти штакетиной избил.
А теперь и братьям, и соседям
Сможет он детей моих раздать,
А моя порода и медведю
Гачи¹ снимет, и соболевать...»
Отползала ночь в тайгу с окраин.
Бусый, сладко чмокая, притих,
И не знала лайка, что хозяин
Снова прорубь выдолбил для них.

¹Гачи (мансийский яз.) — штаны

ЖИТЬ ДОБРОМ...

«Я думаю, что истинно счастлив лишь тот человек, который не ведёт счёт своим добрым делам, не ждёт за них какого-то вознаграждения, а благодарит Бога за то, что Он будит в человеке эти желания и даёт возможность их совершать...»

От автора

* * *

Упал закат с ладони небосвода
На плечи ивы розовым платком,
И затопил по маковку зарода
Вокруг туман июньским молоком.
Застыли травы в летней благодати,
Вступила ночь в законные права,
Притихли харюза на перекате,
И в ельниках своих тетерева.
Ухлопавшись, посапывают тихо
В сосновых небоскрёбах мураши,
И только скряга — бабка-лешачиха
Мешками тащит росы в камыши.

К чему тебе несметные богатства?
Для счастья? Так ведь формула проста —
К чужой душе своей умей прижаться,
Поцеловать в медовые уста
Ромашку или малую былинку,
Любому в бедах руку протяни.

Тогда и дым постелется простынкой,
И светлячки зажгут тебе огни.
Добро, оно добром и прирастает,
А нет его — все ценности пусты...
Как вокруг иконы темень воском тает,
Так у добра не встретишь сироты...
Вот так-то, мать, подумай на досуге,
И ты поймёшь, что сила не в деньгах,
А в правде, доброте, вернейшем друге,
Любви к земле родной в твоих ногах.

Смотри-ка ты, услышала, однако?! —
Назад идёт с мешком своим в луга...
О, кто бы видел, как блистали ярко
Алмазами той ночью берега!
И даже тьма на запад отступила
От света повернувшейся души.
А если все? Представь, какая сила
Поднимется из северной глуши?!

Заря с улыбкой шурилась, зевая,
Шептались звёзды, тая, в омутках,
И среди трав бабуля, прижимая,
Кузнечика качала на руках.

* * *

А сегодня вдруг поползней стайка
 Расшумелась к утру под окном,
 Чуть в стекло не стучат... А давай-ка,
 Выйду к ним на крылечко с зерном!
 Подлетят или драпать скорее?
 Кто я им? Не отец, не родня...
 Показалось, что в жизни роднее
 Никого нет и ближе меня.
 Облепили, как ёлку игрушки.
 Ой, вы милые, Боже ж ты мой! —
 И с плеча, и с колен, и с кадушки...
 Братцы, осень же, ладно б зимой!
 Это что за любовь-то такая?..
 Тут и вспомнилось: стужа с утра
 Давит так, что вся рать зверовая
 Заскреблась в дверь избы со двора.
 И они — коlobки перовые,
 Не поймёшь, где там хвост, где там нос,
 На крылечко к ногам, чуть живые,
 Поскатились с берёзовых кос.
 И молчат, только глазками лупят.
 Да чего же я столбнем стою?!
 У меня же крупичка есть в ступе!
 Вот беда-то — сейчас подкормлю!
 Так весь месяц. Едва на крылечко,
 Чуть заря, а они уже там.
 И пшено, и овсянку, и гречку, —
 Всё стаскал и подмёл по шкафам.
 А потом в одночасье пропали...
 Может, в лес, может, что-то нашли...

А сегодня, как с неба упали,
 И птенцов всех своих привели!..
 И людская, мы все убеждались,
 Благодарность порой без границ,
 Но такой, чтоб и дети прижались,
 Поучиться бы надо у птиц.

* * *

Горит огнём шиповник спелый
 Среди опущенных ресниц
 Кустов пустых, осиротелых,
 Под переклик спешащих птиц.
 И только ель зелёной лапой
 Прощально машет, да река
 Напротив дедушки Агапа
 Ещё качает облака.
 Там — полынья. А в ней — чирочек.
 Всего-то — уточка с вершок,
 Застывший серенький комочек —
 Видать, охотников грешок.
 А вокруг его уже собака
 Соседа мечется по льду:
 Уже готовится атака..
 И я — бежать. И на ходу
 Кричу: «Не смей!» — грозя ей палкой.
 Та наутёк. И тут чирок
 Ко мне походочкою валкой
 Заковылял. А я ж продрог —
 Летел, считай, в одной рубаше!
 Прижал к душе и в перепляс..
 Кому теплее, мне иль птахе?
 А догадайтесь-ка с двух раз!

ЧТО ЛЮБИТЬ?!

Что любить? — Тайга без края,
Глушь, какую поискать...
А прижмётся ель, вздыхая,
У зимовья, словно мать;
Или же сверкнёт лампадкой
В стужу месяц над лыжнёй —
Аж слезу смахнёшь украдкой,
Разминувшись с полыньёй...

Стынет в росах паутинка.
Млеет чайник у нодьи.
Север розовым фламинго
Нежит зорьку на груди.
Кедр телком широколобым
Ткнулся в зорькино тепло.
В озерко туман сугробом,
По колено намело.
Тишина звенит такая,
Что аж слышно, как карась,
Сладко в пёрышко зевая,
Чешет пузо, не таясь.

Спят родные карасята...
Слава Богу, обошлось.
Здесь — ни щук, ни перекатов,
Кто и будит, только лось.
Так что, братцы, с новосельем!
Не поспей вчера с ведром —
Все бы в луже-то, по мелям,
Воронью пошли на корм.
Хорошо — косил в излуче,
Да почувствовал беду...

Ясно дело — стонут руки,
Главное — с душенькой в ладу!
Бог-то видит, кто с картечью,
Кто к Нему с бинтами в храм,
Всё потом, при личной встрече
На весах разложит нам.
Алексею сладить сани
Или сруб Петру, на мох, —
Кто просил? А в глухомани,
Так не значит, что оглох!
Разве русскому-то в тягость
Поделиться добротой?
Вспомнил день, и в сердце радость,
Что не болен глухотой...
Вот и зорька росы в косы
Заплела вокруг серебром.
Пой душа! А та — вопросы
О карасиках — ребром!
Что да где, да как там дети?
Во даёт!.. Ну что теперь?...
Что... Учить... Чтобы ни сети
Их, ни птица, и ни зверь.
Жить добром, со всеми ладя,
Верить сердцу, всё уметь,
Объяснить, за что, не глядя,
Можно даже умереть.

Знаю, дело непростое.
И знаток я небольшой.
Мне бы, главное, святое
Положить им за душой.
Помилую, коль заплачут,
Забалуют — буду строг,
Лишь бы знали — в жизни значат
Только родина и Бог.

*«Если в тебе поселилась доброта,
то отыщется и душа, которая в ней нуждается...»*

От автора

НАЙДЁНЫШ

Я нашёл его чисто случайно
За распадком во время пурги,
Под сосною, в кровище, отчаянно
Рвал стальную удавку с ноги.
Браконьеру какие законы —
Это с виду улыбчив и мил —
Зол и жаден, он даже патроны,
Экономя, на трос заменил.

Оленёнок. Полгода, не больше.
Эк тебя угораздило, друг.
Весь измученный, клочьями кожа,
Боль во взгляде сменяет испуг...
Ничего, кости, главное, целы,
Ну а мясо само нарастёт...
А парнишка-то вовсе уж квелый,
Чуть промедли — и точно помрёт.
Взгромоздил пацанёнка на плечи,
Как донёс, и не помню теперь...
Лишь одно, — как в зимовье под вечер
Колотился в пристывшую дверь.
Еле выходил. Сердце кричало.
Мази, травы варил с корешком,
Только малость ему полегчало,
И уже — почешу за ушком.

То за лайкой без всякой опаски,
То устроят в снегу кутерьму...
Так, представь, стал рассказывать сказки
Перед сном каждый вечер ему.
Так и жили всю зиму: две лайки,
Оленёнок и я — зверобой.
Как ни странно, но даже собаки
Понимали, что зверь этот — свой...

Отрыдали над тундрой метели,
Распахнули озёра глаза,
Ели лапы свои отогрели,
Май черёмух надул паруса.
Я оттягивал время разлуки,
Вёл ночами бессонными спор,
И, устав, от терзающей муки,
Сам повёл его к ленточке гор.

Где-то пели на сопках олени.
Погоди, ты успеешь к своим...
Оглянувшись, всего на мгновенье,
Он шагнул в дикий мир. Перед ним
Раскрывали объятья берёзы,
Обнимали, целуя, кусты,
И душа улыбалась сквозь слёзы,
Не стесняясь своей доброты.

*«От любви до ненависти — один шаг.
От ненависти до смерти — один взгляд.
Только доброта не имеет измерений, она или есть,
или её нет, без всяких шагов и взглядов.
Полувлюблённым ещё можно быть, а полудобрым нет.
Тут или — или. Я никого не убеждаю, я так думаю...»*

От автора

ЧИСТОТЕЛ

Кто б рассказал, по чьей волшебной воле
Твои стихи рождаются на свет.
Одним — любовь...
Романтикам тем боле,
Умыв росой, дарит их рассвет.
А мне — тайга. Да только чаще в горе
Посадит к шкуре на кровавый снег
И стылым взглядом мёртвых глаз в укор
Вонзает нож... под самый оберег.
И рифмы, перекрученные болью,
На бересту, как горький чистотел,
Ложатся, разъедая сердце солью, —
Не спас, не добежал, не доглядел.

И пусть они бесхитростны, наивны,
Порой всего-то — слабый запах трав,
Но как их жадно слушает рябина,
Когда шепчу, привычно приобняв
Её в тиши, у дедова крылечка,
Под переливы звёздной мишуры!
И слышу я, как бьёт её сердечко
В слепых слезах под кожей коры.

В своих стихах успеешь и волчонка
Спасти от полымя ты, и зимой,
Прижав к груди найдёныша-лосёнка,
К зимовью с ним пробиться через вой
Голодных стай. И всех до боли жалко!
И сердце разрывается за всех,
И бьются мысли пойманною галкой:
«Как их спасти, не взяв на душу грех?»

Кто ищет в храме, я — в тайге, и верю,
Что доброта, она, как чистотел,
Нужна былинке, людям, птице, зверю,
Без доброты и мир бы опустел.
Вот и сейчас я до последней капли
Готов отдать сердечное тепло,
В надежде, что, бинтуя ногу цапле,
Пусть хоть на каплю уменьшаю зло.

* * *

Для кого-то счастье там, где деньги,
Там ему и Родина, и Бог...
А по мне, так даже скрип телеги —
Песня! А какой, скажу, пирог
Из печи, Светлаши, по субботам?!
Нет, ребята, счастье не в деньгах...
Счастье, если сам ядрёным потом
Окропляешь сено на стогах,
Где ни за копейку, а за радость
Наколот дровишек старикам,
А потом нырнул в речную хладость
И пошёл в сажень по облакам...
Приглядишься к берёзе за окошком —
Даже в дни осенних перемен

Всю раздаст себя другим до грошика,
 Ничего не требуя взамен.
 Или птицу-лебедя — мигранта —
 Там ему джакузи под кормой
 И банан, а он отдал пуанты,
 Свистнул малых братьев, и домой!
 Никакая Ницца не удержит
 Ни прудом, ни булкой поутру,
 Только Север где-то там забрезжит,
 И запели крылья на ветру...
 Или же воробушка — оляпку —
 Выйдешь прорубь поутру долбить,
 А она сидит, поджавши лапку,
 Это, как же надо ТАК любить?!
 Вроде бы и сердце-то с копейку...
 А у нас?.. Как чёрствый каравай...
 А всего-то — дудочку-жалейку
 Отыщи в себе и заиграй.
 И прижмётся ивушка сестрёнкой,
 И рябина — ягоду в горсти...
 Просто, хоть разок на дню, иконкой —
 Добротою душу освети.
 Пусть не мир — спаси хотя бы птаху,
 Посади за пазуху в тепло.
 Или же бездомную собаку
 Накорми, и белое крыло
 Из высот неведомых укроет,
 Главное — другого, как себя,
 Пожалей, и Он тебе откроет
 Тайну Благодатного Огня...
 И пускай сейчас сбегутся судьи
 Осмеять мой маленький Эдем,
 Что сказать... Присаживайтесь, люди,
 Места отогреться хватит всем.

БУРУНДУК

Зверь в тайге обмял свою берлогу,
 Засыпает, спрятав в лапу нос.
 Зорька, косы путая, подолгу
 Выбраться не может из берёз.
 День короче детской рукавицы.
 Тем и дорог каждый светлый час.
 Утром покрошил сухарь синице,
 Свистнул лайку, да и за лабаз
 Лыжами тайгу родную гладить
 По глухим распадкам и ключам.
 Лаечка то спереди, то сзади
 Ищет куний след по кедрачам.
 Кто ещё на промысле поможет?
 Не на кашах выросла, поди!
 Что отыщет, всё к ногам положит,
 А такой, попробуй-ка, найди.
 А судьба охотника какая?
 Что Бог дал, семья тем и живёт.
 Это городские, осуждая,
 Говорят: «Охотник всё убьёт...»
 Ничего. Сейчас капкан проверю
 И займусь под елью костерком.
 Пень свалил, в трухе — глазам не верю —
 Бурундук застывшим колобком!
 Да какой там чай?! Опять на лыжи,
 Мелкого за пазуху, и в путь,
 Вот уже вдали зимовье вижу,
 Только чую: смерть не обмануть.

Затопил печурку. В сердце смута.
Загрустил, обмяк и задремал.
Даже вздрогнул, показалось, будто
Кто-то щёку мне поцеловал.
Обнимались с пламенем полешки.
Золотился лампы язычок.
И, хрустя, пощёлкивал орешки
На груди моей бурундучок.

ВОРОБЬИ

Говорят, что тенором России
Был и будет курский соловей,
Золотоголосый и красивый,
Только не окраины моей.
Что поделать, не живётся парню
По низовьям северным Оби,
Но зато любой морозной ранью
Согревают душу воробьи.
То берёз облепят белый локон,
Не поймёшь, целуют ли, едят,
А покормишь, так весь день у окон,
Дотемна, родимые, сидят...
Милые, простые воробьишки,
Чем же вы «берёте», не пойму...
Не певцы, и серые, как мышки,
А увижу — варезку сниму.
И мороз-то давит, что аж речка
В проруби туманит у мостка,
А вот сели рядом на крылечко,
И погладить тянется рука...

ЛОСЁНОК

Самый первый, кто его встретил
В этом мире, был мамин нос —
Самый-самый красивый на свете!
Только странно, что без волос.
И смеялось над ними солнце,
Отражаясь в расколах льда,
И лягушки им из болотца
Восхищенно кричали: «Да!»

Ах, какое же это счастье —
Ощущать милой мамы тепло!
Не страшны с ней ни волчьи пасти,
Ни другое, когтистое зло.
Росомахе устроила встряску —
Поживиться хотела мной,
И пока не дошепчет сказку,
Не уходит на водопой.

Ночь. В прохладе речной протоки,
Сдунув звёзды, она пила,
И вдруг выстрела гром в осколки
Перед нею разбил зеркала...
И не знала лосиха, веря
Тишине затуманенных рек,
Нет на свете страшнее зверя,
Чем двуногий зверь — человек.

Только Бога слеза скупая
Оросила седой рассвет,
Спал ребёнок, ещё не зная,
Что кормилицы больше нет.

НАУЧИСЬ ОТДАВАТЬ

Край таёжный, могу ли когда-то
 Надышаться твоею красой...
 Лебединые крылья заката
 Гладить в Ляпушке с первой росой,
 Пить глотками морозную свежесть,
 Греть дыханием кисти рябин
 И дарить малой живности нежность,
 Спрятав егерский свой карабин.
 Улыбаюсь и взрослым, и детям,
 Что жалеть и о чём горевать —
 Мы живём лишь однажды на свете,
 А раз так, научись отдавать
 Радость сердца другим без остатка
 На земле, в небесах ни к чему...
 К звёздам вскинула крылья палатка.
 Дай, родная, тебя обниму.
 Посмотри на таёжные дали,
 Горы, ставшие нашей судьбой.
 А каких мы детей воспитали,
 Нам ли нечем гордиться с тобой?
 Спит родная моя половинка,
 Завтра снова косить целый день,
 Проплыла над водой паутинка,
 Хлопнул гулко хвостиком таймень.
 Прядь тумана завил речушка,
 Собираясь к подружке — заре,
 Горсть морошки походная кружка
 Варит с мятой на малом костре.
 Сладко стонет в урманах глухарка,
 Чешет месяц о ёлку рога,
 Что мне воля Таганского парка,
 Если слаще неволи тайга.

КАКОЕ ВСЁ ЖЕ ЭТО СЧАСТЬЕ!

Какое всё же это счастье —
 Согреть воробушка в руках.
 Кружить зарю в вечернем платье
 И серебристых башмачках.
 Или успеть свой сапожище
 Убрать, услышав голосок.
 Погладить хмурой тучи днище,
 Полившей высохший лесок.
 Как не сиять, когда под горкой
 Ручей, купая воробья,
 Спешит тебе скороговоркой
 Поведать радость бытия.
 Да и в тайге всё те же дети,
 Все любви — малый и большой —
 Так и живёшь на белом свете,
 Как дом с распахнутой душой.
 Вот и денёк хвостом лисицы
 Мелькнул в тени сосновых грив.
 Смежив лазоревы ресницы,
 Спит зорька, косы распустив.
 В далёких тучах колесница
 Ползёт ободьями стуча,
 Да водомерка-мастерица
 Кокошник шьёт из кумача.
 И знаю — завтра день покосный,
 И много всяческих забот,
 А я опять тропинкой росной
 Бегу за дальний поворот
 В ночи по звёздному раздолью,
 Чтобы в тоске осенних дней

Согреться, вспомнив, как с любовью
 Катал на лодочке своей,
 Укрыв тумана полушалком,
 Купаву месяц молодой,
 И кудри гладила русалкам
 Склонившись, ива над водой.

РОДИМЫЕ

Осыпая серебро с перильца,
 По крыльцу расселись воробьи...
 Надо же, запомнили кормильца,
 Угости — и крепче нет любви.
 Тяжко вам приходится, родные,
 Впереди у нас ещё январь,
 И пурга и ветры ледяные,
 И Мороз Иваныч — государь.
 Знать-то вся давно на юг сбежала.
 Кто остался — мы да воробьи...
 Сколько власть тут нас ни обижала,
 А куда от матушки-земли...
 Вроде кто в глуши тебя осудит,
 Что добро ты сделал или зло.
 Всё одно — и снег, и стужа будут,
 И мороз... А на душе тепло.
 Соберёшь из хлебницы все крошки,
 Сыпанёшь в потёмках до зари,
 И клюют из розовой ладошки
 Декабря воробушки мои...

ЛЯПИНСКАЯ РОДИНА МОЯ

*Пусть опять на сто вёрст бездорожье,
 Половодьем отрежет пути,
 Но роднее земли и дорожке
 Нам в России нигде не найти.*

ЭЛИКСИР ЖИЗНИ

Спит под боком у баньки смородина.
 Спит за речкой в туманах покос.
 Как прекрасна ты, милая родина,
 Что нельзя любоваться без слёз.
 Синегорье... Родная околица...
 Речка-Ляпушка в росном хвосте...
 Утром с травами вместе помолишься,
 И весь день благодать на душе.
 И идёшь по деревне с улыбкою,
 Где-то словом, где делом помог.
 Даже просто рябинушку гибкую
 Приобнял — и увёл от тревог.
 С дядей Федей листвянку кондовую
 Подтянул в окладник за вожжу,
 Иль Настёне с бодливой коровою
 Подсобил... Ох, и норов, скажу!
 Всё родное вокруг, всё здесь дорого,
 Люди — золото. Взять хоть вчера —
 Дров Любаше сколол, та мне — творога,
 Да картохи ещё полведра!

Как учили по жизни родители,
 Так и мы, и детей, и внучат —
 Чтоб по совести всё, победители —
 Деды строго с простенка следят.
 Есть силёнка в руках молодецкая.
 Нам ли русским грустить-горевать?!
 Как душа-то не будет тут детская,
 Коли рядышком родина-мать?
 И, казалось бы, как ни скрывается,
 Всюду матушки милой глаза,
 Лишь в беду, не давая отчаяться,
 Открывает свои образа.
 Главно — Богу душою довериться
 И любить, как себя, этот мир.
 А когда ты любовью поделишься,
 Жизнь сама поднесёт эликсир.

* * *

Моя родная глухомань,
 Ты всё: и радость, и забота.
 Вот что любить? Тайга, болота...
 А выйдешь в утрешнюю рань
 К родимой Ляпушке с мостка,
 Перекрестясь на свет, умыться,
 А над водой — заря-девица
 С мешочком звёзд у пояса.
 Налево горсточку махнёт —
 И блещут в травах самоцветы,
 Направо — звонкие монеты,
 И наше, русское, поёт.

Ты ей поклон, так и она
 Ответным ласково приветит...
 А тут уже и солнце светит,
 И тает воском тишина,
 И зазвенел покосный день!
 Буксир чихнул дымком солярки...
 Денёк сегодня будет жаркий!
 Косу, фуражку набекрень,
 И от плеча, держак — к бедру,
 С размаху пяточкой под корень!
 Пусть Федька в кузнице проворен,
 А я в косьбе своё беру!
 Брусочком — вжик, и понеслась
 Душа в полёт — валок к валочку,
 А там и сердце ищет строчку,
 А вслед — и песня родилась
 Или стихи... А вечером
 Прочтёшь рябинке, знаешь — плохо —
 Прижмётся ласково, дурёха,
 Лопочет что-то на своём.
 А сопки, словно госпожу,
 Уже на мхах качают зорьку.
 С рук покормлю телёнка Борьку,
 Придумку на ночь расскажу...
 Коней в ночное отведу,
 Возьму туман — простынку лета —
 С уснувших трав, и с книжкой Фета —
 На стог под яркую звезду —
 Читать и слушать в тишине,
 Как ветер шепчется с осокой,
 И месяц с нимфой одинокой
 В озёрной плещут глубине.

РОДИНА

Господи, какая красота —
Глянешь утром с речки на деревню —
Зорька, над берёзовою сенью,
Тянет к избам алые уста.

Дым из печек гладит небосвод,
Петухи горланят что есть мочи,
Лайки дружно, оттепель пророча,
Снег утюжат носом у ворот.

Сам готов сто раз исцеловать
Эти синеглазые окошки...
Дай, Господь, пожить ещё немножко,
О земле родимой рассказать,

Как могу, насколько хватит сил
С ветром петь о людях Приполярья —
Золотых Петрах, Иванах, Марьях —
На руках бы их всю жизнь носил.

Отлучи меня — и я умру
Без тайги, без Ляпуши, рябины...
Где ещё с корзинкою малины
Зорька так вот встретит поутру?

Ничего я Богу не скажу
За себя. За родину малую —
На коленях ноги исцелую,
Голову на плаху положу.

ИВЫ МОЛЯТСЯ ЗА РУСЬ...

Спит тайга. Рассвет в тумане
Ищет лавку у ворот.
Зорька, в жёлтом сарафане
Перешла речушку вброд.

У калитки паутиной
Тянет солнце бузина.
Умывается рябина
В синем озере окна.

За деревню переулок
Провожает босиком.
Луг прохладен, воздух гулок,
Травы пахнут молоком.

Под серебряною шалью
Ивы молятся за Русь...
Вот и я, напившись далью,
Рядом с ними помолюсь.

За родные глухомани,
Где Господь нас схоронил,
Печи русские и бани,
Силу рук и крепость вил,

Дочек-тружениц у стога,
Зятя с внуком звонкий смех...
Если есть награды Бога,
Эта — лучшая из всех.

РУССКИЙ ДУХ

Осень. Деревеньку под угором
 Придавил чугунный небосвод.
 Дым печной, расчёсанный забором,
 Бородой уткнулся в огород.
 Избы все исхлёстаны дождями.
 Крыши по тесинам протекли.
 Провода вдоль улицы вожжами
 Меж столбов провисли до земли.
 Сгорбилась под окнами рябина,
 Тянет кисти мокрые к пазам.
 Что сказать? — Безрадостна картина...
 А прижмись душою к образам,
 Так и горизонт заголубеет,
 Улыбнётся солнечным лучом.
 Воробышки с пуночками, млея,
 Загулят в берёзах с косачом.
 И река невестою за полем
 Берега туманом убелит,
 А напев кедровых колоколен
 Здесь любому душу исцелит.
 Где ещё такой напьёшься далью,
 Заварив морошку в котелке?
 Чьи ветра, летя по Приполярью,
 Так ложатся строчкой на листке?
 А народ? Да здесь любой, не глядя,
 Без раздумья всё готов отдать.
 Наколи дровишек бабе Наде,
 Так стряпнёй запотчует — не встать!
 Ты помог — к тебе придут соседи
 Баньку сладить, крыша ли течёт.

Печь сложил с зятьком своим у Феди,
 Дым пустил, и вот тебе — почёт.
 Поклонился деду с уваженьем —
 И к тебе Ляксандрыч и на «вы»,
 А коль не втемяшили с рожденья,
 Так и будешь Ванькой из Москвы...
 А погода... Что она, погода?
 Всякая крестьянину нужна,
 Чтобы не случилось недорода,
 И в углах не мыкалась нужда.
 Хорошо, когда тайга под боком,
 И река-кормилица жива...
 Вон как на берёзах-то с прискоком
 Разошлись вовсю тетерева!
 Родина... А что ещё тут скажешь?
 Сам бы подпевал им у ворот.
 Русский дух по небу не размажешь,
 Тем и крепок северный народ.

ЗИМОРОДОК

Где-то снова поют журавли,
 Покидая родимое небо,
 Пусть теплом материнского хлеба
 Вас согреет чужбина вдали.
 Я же птиц провожу, как всегда,
 В светлой грусти, опять сожалея,
 Что не всякий, и веру имея,
 Так же верит в костёр изо льда.
 Или видит лицо Щекурьи
 Меж берёзовых плеч крутояра,

Как целует в туманах гагара
 Золотистые косы зари,
 И ликует на плёсах сырок,
 Отыскав материнские воды...
 — Все мы дети под сердцем природы,
 Берегите друг друга, сынок, —
 Как сейчас, слышу голос отца,
 Помню тёплую тяжесть бушлата
 И кузнечика, лапкою брата
 Мне махавшего с рук медунца...

Есть на свете Святая земля,
 Есть прекрасные, тёплые страны,
 Но не сыщется в мире рубля,
 За который куплю чемоданы
 И забуду могилку отца,
 Голос мамы и лики божницы,
 И глаза той убитой волчицы,
 Где был шаг от лица до лица....
 ...Время тушит печали-костры,
 Унесётся и это ненастье,
 И на санках, ликуя от счастья,
 Радость жизни помчится с горы.
 ...Пусть летят за моря журавли,
 Там плюс тридцать по метеосводкам,
 Я же буду, всю жизнь зимородком
 Самой лучшей на свете земли.

ВСЕ БУДУТ ЖДАТЬ...

Вот и у нас похолодало.
 Подолгу нежится заря
 Под лебединым покрывалом
 Густых туманов сентября.
 Пока спала, сбежались тучи,
 Закрыли синь до самых гор.
 И всю неделю дождь колючий —
 Ни в лес не выйти, ни во двор.
 А что во двор? В избе найдётся
 Работа, в ведро-то никак:
 Обувку справил, — вечно рвётся,
 Штормовку, варежки, рюкзак,
 Прогон для тозовки-курковки,
 Сеть посадил в двойную ряж...
 И внуки учатся сноровке,
 Забыв компьютерную блажь.
 Обнял баян, им — по куплету,
 Сплели Лозе надёжный плот.
 Так и тяну детишек к свету
 Из интернетовских болот.
 Пока дожди — и успеваю.
 Зато когда уйду в тайгу
 На зимний промысел, я знаю,
 Все будут ждать на берегу...

А утром, только на крылечко,
 А в тучах — звёзды полыньёй!
 Туман прощается за речкой
 С бегущей хмурою роднёй.

Заря укуталась фатою...
 И я, не с росстани полей —
 С крылечка пью святой водою
 Просторы родины своей.
 Такие дали нараспашку...
 Да я сейчас, не то что петь, —
 Готов здесь каждую ромашку
 Своей любовью отогреть.

ВЫЙДЕШЬ ЛЕТОМ...

Выйдешь летом тихой ранью
 С полотенчиком во двор —
 Месяц, рогом ткнулся в баню,
 Сумрак щурит сквозь забор.
 Спит деревня, спят и дали
 На грибной перине мхов,
 И дитё на сеновале,
 Рано ей до женихов...
 Да и к речке переулком,
 Там туманище — куском! —
 Хоть ты мажь его на булку,
 Хоть вприкуску с молоком.
 Тишина звенит такая,
 Что слышать, как шмель сопит,
 И тихонько, в ночь макая,
 Муза пёрышком скрипит
 О земле Югорской нашей...
 Ну и что, что глухомань,
 Никого рублём и кашей
 Здесь не держат. Просто стань

Самым первым, самым лучшим
 Другом живности лесной —
 И в мороз, и ветер жгучий,
 И в жару, и весной
 Ждёт она твоей подмоги...
 В том и дело, что твоей!
 То — мурашек на дороге,
 То — лось ногу меж корней.
 Не пожар, так наводнение,
 Ох, ладони-то горят:
 Тут — зайчата, здесь — олени,
 Там — под лёд несёт бобры,
 Как Мазай какой, ей Богу...
 Нет бы, спать сурком в избе...
 Так всю жизнь к Нему дорогу
 Здесь и ищешь сам в себе...
 Это кто в тумане тихо
 Тут прижался головой? —
 Снова хлебушек лосиха
 Просит, зная, что ты — свой.
 На-ка вот. И дуй к лосятам.
 Только в лес-то отогнал,
 А уже над перекатом
 Сумрак занавес поднял.
 Глухари поют в урманах,
 Шмель танцует на цветах,
 И полощет шёлк тумана
 Зорька в синих омутах.

ВСЁ, КАК В ДЕТСТВЕ...

А у нас ничего не меняется.
 Всё как в детстве, и здесь, и вдали
 Синегорье росой умывается
 В благодати Югорской земли.
 И черёмуха шаль белоснежную
 Надевает, встречая весну,
 И улыбкой лазорево-нежною
 Согревает заря тишину.
 Как живётся тебе, так и дышится.
 А как верится — столь и греха.
 Оттого, может, росы и нижутся
 По сырому подолу стиха,
 И заря алой лентой вплетается
 С глухарينوю песней меж строк,
 Что душа, как дитя, улыбается,
 Подбирая к узору цветов.
 Тем и счастлив всю жизнь. Божьей милостью
 Шаг с крылечка, и вот он — твой храм:
 Купола кедрачей белокрылостью
 Обнимает пурга по лесам,
 Образами озёра голубятся,
 Ель-старушка окрестит вослед...
 Оттого, может, с зорькой и любитя,
 Что не молишься звону монет.
 Где ещё, летней ночью у сходины,
 Не тревожа паучую сеть,
 Так доверчиво кисти смородины
 Тянет родина вам отогреть?
 Не поруши, Господь, нашей вольницы...
 Что там я? Да Ты сам посмотри,
 Как в рассветах за матушку молятся
 По бескрайней тайге глухари.

А У НАС И ПОНЫНЕ

А у нас и поныне в деревне
 Не увидишь замка на двери.
 Что нам прятать... А был тут в Тюмени —
 Аж по два! Так ещё изнутри!
 Ну, народ... А у нас, под оладьи
 Самовар разговор заведёт.
 Печь, красавица-кума, на полати
 После бражки к себе зазовёт.
 Засмущавшийся кустик душицы
 Занавеску прикроет в окне,
 И Вселенской любовью с Божницы
 Отогреет Господь в тишине.
 А за Ляпушкой Север морошку
 Нежит в мягких ладонях болот.
 Дочке, Юлечке милой, серёжки
 Примеряет ольха у ворот.
 Всех пернатых, собрав у колодца,
 Поит небом рассвет из бадьи,
 И целует влюблённое солнце
 Медный крестик, прижавшись к груди.
 Тянет речка туман полотенцем...
 Мёд подносят в ладошках шмели...
 Гладишь мелких, и собственным сердцем
 Слышишь токи Югорской земли.
 И живёшь, ни о чём не жалея,
 В мире с Миром, с собою в ладу.
 Рубим баньки, душой богатея,
 Ставим сети по первому льду.
 Летом нам сенокосы забавой,
 И пока росы с травами спят,
 Намилуешься в речке с купавой,
 И зарю исцелуешь до пят.

И, казалось, на что тут молиться? —
Гнус, безлюдье, снежище по грудь...
А окликнет с болот журавлица,
Выйдет зорька к реке сполоснуть
Полушалока на кромку осоки
У мостка в предрассветной тиши,
И слетаются новые строки
На завалинку русской души.

* * *

Вот и лебедь на дальних озёрах
Ставит малых детей на крыло,
Стонет ветер в полярных просторах,
Обрывая устало и зло
В леденеющей тундре морошку,
Что оставил июль второпях,
Лишь упрямо, прижавшись к окошку,
Держит бусы рябина в горстях.
Всё ядрёнее клюква в осоке,
Тяжелее под утро роса,
И всё чаще ледок на протоке
Обрывает небес паруса.
Край Югорский, могу ли когда-то
Я напиться твоею красой!
Сядешь летом у кромки заката
На реке — пропотевший, босой —
да с ладони — глотками прохлады —
После долгой, горячей косьбы —
Словно главную в жизни награду
Получил в этот миг от судьбы...
А как пахнет июльское сено
На морозе... А шаньги?.. Дрова?..

Даже щепка — не то, что полено,
Так, что кру́гом идёт голова!
Ничего, что зима в одночасье
Побелила все маковки гор —
Это ж Север, здесь русское счастье
Поселилось с неведомых пор.
И живёт между небом и нами,
С миром в сердце и Богом в душе —
Водит вечером к старенькой к маме
Отогреться, к заре в камыше,
Где любимая чувства откроет,
И свои ей откроешь в ответ....
Лес накормит, речушка напоит,
И живи ты хоть тысячу лет!
И пускай за жердями загона
Догорает зари камелёк,
Греет душу бабули икона
И рябины родной огонёк.

ЗАПОВЕДНАЯ ГЛУШЬ...

Кто уехал, а я не жалею,
Что живу в этой дикой глуши.
Даже думать об этом не смею —
Бросить Родину... Здесь и стиши
Шепчет ветер, и руки при деле —
Не топор, так литовочки ждут,
А коль занят, так даже метели
Колыбельную дочке споют...
Всё здесь любо душе, всё по сердцу:
И таёжная крепь, и покос,
Что укутал туман полотенцем
Среди белых коленок берёз.

И кормилица — Ляпушка наша,
 Если честно, дороже всех Волг,
 И соседи, как баба Агаша,
 Каждый день со стряпнёй на порог.
 А возьми хвостик северный лета —
 Только первый дымок из печи,
 Чёрным жемчугом, в алость рассвета,
 Порассядутся вокруг косачи
 По берёзовой сени окольной,
 Словно броши в алмазном Ковше...
 Разве в этой красе белоствольной
 Грязь отыщет потёмки в душе?
 Вся стеклом — ни обиды, ни злости,
 Только радость и светлая грусть
 Об ушедших друзьях на погосте
 Умывает слезой... И, клянусь
 Перед этим озябшим рассветом,
 Постаревшей отцовской избой,
 Перед Богом и всем белым светом —
 Я не прятал греха за собой...
 Хорошо, что в краю журавлином
 Прямо в небо уводят пути...
 Я готов хоть сейчас
 Вслед за клином
 С чистой совестью к маме уйти.

ОДНИМ ДЫХАНЫЕМ НА ДВОИХ...

Любовная лирика

*Ты не часть моя, не половинка,
 Ты — мой воздух, хлеб, костёр в пургу,
 Мой хранитель, муза, вдохновенье,
 Свет небес моих в закате дня...
 Это ты — моё стихотворенье,
 Песня лебединая моя...*

И СЕРДЦЕМ ПОНЯЛИ...

И нам давно уже за сорок,
 А ты всё так же молодá,
 И я тебе всё так же дорог,
 Вот только, знаешь ли... Года...
 Сгорают в пепел за плечами,
 И честно, милая, скажу:
 Прости меня, что я ночами,
 Их осыпая, ухожу.
 Сквозь лет тускнеющие слитки
 В голубоглазый майский день —
 К тебе,
 Далёкой,
 У калитки —
 В черёмух снежную кипень,
 Где ты, полнеба отражая,
 Сдувая прядку у виска,
 Стоишь — пока ещё чужая,
 Чужая — именно пока!

Пока не встретились глазами,
И сердцем поняли — нашлись!
И ангел маленький над нами
Пронзил стрелой тугую высь....

Как святы мне мгновенья эти...
Мы и живём-то, как поём,
И оба счастливы, как дети,
И счастье ссорами не бьём.
Живём под нашей синевой —
Одним дыханьем на двоих,
Плывём одной рекой-судьбою,
Не замечая лет своих.
Конечно, всякое бывает:
Порой и небо в облаках,
И снег давно уже не тает
Черёмух белых на висках...
И пусть!
На всё есть Божья милость,
Как наша встреча по весне...
Скажи мне, что тебе приснилось —
Ты просто светишься во сне?
...Луна серебряные нитки
Вплетает ласково в косу,
А я тебя от той калитки
В руках из прошлого несу.

*«Да, я согласен, что добрые и ласковые слова
рождают доверие, но этого ничтожно мало для любви.
Поступки — вот истинное её мерило...»*

От автора

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Снова щемит в душе от укора,
Вспомнив отпуск домой на Покров.
Только с удочкой к речке, как свора,
Слышу, лает, и женщина — в рёв!
Я — за дрын... Разбежалась вся стая...
А она — чуть жива у плетня...
Даже вздрогнул, душой узнавая —
Лена?..
Леночка!
Радость моя!
Золотое, далёкое счастье,
Что когда-то сберечь не сумел,
Женихом и невестою в классе
Нас венчал не единожды мел.
А в десятом — взяла и влюбилась
В красавца Олежку из «Б».
Там — в другого. И жизнь покатилась,
Как копейка по ржавой трубе...
Закурила... «А Вы новый дачник?
А слабо пригласить на фуршет?
Не найдётся ль для дамы стаканчик?
Ну и жлоб! А прилично одет».
Нет. Не вспомнила. Ловко и хмуро
Синячок подтянула под глаз...
Ленка, Ленка... Какая ж ты дура,
Всё ж могло получиться у нас.

* * *

Что же ты загрустила, родная?
 Или вспомнила, сколько нам лет?
 Ты же юность моя золотая,
 А у юности возраста нет.
 Это просто отставшие птицы
 Где-то плачут в небесной дали,
 Сарафаны июньского ситца
 Никогда не поблекнут твои.
 Глубина синих глаз с поволокой,
 Твой серебряный голос грудной
 Неизменны с той встречи далёкой...
 Разве спрячешь красу сединой?!

Ты моя журавлиная песня,
 Негасимая радость души,
 Мы навеки с тобой будем вместе,
 Как едины с зарёй камыши.
 Дай-ка к сердцу прижму, золотая,
 Что нам этот дождливый рассвет...
 Пусть природа грустит, увядая,
 У любви нашей — осени нет.
 Если надо — соломинкой лягу,
 Растоплю сердцем вечные льды,
 Упрошу предсказать бабу Вангу
 И закрою собой от беды.
 Застелю простынёю туманы
 На стогу среди звёздных полей
 И сквозные душевные раны
 Забинтую любовью своей.

ЕДИНСТВЕННАЯ

Неслышно осень к занавескам
 Прижалась плачущим лицом.
 Прощаюсь с дальним перелеском
 И мокрым понизу крыльцом.
 С ветрами, выдутым кипреем,
 Прощаюсь с будущей весной,
 Судьбой, что с каждым днём скупее
 И строже делится со мной.

Ах, как мечталось у причала...
 А сколько было ярких див,
 И лишь одна всегда молчала
 При встрече, руки уронив.
 Перебирала робко бусы,
 И я, не слыша горький хруст,
 Летел на страстный голос музыки,
 Не замечая нежных уст...

Как мне любви её напиться
 В той синеве ушедших дней?
 И, захмелевшему, влюбиться,
 И гнать туманами коней,
 И среди звёзд, упав в остожье,
 Губами косы расплести,
 А на заре с хмельного ложа
 В руках женой своей нести...

Давно других под вечер где-то
 Зовут смоковницы в сады,
 Не мне русалками согрета
 Копна в туманах у воды.

Так ведь и я познал немало,
Но лишь одна, Господь, прости!
Мне никогда не позволяла
Тугие косы расплести....

Я и живу её любовью.
Она и хлеб мой, и вода,
Моя икона в изголовье,
И полуночная звезда.
Горит последнее поленце,
И лишь она стоит в окне,
И тянет гроздьё своё сердце,
Навеки отданное мне.

КАКИЕ ГОДЫ?!

Какие годы, что ты, милая?
И что с того, что сорок пять?
Или со мной ты несчастливая,
Или обидел чем опять?
Ты посмотри, моя любимая,
Какая радость-то вокруг!
Тайга-кормилица родимая
В туман укутывает луг.
А вон тропиночка заросшая
Бежит к нам с речки голубой...
Дай обниму, моя хорошая,
Нам жить да жить ещё с тобой!

ЖДИ...

Спит под снежной шубой Приполярье.
Реки в голубых оковах льда...
Да какое — спать, когда в разгаре
Главная охотничья страда?!
Выйдешь к звёздам в утренних потёмках,
И пошёл лыжню свою торить!
Что поймал в капкашках и кулёмках¹,
Тем и будешь год семью кормить.
Вот она — собаченька родная,
Весточка, помощница моя!
И медведя с батюшкой Рыдаем
Развернёт для точного огня,
И на ёлку соболя загонит,
И опасность чует впереди.
Как иначе — выкормил с ладони,
Выносил на собственной груди...
А вон там, за сопками предгорий,
Где небес желтеет окоём,
Среди ста охотничьих подворий
Ждёт и мой, с резным крылечком дом.
В нём всегда протоплено и чисто,
Пахнет хлебом, лавки у дверей,
Лик Николы светится лучисто,
И глаза лебёдушки моей...
Не грусти, и я вернусь обратно,
Чтоб ни говорили, просто жди!
Пусть твердят стоусто и стократно,
Что замёрз, простывший, у нодьи².

¹Кулёмка — самодельная ловушка на пушных зверей;

²Нодья — таёжный костёр

Что давно в ночи разорван зверем,
 Утонул в парящей полынье,
 Никому, лебёдушка, не верь им,
 Верь только единственному — мне.
 Обойдёт со стаею волчица,
 Спит медведь, застыла полынья,
 Только всё же надо научиться
 Жить, на всякий случай, без меня...

Я НЕ ГОЛУБЬ...

Знаешь, ты не права.
 Я не голубь, клюющий с ладони.
 Я родился в краях,
 Где туманы дрожат на весу,
 Где летящие в мах
 Над землёй ошалелые кони
 С осеребренных трав
 Осыпают копытом росу.

Там осколки зеркал
 Разметало небесной стремниной,
 Золотые закаты,
 Обнявшись, с рассветом встают...
 И казалось тогда,
 Наша жизнь будет длинной-предлинной,
 Как душевная песня,
 Которую вместе поют.

И такими бескрайними,
 Светлыми виделись дали,
 Если друг, значит, друг,
 А любовь, так одна навсегда,
 Как мы пели, клялись,
 Как дружили, смеялись, мечтали!
 Как наивны мы были...
 Как искренны были тогда.

А надежда живёт,
 Что осталась та дверь приоткрытой,
 Я по самому краешку
 Зорьки назад прокрадусь,
 В серебро окунусь
 Среди трав, и душою умытый
 На крылатом коне
 Нашей юности ветром напыюсь...

Ты меня не кори,
 Что живу этой глупой мечтою,
 Я же всё понимаю,
 Что это всего лишь слова,
 Ничего не вернуть,
 Я, конечно, согласен с тобою,
 Я, конечно, не прав...
 Только всё же и ты не права!

ДВА КРЫЛА

Знаешь, я давно хотел сказать,
 Милая, как счастлив я с тобою —
 Столько лет прожить одной судьбою,
 Разве мог нам кто-то приказать.
 Посмотри на нас со стороны,
 Как же мы, любимая, похожи —
 Вкус, привычки, взгляды, мысли — тоже,
 А порою, кажется, и сны.
 Столько лет, а кажется, что день...
 Что с тобою мы не пережили...
 И ни разу подозренья тень —
 Видно, так друг другом дорожили.
 Ты присядь, родная, отдохни,
 Рядышком, вот плед, сейчас укрою...
 Сколько нам осталось — годы? Дни?
 Вечность?! Что ты, мать, да Бог с тобою!
 Нам успеть бы доченек поднять,
 Да внучат родных увидеть летом,
 А здоровье — где же его взять?
 Ладно, что мы снова да об этом...
 И старик (мне показалось, я)
 Головой склонился на колени
 Женщине в последних искрах дня
 (Я её узнал по хрупкой тени)...

Странный сон. И чувство — стороной
 Тридцать лет на цыпочках прокрались.
 Ну и пусть. Я знаю: за спиной
 Два крыла судьбы моей прижались.

НЕ НАДО, НЕ ЖАЛЕЙ

Не надо, не жалея, что не сбылось:
 Ни белых лент, и ни венчанья в храме,
 Пусть прорастёт всё светлыми стихами,
 Что нам прожить с тобой не довелось.

Они друг друга в небо позовут,
 Их счастье там, где дýши всех в полёте...
 Не изменить курс пули на излёте,
 Так пусть стихи за нас с тобой живут.

Стихи, они, как дети, как цветы,
 А дети, ты же знаешь, это... дети.
 Ты будешь петь зарянкой на рассвете,
 А я шептать кудрями бересты.

Я буду приходить к тебе во сне,
 Читать их при свечах у колыбели,
 А ты в лесах вести меня в метели
 Январской ночью к детям и жене.

От всех невзгод и бед убережёшь,
 Где мне упасть — соломкой мягкой ляжешь,
 Вкруг полыньи мне путь домой покажешь —
 Себя звездой для этого сожжёшь.

Я не боюсь ни пули, ни зверей,
 Ни пропасти ущелий Чендыр-лая
 Я знаю — ты, встав рядышком у края,
 Меня спасёшь молитвою своей.

ОТ ДУШИ ДО ДУШИ

Я из первых снежинок
Сошью подвенечное платье.
Из июльских туманов
Фату подберу за рекой.
Подхвачу сентября
Золотое перо на закате,
И за тысячи вёрст
Отогрею душевной строкой.

Я её заплету
В переклик журавлей над тобою,
Смех весенних ручьёв
И в осеннюю просинь дождей.
Эти письма любви
У костра под Полярной звездой
Пишет сердце моё
Белоснежным пером лебедей.

Прошептал твоё имя —
И искры мне ночью не надо.
Ты — и небо, и звёзды,
И свет мой в таёжной глуши...
Для кого-то любовь —
Это мука, кому-то — услада,
Для меня же любовь — это нить
От души до души.

ГДЕ ЖЕ ТЫ...

Где-то счастье моё заплутало...
Или сам без старанья искал...
Только то, что пчелой залетало,
С лёгким сердцем назад отпускал,
Понимая — не та половинка...
Ну да ладно, чего горевать,
То же самое мне и рябинка
Ночью шепчет, а ей ли не знать.

Вот и зорька прикрыла ресницы
За рекой на плече у гольца.
Где же ты, сизокрылая птица?!
Без тебя я, что дом без крыльца:
Ни стихов задушевных, ни песен
Над уснувшей рекой не плывёт.
Что с того, что другим интересен,
Без любви и душа не поёт.

Вдруг да завтра у речки и встречу,
Я же сердцем увижу печаль
И, смущаясь, накинута на плечи
Золотистую осени шаль.
Отогрею под шёлком тумана,
В косы брошку рябины вплету
И к подножью Неройки¹ — шамана,
На руках понесу в красоту
Своего Приполярного царства,
Где на троне — представь — муравей!
Где ни лжи, ни вражды, ни коварства,
Мир — что должен был быть у людей;

Где и слёзы лишь только на травах,
 И кругом правит только добро,
 Где не делят на левых и правых,
 А зари золотое перо
 Из-за речки на первой пороше
 Пишет лучшие в мире стихи...
 Опущу драгоценную ношу
 На оленями взбитые мхи.
 Исцелую, хмелея от счастья,
 От желанья до капли испить,
 И со всей нерастроченной страстью
 Буду долго и нежно любить.
 А на зорьке, подняв край тумана,
 Через всю синедальную Русь
 Низко в пояс Творцу благодарно
 За такую любовь поклонюсь.

Стынет осень под мокрой одеждой,
 Пряча горькие слёзы в листву...
 Лишь тайгой да вот этой надеждой
 Я, наверно, ещё и живу...

¹Неройка — одна из вершин гор Приполярного Урала.
 В переводе с мансийского означает «Старик»

Я ПОСТРОЮ НАШ ДОМ

Я построю наш дом на околице,
 Возле речки на самом яру,
 Чтобы видеть, как зорюшки молятся
 В перезвонах росы поутру.
 Как с травы серебро осыпается
 На сопящих в обнимку шмелей,
 Пусть душа до ушей улыбается,
 С лёгким сердцем и жить веселей.

Всё, родная, для счастья я сделаю:
 Баньку слажу, овечек возьмём,
 Не забором — смородиной спелой
 Вдоль тропинки к соседям пойдём.
 Огороды вспашу, стог за рощицей
 Подниму в синеглазую высь...
 Да с такой-то любовью-помощницей
 Все задумки исполню за жизнь.

Первым делом — иконы с лампадкою
 В красный угол, потом уж кровать,
 И, скрывая истомушку сладкую,
 Стол, смущаясь, начнём накрывать.
 Всё своё — и картоха, и маслице,
 А в деревне иначе никак...
 Только коли уж руку-то на сердце,
 Я по дереву больше мастак.
 Кажду плашку рубаночком вылижу,
 И узоры, и лаком пройдуся,
 Печь-кормилицу русскую выложу,
 Чтобы Бог ещё чувствовал Русь.

И крыльцо распишу и наличники,
 Затеплю по окошкам герань,
 И кормушку, чтоб вспомнили сырчики¹
 Добрым словом в студёную рань.
 Там, глядишь, домовёнок поселится,
 Будет сказки ночами читать,
 И, склонившись над крышей, Медведица
 Звёздной лапою люльку качать.

НУ, ОТКЛИКНИСЬ ЖЕ, ЭХО МОЁ!

Гонит ветер с осеннего бала
 Пьяный лист и кустов голытьбу...
 Вот и мне «семиструнка» гадала
 За красивую жизнь и судьбу,
 И про дом у реки, где рябинка
 Будет петь под окном в сентябре...
 Всё сбылось, лишь моя половинка
 Не разбудит, обняв, на заре.

И не встретит под вечер с работы
 Поцелуем повыше брови...
 А я платя б ей сшил из заботы,
 А заботы те спрял из любви,
 А любовь бы собрал по крупицам
 Из таёжных скитаний своих,
 А её нам хватило б напиться
 И укрыться одной на двоих.

Ах, какою мы были бы парой —
 Всем на зависть с тобой на селе...
 Я мужик-то ведь в общем нестарый,
 И в морозы вся грудь наголе,
 И подкову, шутя, разгибаю,
 В сорок лет-то — забава одна.
 И спою, и спляшу, и сыграю,
 И стакан, если надо, до дна.

А на счастье родим двух девчушек,
 И пацан пригодился бы мне...
 Даже слышу сопенье с подушек
 Наших деток с тобою во сне.
 Понесу по тайге королевой —
 Принимайте хозяйку, зверьё!
 Будет лайка придворною девой...
 Ну, откликнись же, эхо моё!

Привезу из любого далёка,
 От любого греха отмолю,
 Жизнесьилой кедрового сока
 От болезни любой исцелю.
 Обниму белокрылой фатою,
 Отнесу на руках под венец,
 И души золотой берестою
 Обовью крепче всяких колец.

¹Сарчик, сырчик (диал. Республики Коми) — трясогуска

МИЛАЯ, ДАЛЁКАЯ МОЯ!

Опрокинув ковшик над избушкой,
 Плещут звёзды в млечных омутках,
 Вьётся дым берёзовою стружкой,
 Спят леса в серебряных мехах...
 Вот и этот год опять встречаю
 С лаечкой средь сопок и зверья.
 Кто бы знал, как по тебе скучаю,
 Милая, далёкая моя!
 У тебя проспект бежит вдоль окон,
 У меня — бескрайняя тайга,
 Закрутив метели белый локон,
 Красит зорькой понизу снега.
 По ночам вальсируют осинки,
 Подчиняясь лунной ворожке,
 И кружат полярные снежинки,
 Светлые, как мысли о тебе.

Мысли, что когда-нибудь на свете,
 Пусть не в этой жизни, так в другой,
 Не зимой, так летом на рассвете
 Бог сведёт на тропке луговой.
 Я тебе заштопаю все ранки
 На душе иголкой пихты,
 Зацелую солнцем на полянке,
 Окольцую лентой бересты.
 Самою счастливою на свете
 Сделаю, да мне ли не суметь?!
 Главное, мечту свою в секрете
 Сохранить, да золото на медь
 Не пустить в размен с бродягой-ветром,
 Да пореже ссориться со сном.

Завтра снова день — по километрам...
 Ничего, пусть пишет за окном
 Веточкой замёрзшею осинка
 Золотое имя на снегу...
 Ты не часть моя, не половинка,
 Ты — мой воздух, хлеб, костёр в пургу,
 Мой хранитель, муза, вдохновенье,
 Свет небес моих в закате дня...
 Это ты — моё стихотворенье,
 Песня лебединая моя...

Я ТЕБЯ ПОЗОВУ

Я тебя позову за собой
 Самой светлой строкою,
 Что таится в глубинах
 Моих нерастрченных чувств,
 Нежным кружевом слов,
 Согревая под сердцем, укрою
 И все звёзды нанижу
 На строки, подобие бус.

Я тебя увезу
 В дикий рай на оленьей упряжке,
 Где серебряный ветер
 Целует румянец зари,
 И в кедровых урочищах
 Спящей под снегом ромашке
 Под Полярной звездой
 Признаются в любви глухари.

Там нас встретит изба
Из янтарной сосны, в три обхвата.
Познакомлю с поющей
Под вереском
Горной рекой,
Будем пить тишину
Из ладони речного заката,
И любовь возвращать
Милой родине новой строкой.

Мы теплом своих душ
Отогреем здесь всё Приполярье.
Даже парку¹ подарим
Заблудшей в распадках пурге,
И мурашку излечим,
И лося, и лапу гагаре,
Приютим домовёнка —
Негоже скитаться в тайге.

А где двое, там третьему
Место под сердцем найдётся.
Мне что сына, что дочку,
А можно и сразу двоих...
А в ночи надо мной
Снова пьяная вьюга смеётся,
И хохочущий ветер
Рвёт в клочья приснившийся стих...

¹Парка (паница) — женская верхняя зимняя одежда народов Севера из меха оленя

ПОСТОРОННЯЯ

Если сны мои будут разгаданы,
То погаснет под ветром свеча...
Ах, не надо бы, знаю — не надо бы
Ненароком касаться плеча,
Тонких пальцев, овала нежного,
И не слышать голос бы твой...
Никогда не ходить мне прежнему
С гордо поднятой головой.

Жил размеренно — шёл уверенно,
Звёзды гасли, и годы неслись,
Да нечаянно, ненамеренно
Наши пальцы в танце сплелись,
Молодая, красивая, стройная,
Не смотри на меня, отвернись.
Мы по жизни с тобой посторонние —
Повстречались, да и разошлись.

И ни парой твоею, ни соколом
Не летать нам с тобой, не ходить...
А мне бы рядышком, мне бы около
Белым облаком по небу плыть,
Буду ветром ласкать твои волосы,
Буду солнцем лицо целовать,
Даже лебеди моим голосом
С поднебесья тебя будут звать...

Что не скошено — запорошено
Белым снегом уже навсегда,
Не желанным, не гостем непрошеным
Я к тебе не приду никогда.

Громче всех крикну «Горько!» в застолье
 Я на свадьбе твоей по весне...
 Почему ей не слышится боли,
 А мне плачется даже во сне?..

ВОТ ЖЕ ТА ЖЕНЩИНА...

И моё, видно, кончилось времечко,
 На висках-то — сплошна седина...
 И тут утром смотрю, на скамеечке
 Сельской пристани в грусти — она.
 Слово за слово. Как, да кто будете?
 Из столицы?! И я бы сбежал...
 Молоко и оладушки любите?
 Дед с деревни? Корову держал?..
 И сидели мы — два одиночества,
 Будто крылья пичуги одной,
 Для которой ни годы, ни отчества,
 Только бы отогреться душой.
 Пусть не молод, пускай деревенщина,
 А случайно коснулся судьбы,
 Так и ёкнуло — вот же та женщина,
 Что звездою вела до избы
 Среди ночи в таёжных скитаниях
 И хранила молитвой от бед...
 Значит, это не сбой расписания,
 А ниспосланный свыше билет.
 Я сошью наше счастье из нежности
 Самой мягкой иглой пихты,
 И колечко из утренней свежести
 Поднесу на фате бересты.

Вдену ветром серёжки ольховые,
 Соберу все алмазы зари...
 Это с виду мы парни суровые,
 Вы бы видели нас изнутри...
 Дай-то Бог, пусть все чаянья сбудутся:
 И уют, и детишки в доме,
 Что мне ваша змея-пересудица:
 «Городская — не пара ему!»
 Вам ли знать, просидевшим под створкою,
 Что и камню есть время цвести...
 Я её на руках буду зорькою
 До скончания века нести!

БЕЛАЯ ЛЕНТА

Люблю тебя, чем дольше, тем сильнее,
 Разлуки стали реже, но больней,
 Не потому, что ночи в них длиннее,
 А потому, что стала ты родней.
 И с каждым годом ближе и дороже
 Настолько, что мне кажется порой
 Из дальних звёзд, на бусинки похожих,
 Могу соткать любимый образ твой.
 Могу в восторге, сердцем замирая,
 Нести тебя по углям босиком,
 И счастлив я, что ты, а не другая,
 Попала в грудь тем мартовским снежком,
 Что наша жизнь в два голоса, как песня,
 Без фальши и пустячной суеты,
 Что дочкам, на тебя похожим, вместе
 Несём урок любви и доброты.

Вот только осень кисточкой рябины
 Стучит в окно, и я осознаю,
 Что дети в сентябре не георгины —
 Они уносят молодость мою.
 Или судьба, позарившись на счастье,
 Очертит мне последний поворот,
 И кто-то, взяв изящные запястья,
 К своей груди любимую прижмёт.
 Я не хочу печаль с тобой знакомить,
 Будить в душе тревогу или страх.
 Мы будем жить, пока мы будем помнить
 Вкус мартовского снега на губах.
 Мы будем жить с тобою долго-долго,
 Ты, главное, родная, не болей.
 Я на коленях вымолю у Бога,
 Чтоб жизнь твоя моей была длинней.
 Всё будет хорошо, моя родная!
 Придёт весна, которую так ждёшь,
 И ты опять, сама не ожидая,
 В меня комочком счастья попадёшь...
 ...Ты сладко спишь в полуночной прохладе,
 Спят свиристели в зарослях ольхи,
 А я любимой в шёлковые пряди
 Вплетаю белой лентой стихи...

ВЕРНОСТЬ

И взмыли с плачем над стволами
 два белых ангела в зенит...
 Он закрывал
 любовь крылами,
 ещё не зная,
 что убит...

МОЯ ФИЛОСОФИЯ

*«Я вижу своё предназначение в том,
 чтобы успеть раздать тот негасимый свет,
 который однажды в таёжном зимовье
 затеплил в моей душе Всевышний, имя которому —
 Любовь. Сделать так, чтобы в жизни каждого нашёлся
 человек, который поцелует душу именно в тот момент
 отчаяния, когда уже и крылья сложены, и свечи погашены,
 руки опущены, и кажется, что впереди ни единого просвета...»*

От автора

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ

Обними меня, моя рябина,
 Жаркой кистью щёку опали,
 Сине-дальней песней журавлиной
 Тишину рассвета застели.
 Я уйду по ней туда, где кони
 Пьют росу в туманной полумгле,
 Золотую брошью на ладони
 Поднести зарю родной земле.
 Гладить плечи старенькой берёзы,
 О стране несчастной горевать,
 И любясь далями сквозь слёзы,
 Родину стихами целовать.
 Обними покрепче, свет мой ясный,
 Что-то я, голубушка, продрог.
 Чувство, будто ангел безучастно
 Отвернулся, просто ль — занемог.
 Стала мама сниться... Свет нагорный
 Даже днём туманом застилать,

Видно всё, так пусть же стихотворный
 Клин летит тепло моё раздать
 До сердец и белых колоколен
 Душ людских, каким бы ни был путь;
 И любовь, которою напоен,
 Без остатка Родине вернуть.
 Потому и нет особо страха,
 Всё, что будет, знаю наперёд —
 Боль под сердцем, чистая рубаха,
 Божий Суд... А что же дальше ждёт?
 Вдруг да снова то же Синегорье
 Выткут мне над Ляпушкой стрижи,
 И родную церковь на угорье,
 И рябину, свет моей души,
 У крыльца в сорочке белопенной,
 А когда и матушка согреть
 Спустится по краешку Вселенной,
 На сто раз готов я умереть!
 Только вечность гасит даже звёзды,
 И моя прочертит небосклон.
 Буду снова листиком берёзы
 Пить дождей хрустальный перезвон.
 Может кедром... или стрекозою,
 Чайкою над Ляпином парить,
 Или же оляпкою зимою
 Полынью Хулги боготворить.
 Только бы не камнем и не пылью,
 Не бездушной друзой в толще гор —
 Птахою безвестной, лишь бы с крыльев
 Целовать глаза родных озёр.
 Об одном прошу я мать-землицу —
 Положи подальше от дорог
 Тихую таёжную синицу,
 Чью звезду согрел в ладонях Бог.

* * *

Когда земля ещё сшивала
 Противотанковые рвы,
 Когда любая мама знала,
 Как печь лепёшки из травы,
 И по ночам ещё держали
 Открытой дверь и свет в окне,
 Ещё умели ждать
 И ждали
 Давно убитых на войне.
 Ещё сидели на каталках
 Обрубки огненных полей,
 Ещё в своих горели танках
 Они в тиши госпиталей,
 Ещё менялась на базарах
 Тушёнки банка у жулья,
 Ещё держал ГУЛАГ на нарах
 Любивших Родину, как я,
 И только-только поднимались
 Страной Донбасс и целина,
 Ещё в ларьках не продавались,
 Как побрякушки, ордена,
 И каждый сызмальства гордился
 Бессмертной славой отцов —
 Родился я,
 И крик мой слился
 С летящим криком поездов.
 И словно заново рождаясь,
 Косясь на дедову медаль,
 Дрожало время, дожидаясь
 Шагнуть моей дорогой вдаль!

СЧАСТЬЕ

А много ли для счастья надо?
 Да что ж вы сразу о деньгах?!
 Я — об истомушке в прохладе
 Копны духмяной на лугах,
 Когда весь день поёшь косою,
 А он, как звень — ни ветерка!
 И видишь доченьку босою,
 В ладошках крынка молока.
 Едва глоток, как вдруг из сини
 И белогрудья облаков
 Сверкнёт гроза с гудящим ливнем
 И близким грохотом подков.
 И ты за вилы — ох, замочит!
 А он возьми, да стороной!..
 За полчаса стоит стожочек,
 Прижавшись к ельнику!..
 А вечерком заглянешь к маме,
 И с полотенцем на плече,
 Как на Руси святой веками,
 К реке по розовой парче
 Заката, вниз по огороду,
 Где баньки стайкой собрались,
 Да в молоко парное — с ходу!
 Да — вглубь! А душенька-то — ввысь!!!

Потом щекой прижмёшься к бане
 И будешь слушать, затаясь,
 Как ивы шепчутся в тумане,
 И зорьку чмокает карась.

Я ПО ЖИЗНИ БРОДЯГА

Где-то выстрел далёкий
 Раздался в рассветном тумане.
 Остывающей кровью
 Стекла по осинам заря.
 Тонко вскрикнула пуля,
 Ударившись в грудь мироздания,
 И, уйдя в рикошет,
 На излёте попала в меня.
 И заныла душа,
 Называя убийц поимённо,
 Даже в наших краях
 Их людьми никогда не зовут —
 Расстреляли лосей,
 Чтоб пылилась в прихожей «корона»,
 Глупо веруя в то,
 Что они никогда не умрут.

А когда по весне,
 Долетев сквозь заслоны картечи,
 Птица видит святые
 Озёр голубых образа,
 И в слезах голосит
 На своём лебедином наречье,
 Я прошу, мужики,
 Поднимите, ликуя, глаза,
 А не мушки стволов
 Под нахмуренной бровью заката,
 Чтобы срезать того,
 Кто всех ниже над песней реки...

Это кто-то из наших
с Афгана вернулся, ребята,
На такой высоте
Никогда не идут чужаки!

Я по жизни бродяга,
Отдавший себя Приполярью.
От зимовья к зимовью
Ведёт по ночам Альтаир,
И в последний свой час
Я долги за собой не оставляю,
Я уйду налегке,
Как когда-то пришёл в этот мир!
Мне не надо креста,
Не давите мне душу надгробьем,
Ни чугунных оград,
Ни речей, ни заплаканных лиц...
Вы развеите меня
Дикой розой ветров над Приобьем,
Чтобы встать в белый строй
Самых преданных Родине птиц!

СОВЕСТЬ

Может, Русь и верстою не меряна,
И Всевышний незримо далёк,
Но у Бога и мышь не потеряна —
Всех согреет Его огонёк...
Нам бы только почаще беседовать,
Сердцем знаки Его понимать,
Чтить родителей, совести следовать,
Вот и будет в душе благодать...

А ведь к маме всегда, как на праздники...
Бездорожье? Так это ж домой!
Что нам грязь-то на танке — «УАЗике»!
Вот за горочку и... Боже мой....

Ни детей, ни собаки, ни курицы,
Ни души... Может, где разбрелись?..
Окна выбиты, избы сутулятся.
Эй, славяне!.. Народ!.. Отзовись!..
Только ветер, напившись просторами,
Хлопнет ставнем, да как от стрельбы,
Из деревни «бегут» мародёрами,
Спотыкаясь, кривые столбы.
А крапивы — как сроду не кошена,
Лебеда, та и вовсе стеной...
Всё расхристано, вырвано, брошено,
Словно немец добрался войной...

И тут вижу я: женщина старая.
Руку — лодочкой, палку — к груди:
— Вовка, ты ль?! Ну, да как не узнала я!
Ох, и вымахал!.. К мамке, поди?

Ой, сынок, мы же Дарью-то, сватьюшку,
В прошлом годе, как раз на Покров,
Схоронили. А что же ты матушку
Проводить не приехал-то, Вов?
Всё-то заняты, всё где-то свищите...
Что стоишь-то, ужо заходи...
Ни звонка, ни письма не напишите,
Вот для этого вас и роди...

Я зашёл. Под иконами в рамочке
Фотографии близких людей.
Котофейка, подпрыгнув с тальяночки,
Тащит лапой с ковра лебедей.
Пахнет ладаном в доме и старостью.
Посадила за стол у окна
И святою крестьянской усталостью
Просветила до самого дна...

— Что молчишь-то, касатик, рассказывай,
Как живётся? Детишки, дела?
Аль как мы — ремешочек подвязывай?
Или вдел Горбунку удила?
А деревня спилась и повымерла...
Только вроде поднялись с колен,
Тут нам «этих» откуда-то вымело
Ветрюганом дурных перемен.
Всё порушили: фермы, коровники,
Столько техники! — Всю по себе.
Нам, за ваучер — ржавы подойники
Да по связке прищепок к губе.
Чем хвалиться? Кресты да развалины.
Вместо ржи — сосняки за межой...
При царях всех кормили, при Сталине,
При бровастом тянули вожжой.

А сегодня, как жжёные гвоздики,
Догниваем... А где же твой внук?
Что за русский без маленькой родинки?
Без неё и большая — лишь звук.
С детства надоть... А ты не с Парижу ли?
«Шипром» пахнешь, а как разодет...
Если корни с землёй отчекрыжили,
Что приехал-то? Радости нет?

Я сидел ошалелый, раздавленный.
Что сказать? Что служу звонарём?
Спросит: «Где же ты совесть, мой праведный,
Обронил, что не сыщешь с огнём?
Спрятал душу свою за иконами,
И плевать с колокольни своей,
Что ворьё, прикрываясь законами,
Отдирает народ от корней.
Это же с твоего равнодушия
Мать-деревня твоя умерла...»
Так о чём же названивал в души я?!
Нет, родная, при мне та игла!
Так кольнула, что силы покинули.
Мне б ей руки с колен целовать,
А сидел, будто сердце мне вынули,
Камень сунув, — троим не поднять.

А назавтра сходили на кладбище...
Гладил крест, долго плакал навзрыд.
И свечу, и молитву... А камище
Так с тех пор на душе и лежит.

Звал: «Баб Мань, а со мной бы поехала...»
— Нет, Володюшка, я уж с котом...
И пока видел в заднее зеркало,
Осеньяла Россию крестом...

И ДУША — НАРАСПАШКУ...

Деревенька моя притаилась в лесах Синегорья.
 Переулки ручьями стекают в речной небосвод,
 Плачут избы смолой, и заборы играют гармонью,
 И рябины стоят, как невесты, у каждых ворот.
 Смотрит кротко на мир, улыбаясь дождям и метелям.
 Каждый день небеса ей подносят ржаной каравай.
 Только что тут скрывать, кто и утро встречает похмелем,
 А по мне — так работу любую с утра подавай!
 Вроде Север, снега и мороз, обжигающий лица,
 И ярило, в тайге разоспавшись, почти не встаёт.
 А как только заслышу в потёмках январских синицу,
 И душа — нараспашку, и сердце от счастья поёт.
 Да и как тут не петь и не плакать в малиновой роще
 Над пеньками берёз, где тетёрки слетались на ток.
 Вижу, как с лошадьми солнце рыжую гриву полощет,
 И целует в макушку часовню склонившийся Бог.
 Если сразу из баньки в кипрее купает поляна,
 Утром пчёлы в ладошках спешат дикий мёд поднести,
 А девчонка-заря в камышах под простынкой тумана
 Ждёт ночами тебя в косы алые ленты вплести.
 Снова осень пуржит, заматавая леса позолотой.
 Сели тучи на избы вокруг прошлогодней копной.
 За рекой журавли покидают родные болота,
 Лишь рябина одна неразлучна, как прежде, со мной.
 Тем и счастлив всю жизнь, и не надо мне счастья иного —
 Быть пылинкой земли, на которой живу и умру,
 Ждать весной журавлей, упиваться стихами Кольцова,
 И свои добавлять, не давая погаснуть костру...
 Деревенька моя сладко спит на ладони долины.
 Небо родины милой рассыпало звёзды над ней...
 Это я иногда грею кисти озябшей рябины,
 А она же всю жизнь согревает любовью своей.

ИМЕНА

Выцвел на ветру кумач заката,
 В чёрный плед укутались леса,
 И звезда, присев у переката,
 Высыпала в речку чудеса.
 Та и разнесла по белу свету...
 Вот мурашек, в поисках тепла,
 Не мураш, а целая планета
 Мне в ладонь доверчиво легла.
 Это ли, скажите мне, не чудо?!
 Или речка? — Силится сказать,
 Как ей со старателями худо,
 Боже мой, да нам ли то не знать?!
 Ищем где-то всякие богатства...
 Там ли ищем? Сердцем-то взгляни —
 Вот оно — и золото, и братство,
 Рядом, только руку протяни.
 Отогрелся. Слушает. Кивает.
 Боль, она понятна и без слов.
 Лапкою ладонь отогревает,
 Словно это встреча двух миров...
 Чёрными небесными китами
 Вынырнули тучи среди звёзд.
 Крайний Север, потянув ветрами,
 Грамоту на царствие поднёс.
 Тяжко за рекой вздохнули гуси, —
 Что вам уготовано в пути
 Над родной, любимой, страшной Русью? —
 Всюду ружья... Господи, прости...
 Совесть сладко спит под образами.
 Дождь в косую пишет на стекле
 Имена холодными слезами
 Всех убитых нами на земле.

ЛАРЧИК

Я здесь родился, в маленьком селе,
 Между рекою, солнцем и лесами,
 Где детство, просыпаясь с небесами,
 Летело на родительском крыле,
 И где-то, проплывая в облаках,
 Осыпалось росой на поляны...
 И даже сны, волшебные обманы,
 Уже не носят к речке на руках.
 Лишь память, покидая свой причал,
 Несёт меня степною кобылицей,
 И я в ночи, не скрипнув половицей,
 Опять вхожу в начало всех начал.
 ...Прильну щекою к дедовской стене,
 И видятся крылатые качели,
 Как пели свиристели по весне,
 И плакали апрельские метели;
 Как, подплывая утром на реке,
 Гудела белоснежная громада,
 И я бежал с копеечкой в руке
 На пароход за плиткой шоколада.

А много ли ребёнку в жизни надо?
 По сути — тот же маленький птенец —
 Чтобы тепло, и мама была рядом,
 И трезвым был, хоть изредка отец
 И не крушил в хмельном пылу ограду
 Под громкий стук испуганных сердец
 Или хватил ещё полкружки яда
 Да и уснул, скорее, наконец...

Мне бабушка была, как солнцу рада,
 Всё лакомства откладывала мне...
 Дед в сорок первом канул на войне,
 Лишь память внука — вся ему награда...
 Волшебный сад в оконной полынне,
 Всю ночь в углу горящая лампада,
 И скорбь всё понимающего взгляда
 Иконы Чудотворца на стене...
 И помнится тот воздух по утрам,
 Плывущий с луговин по захоластью...
 Здесь даже в лес заходишь, словно в храм,
 И даже небо пахнет только Русью!
 И вижу в белых яблоках коня,
 И чувствую ногой стальное стремя,
 И в клочья рвётся выцветшее время
 Упругим ветром завтрашнего дня!
 И я лечу, сбивая лопухи,
 Не ведая, что жизнь уже на взлёте,
 Что ждет Афган и лента в пулемёте,
 И боль потерь, и счастье, и стихи...

Вот так порой, ликуя и скорбя,
 Перебираю все свои наследства,
 И в ларчике я мальчика — себя
 Встречаю из безоблачного детства.

ПРИГЛЯДИСЬ

Наверно, я стал чуточку мудрее,
 А может, просто-напросто взрослее,
 И научился больше отдавать,
 И слышать всё в своей лесной округе;
 Мне интересно наблюдать,
 Как бабочка крылом своим упругим
 Над лугом учится летать,
 Как, просыпаясь поутру, трава,
 Напившись, отдаёт росу подруге,
 Стал понимать, что шепчут деревья,
 Прижавшись листьями, как лицами, друг к другу.
 И стал раним, чувствительнее, что ли,
 Едва коснувшись взглядом чьей-то боли...
 Посередине речки островок,
 На нём растут, как сёстры, три берёзы,
 В баклажку чью-то громко капал сок,
 Да я-то знаю: это льются слёзы
 Из ран горячих в ржавый туесок,
 И боль стучится мне в висок,
 Как соль, въедаясь в ранку от занозы.
 Я научился по-другому жить —
 Без ловкости, без хитрости, а просто.
 Чужую жизнь стал, как свою, ценить
 И видеть сердцевину сквозь наросты.
 Моя округа плачет и поёт,
 Я этой исповеди тайну не нарушу.
 Рябины кисть стучится в переплёт,
 В твоё окно, ...а может, в твою душу?

ЛИЧНОЕ

Под утро снегом выбелило поле,
 Берёзок у калитки не узнать...
 Ну что ж... пора, не сдерживаясь боле,
 И мне успеть им главное сказать:
 О той любви, с которой в мире прожил,
 К родной земле, родителям, семье,
 Что раздавал, а что, напротив, множил,
 И чья любовь с небес вернулась мне.
 За всё, что было, есть и то, что будет,
 Что вижу, слышу, чувствую, творю,
 За совесть, что ночами сердце будит,
 Я Господа, как сын, благодарю.
 И вас, пока живу я, буду славить
 И целовать в медовые уста
 За то, что мне дано свой след оставить
 На снежном поле чистого листа.
 И я уйду в назначенные сроки
 В неведомые дали, как и все,
 Но кто бы знал, какие стихотоки
 Я пил, родные, с вами по весне!
 А сколько счастья осень приносила —
 Писал стихи и плакал с ними сам,
 И Бог любил, и Родина любила,
 И сотни птиц мне пели по лесам!
 Чего желать?... Пусть ветер наши свитки
 Читает вслух, и слушает рассвет,
 И хоть одну бы душу у калитки
 Согрел под вами мой далёкий свет.

У РЕКИ

Пьют с ладоней росу подорожники.
Разметалась по плёсу заря.
Выползают из туч, словно ёжики,
Звёзды, щурясь на свет фонаря
У калитки, под жаркой рябиною,
Деревеньки таёжной моей,
И плывёт над землёй журавлиною
Запах сена с молочных полей.

Всё тут с яра-скамеечки видится:
Даль таёжная, гор белизна,
Как по плёсам речным белорыбица
Хороводит с тайменем у дна.
Бродят лоси с глазами раскосыми,
Шепчут кедр с Полярной звездой,
Тишина умывается росами,
И целует зарю козодой.

Слава Богу, ничто не меняется.
И пусть скоро судьбу допишу,
Перед Господом не в чём мне каяться,
Об одном лишь Его попрошу,
Чтобы внуки купались у сходины,
Так же церковь встречала невест,
И хранил красоту милой родины
Богородицей вышитый крест.

БЕРЕГА

Всё тайга да тайга — без пути, без дороги:
Ни ногами пройти, и ни взглядом объять;
Лишь по небу плывут облака-недотроги,
Им на нас с высоты глубоко наплевать.

Стелет ветер снега, гнёт упругие ели,
Захмелевшей рукой валит гниль в кедраче.
Третьи сутки пурга... Мы прошли, что успели —
Сотня вёрст за спиной, карабин на плече.

Мы по жизни широких дорог не искали,
Шли своею тропой от костра до костра,
И на этом пути нас порою спасали
Предпоследняя спичка и сталь топора.

Мы зимою в палатках живём месяцами —
Коль тепло и светло, значит, жизнь удалась —
Ни семьи, ни друзей, лишь по старенькой «Каме»
Раз в неделю с промхозом короткая связь.

Не дорожная грязь, а скрипящая песня
Лёгких лыж на бегу, и залиvistый лай,
Соболиная вязь, и пунктир перекрестья,
И удача в руках! — Вот он, истинный рай!

Пусть нас город простит, нам не надо бетона,
Ни ручных голубей, ни паркета дворцов,
Нас по жизни пьянит кислый запах патрона
И бродяга-туман Приполярных гольцов.

В безмятежных руках нас судьба не качала,
И прошли мы и стужу, и плети огня,
А сосна у зимовья, как мать у причала,
Каждый вечер в потёмках встречала меня.

Нас ковала тайга, закаляли невзгоды,
Шлифовали дожди, голод, пот и снега.
Жизнь течёт, как река, только мы — из породы
Коренной, на которой стоят берега!

* * *

Мне нравится смотреть в лицо заката
За несколько минут до темноты,
Как тает дальний берег переката,
И льётся позолота с высоты;
Как в тишине белёсые полосы
Бездумно вьются кромкою воды,
И щемятся озябшие берёзки,
Коленки спрятав в гуще лебеды.
Как пахнут травы, к ночи остывая,
Стеля вокруг душистую постель,
В которой скрипнет, изредка зевая,
Бессонницей страдая, коростель.
И каждой травке дарит по алмазу
Природа — наша ласковая мать,
И сознаёшь, конечно же, не сразу,
Что эта вся земная благодать
Ниспослана и создана Всевышним,
Чтоб стали мы хоть чуточку добрей,
Чтоб недруг твой стал другом самым близким,
А друг — ещё надёжней и родней.
Чтоб сердце замирало в состраданье
При виде ружей, вскинутых к плечам,
И только здесь приходит понимание,
О чём Природа плачет по ночам.
Мы для неё, как пальцы на ладони,
Любой поранишь — выступит слеза,

По нашей воле зверь в капкане стонет,
Мелеют реки, рубятся леса.
Все беды от тебя, мой мальчик-с-пальчик,
И от таких, как ты, «царей» зверей,
Ведь, раздавив не глядя одуванчик,
Мы можем стать светлее и добрей?
И я снимаю мокрые ботинки,
И наклонившись, словно к малышу,
У маленькой, тонюсенькой былинки
За всех «царей» прощения прошу.

ВСЁ ПО СОВЕСТИ ЗДЕСЬ

Вот и лебеди к нам прилетели.
Снег осел чернотой у трубы.
Весь апрель не пурга, так метели
Выдували тепло из избы.
Хорошо, что деланка под боком...
Ну да ладно, поди не впервой,
Вон душа-то как тянется к строкам,
Услыхав лебедей над собой...
А над речкой плывёт, заливаясь,
Белый клин в небесах голубых,
И стоишь, всей душой улыбаясь,
У калитки, встречая родных.
Настрадались видать на чужбине...
Что ты Севера ближе найдёшь?..
Сам, порою, прижмёшься к рябине,
Словно к матушке милой прильнёшь.
У крылечка, зимою ли, летом
Жизнь-то тоже, так скажем, не мёд...
Приобнимет, поможет советом
И простит, как всегда, и поймёт.

Это родина, как же иначе,
 Всё по совести здесь, по-людски,
 И былинка с тобою поплачет,
 И подставят плечо мужики...
 Где-то люди, наверно, картошку
 Посадили, и даже цветёт,
 Здесь же — к лунке протопчешь дорожку,
 А к обеду опять заметёт.
 Но уж коли запела синица,
 Семь денёчков — и жди ледоход!
 Всё предскажет мудрейшая птица,
 Потому и спокоен народ.
 Пусть опять на сто вёрст бездорожье,
 Половодьем отрежет пути,
 Но роднее земли и дорожке
 Нам в России нигде не найти.

* * *

Вот казалось, чему тут счастливиться? —
 Глушь, тайга, ни людей, ни дорог,
 А прижмётся над речкою ивица,
 Сядет лаечка рядом, у ног,
 Под рукою Светлаша пригреется,
 На коленях — бурундуки,
 Гладишь мелких, и душеньке млеется
 В предзакатной тиши у реки...
 Говорят, что земля наша крайняя —
 Ветер, холод, не дождь — так снега,
 То ли дело, к примеру, Испания —
 И вино, и сыры, и луга,
 И теплынь, и олива, и финики,
 Есть на пляжах на что посмотреть...

А умеют ли те именинники,
 Как на Севере, ждать и терпеть
 Холода и житейские трудности
 И ценить каждый тёплый денёк?
 Черпать силы духовные в мудрости
 Древних книг и беречь огонёк
 Веры, света, добра, справедливости?
 Нет? А что ж вы берётесь учить
 Толерантности. Чувство стыдливости
 Растоптать, и Кончитами быть?
 Заменить тайну трепетной робости
 Поцелуя на скотский разврат...
 Нет, сеньоры, вы эти подробности
 Забирайте-ка в собственный сад.
 Нам от предков другое завещано:
 Сердце — Родине, душу — семье.
 А семья для меня — это женщина,
 Что листочком прильнула ко мне,
 Это дети мои и родители,
 Внуки милые, Вася — мой зять,
 И, как деды мои, победители,
 Мы сумеем за Русь постоять.
 Что нам запад с его чёрной смутою,
 Мы и стужею выбелим тьму...
 Дай-ка, я потеплее укутаю
 И покрепче тебя обниму.

ПАМЯТЬ

Военная лирика

РОДНОЕ...

Уже и ветром тёплым манит,
 И вербой за реку весна,
 А мне дедуля: «Ох, омманет,
 Весна-то ноне затяжна.
 Сосульки, глянь, каки длиннючи!
 Мотай на ус примету, внук...»
 А тут и Север, скомкав тучи,
 Навесил ветром добрый хук,
 Запел, усевшись на фронтоне...
 А утром глянул на поля —
 С пригорка тёплые ладони
 Мне тянет, вытаяв, земля.
 Эх, деда, деда, ветер — к счастью!
 А значит, скоро за мыском
 Ушицу утречком карасью
 Туман разбавит молоком!
 Просмолим лодки нашей днище,
 Фитиль — под берег заревой,
 И вот такущих карасищей
 Мотня нам вывалит, с икрой!
 Как в прошлом годе, помнишь, деда?
 Ты только сильно не болей.
 И не болел... А в День Победы
 Погиб разведчик Пантелей
 На той войне — осколок мины
 Под сердцем, стронувшись, убил...

Сосед, под градусом «Полтины»,
 Врачей по матушке крестил,
 Войну, и немцев, и начальство,
 И власть, и тещу — всех пучком.
 Жену — и ту, зачислил в братство
 И засопел, упав ничком...
 С серванта чёрная шалейка,
 Кручинясь, свесила крыло...
 И только деда телогрейка
 Всё глубже прятала тепло...
 И бился в полдень над оградой
 Многоголосый плач родни...
 Я помню всё: и те награды,
 Что нёс, стесняясь, впереди.
 И домовину на подводе,
 И речки дальний поворот,
 Где целовался с половодьем
 Среди черёмух небосвод.
 Зайчата плыли на лесине...
 Протока — в дымке костровой...
 А где-то там, в небесной сини
 Чеканил шаг незримый строй.
 Дрожали тёсовые крыши,
 И прогибались облака,
 И каждый русский сердцем слышал
 Шаги Бессмертного полка.

СОВЕСТЬ ВЕКА

— А давай-ка, внук, махнём до Бреста!
 От него в войну и отступал
 На Бобруйск, глядишь и вспомню место,
 Где за речкой пушку закопал.
 А она, навроде нашей Янзы,
 Только плёс пошире и глубок.
 Помню мост... так «Мессеры», заразы,
 Целый день — не вдоль, так поперёк!
 Мне на нём, наганом из попутки,
 Комиссар в лицо: «Любой ценой!»
 И расчёт наш пятый раз за сутки
 Развернулся к Родине спиной.
 А навстречу — беженцы и конный,
 Санитарный, раненых обоз...
 И тут — танки, слышишь, внук, колонной!
 А у нас снарядов с гульки нос...
 — Ладно, дед, давай! — Садимся в поезд
 «Брест — Москва». В купе сидит банкир.
 Оказалось — немец! Рядом в пояс
 Два японца кланяются — мир!
 Ясен свет, кто ж настроенье портит,
 Я войну-то видел лишь в кино!
 Только дед, как совесть века, смотрит
 Сквозь соседей — в дали, за окно.
 Выйдет покурить, к стеклу прижмётся...
 Что смотреть — поля да вороньё.
 Две минуты — снова в пальцах мнётся
 «Беломор». — Дедуль! — А он своё:
 «Так они людей... по всей дороге
 Танками, потом через обоз...»
 И, дымясь, летели мне под ноги
 Гильзы непотухших папирос.

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Двадцать лет забывала страна
 о войне, да и я, лишь по детству
 смутно помню того пацана,
 что забрал военком по соседству.
 А сегодня слетает конверт,
 пожелтевший, с кружком от стакана...
 Боже правый! — Да это ж ответ
 он отправил домой из Афгана!
 Где-то столько годков пролежать...
 Эх ты, почта родимая наша...
 Жаль, не сможет его прочитатъ,
 пригласив меня, тетя Наташа...
 Открываю, читаю, а там —
 мимо Бога прокравшись бабулей,
 равнодушная смерть пацанам
 между датами чиркает пульей:
 Замыкающий — спичкой горит,
 головной тоже траком на мины.
 Крошат пули афганский гранит,
 а гранит ищет оптикой спины.
 Вот и нашей по башне снаряд
 засветили солдаты ислама,
 и ещё в бортовую,
 подряд!
 А как жить-то
 мне хочется, мама!
 Захлебнулся родной ДШКа...
 Догорают машины на склоне...
 Над башкою дыра в два горшка
 и твой крестик, зажатый в ладони...

Бог услышал... Пришёл вертолёт...
 Всех убитых сложили на бровке.
 Завтра свежих Союз подошёл,
 и назад заберёт в оцинковке.
 ...Где-то «зелень» нашу с утра
 учат «дедушки» влажной уборке,
 мне — курорт! Даже утка, пусть в хлорке,
 и мой ангел — девчонка-сестра.
 А война — это, мама, война...
 И не та, что стреляла из книжек.
 Извини, и моя ли вина,
 что ты нянчишь чужих ребятишек.
 Ждать недолго — весной дембельнусь
 и прижмусь к нашей старой берёзе...
 Извини...
 мысли...
 тонут...
 в наркозе...
 Где ты,
 мама?!
 Я, правда, вернусь!
 Если я обману, ты прости,
 а письмо... я целую бинтами...
 (Мне бы только могилку найти,
 и прочту, и отдам твоей маме).

ДЕТИ ВОЙНЫ

Я же, батя, сегодня чуть свет
 И к тебе, благо, что недалече.
 Тридцать лет, как его с нами нет,
 Только время не очень и лечит.

Я же новость пришёл рассказать
 И поздравить с событием года —
 Со вторым тебя правнуком, батя!
 Так что есть продолжение рода!

Положил на могилку цветы,
 Водки выпили с ним за младенца,
 И опять зашуршали листы
 Книги памяти, спрятанной в сердце...

Кто они, эти дети войны?
 Мама, папа, дружок его Гоша,
 Что им после победной весны
 Время выбрало жизненной ношей?

Беззаботную сытую жизнь,
 С праздным днём и квартирным уютом?
 Нет. Другому они поклялись
 У знамён пионерским салютом.

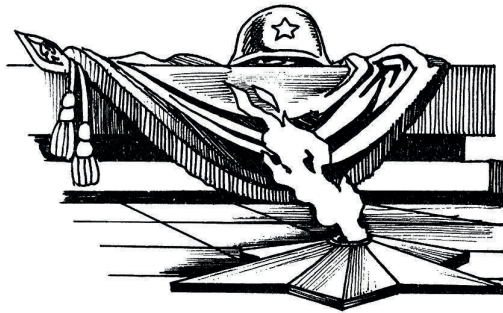
Это им после страшных годин,
 Безотцовщинам, выпала доля
 Поднимать Сталинград из руин
 И распахивать минное поле.

Биться люто за хлеб целины,
Грамм металла, за метр магистрали,
За отцов, не пришедших с войны,
Жили так, как они воевали.

Слово «надо» и слово «держись» —
Это тот же синоним отваги,
Потому что примером на жизнь
Был Гастелло и Павка Корчагин.

И ещё пару слов об отце.
Он из тех, кто излечивал души.
Помню, как вечером на крыльце
Под тальяночку пел о «Катюше».

Больше всех эту песню любил
И кино старых лет «Трактористы»...
Я о главном сказать позабыл:
Он гордился, что был коммунистом.

СОРОК ВТОРОЙ

(Фронтовая сага)

Скользнув с плеча платком вдовы-солдатки,
Упала ночь. В домашней тишине
Перебираю старые тетрадки
Воспоминаний деда о войне.

Раскрыл одну, без выбора, навскидку,
И съёжился от пересвиста пуль.
Там медсестра бойца на плащ-накидке
Тащила с поля боя, словно куль...

Бил пулемёт, сминая фланг атаки.
Ещё чуть-чуть... И вдруг огонь затих...
И кто бы знал, что немец вывел танки,
А здесь одна винтовка на троих.

И был сигнал — зелёная ракета —
Всем отойти (бывает на войне).
И лишь комбат, встав в рост, из пистолета
Стрелял в упор по танковой броне.

Да с ним боец — парнишка лопоухий,
Сибирячок — сажил с винтовки в щель...
Но тут осколок, чуть побольше мухи,
Ударил в грудь, прошив его шинель.

И медсестра тащила, прикрывая.
Он был в сознание, только умолял:
— Прощу тебя, оставь меня, родная,
Отвоевался, видно, отстрелял.

А можешь ты, пусть я тебе нелюбый, —
 И рвался встать, и маму тут же звал, —
 Поцеловать меня, сестрёнка, в губы?
 Меня никто ещё не целовал...

— Меня... Володькой, — шепчет он без силы. —
 Я сам из Омской, там родные ждут...
 — Ты не молчи, прошу, солдатик, милый.
 Меня, родной, Наташею зовут...

Он умирал. Она его тащила
 Под канонаду флотских батарей.
 И словно бы таинственная сила,
 Хранила их с молитвой матерей.

Назло смертям, всем пулям и осколкам,
 Колени — в кровь. Тащила, как могла...
 И на закате ротная двуколка
 Их в ближний тыл обоих довезла.

И был санбат, был спирт, хирург уставший.
 И снова боль, до крошева зубов...
 Тепло ладони маленькой Наташи,
 И первая Володькина любовь.

...А впереди был фронт, была разлука,
 Ещё рекой три года пот и кровь.
 И смотрит с фотографии на внука
 В огне войны рождённая любовь.

ПАШКА

— Знаешь, Паша, сегодня о мире
 Акт подписан, — сказал лейтенант, —
 Победили!
 ...А где-то в Сибири
 У тебя есть сестрёнка и брат.
 Он зимою вернулся... безруким.
 У танкиста судьбу не смотри,
 Ладно — руки оторваны люком,
 Чаще — горсточкой пепла внутри.
 Помнишь, Павел, как бились за Волгу?
 А километры минных полей?
 Как с тобой перед боем дорогу
 Мы искали пехоте своей?
 Укрывались одною шинелью,
 И кормил нас один котелок...
 А бои затяжные за Ельню?
 А Серёгу, что лёг под «каток»
 Танка с миною, в дни отступления...
 Наших женщин молчащих глаза...
 Вот и прóбил наш час искупленья!
 Так чего ж ты крадёшься, слеза?!
 Мы три года шли к этому маю!
 Боже, Паш, а сирень-то кипит!..
 Как же им написать, я не знаю,
 Что вчера ты под Прагой убит.

* * *

*Светлая память безымянным солдатам
Великой Отечественной войны!*

Здесь ни следочка вокруг, ни тропиночки
На высоте к блиндажу,
Где я с винтовкой родимой в суглиночке
С сорок второго лежу.
Грудь обнимает земелька донецкая,
Шепчутся травы со мной,
Если б не пуля под сердце немецкая,
Я бы вернулся живой.

Дом бы поставил я с окнами на реку,
Счастье на дверь отковал
И у калитки соседку бы Вареньку
Замуж, целуя, позвал.
Смехом ребячьим наполнили детскую
В доме с любимой женой,
Если б не пуля под сердце немецкая,
Если б вернулся живой.

Встретил бы с милою я за околицей
Самых желанных гостей —
Свата и сватью, и под Богородицей
Благословили детей.
И провожала бы речка закатная
Внука с рыбалки домой,
Если б не пуля под сердце, проклятая,
Если б вернулся живой.

ВТОРАЯ УДАРНАЯ

В конце июня 1942 года 1102-ой стрелковый полк 327 дивизии 2 ударной армии генерала Власова, в большинстве своём состоявший из воронежских ребят, в полном окружении принял бой с фашистскими захватчиками под Красной Горкой. В отличие от других, сдавшихся немцам «власовских» подразделений, он не отступил от своих рубежей и полностью погиб. Геройский подвиг воинов полка, отдавших свои жизни за Родину, как ни печально, нигде и никогда не был отмечен. Просто забыт. О нём не найти сведений даже в донесениях Волховского и Ленинградского фронтов. Как будто полка и не было.

Но полк был, и о его ратном подвиге люди помнят. Местные поисковые отряды по крупицам собирают данные о битве под Красной Горкой, ведут розыскные работы...

Спасибо, ребята, за честь,
Что ищите нас, не забыли.
Нас много здесь немцы убили,
А сколько, и Богу не счесть.
Всего-то — клочочек земли...
Отдать? Так ведь Родина свята.
Мы вам благодарны, ребята,
Что вспомнили всё же, пришли...

Снарядов да лент к «станкачам»,
Да горсть бы патронов к винтовке,
А нам не патроны — листовки
Швыряли с небес по ночам:
«Держаться! Победа близка!
Мы гоним фашиста к Берлину!..»
А мы из болот пили тину
И дрались обломком штыка.

Вставали без всяких «ура»,
И молча на танки с лопатой.
И самой последнею платой
Свои отдавали тела.
Другим были залпы побед,
А нам — тишина и забвенье.
Предатели! Нет им прощенья,
А значит, и памяти нет!
Нас бросили. Предали все —
От Власова до замполита.
Здесь всё нашей кровью полито —
Не надо ходить по росе.
Пушай мы давно полегли,
И в небо глядим васильками, —
Не надо топтаться над нами,
Не надо нас трогать руками,
Мы сделали всё, что могли.

ТЁЗКИ

«Здесь и примем бой, ребятки!» —
Молвил, вглядываясь вдаль,
Командир «сорокапятки»
Старшина Иван Москаль.
«Немец, братцы, рвётся к Волге.
Ясно дело, не пешком.
Вот и встретим на дороге
Супостата огоньком!»

А в расчёте, у повозки,
Не поверите — кино! —
Три Ивана, то есть тёзки:
Ваня, Юван и Ваню.

Побросав ремни и скатки,
Мужики, пройдясь в прихлоп,
Тут же ловко, в три лопатки,
Пушке сладили окоп.

Пехотинцы, те под горкой,
Нам — высотка...
«Эй, браток,
Юван, как у нас с махоркой?
Есть? Добро! С меня листок!»
Не успел охотник манси
Протянуть Ваню кисет,
Как кобыла дяди Васи —
Ездового — на тот свет!
Отвязалась и с высоты
В сочных травах побродить...
И пошёл, как по наводке,
Немец минами гвоздить.
Тут и «Мессер» на подмогу...
«Батальон, примкнуть штыки!»

И пошла пехота к Богу
С поля боя напрямки.
Танки давят по траншее
В пыль пехотный батальон...
А у них, на батарее,
Старшина в живых, и он —
Манси Юван. «Целься в баки!
Ваня, брат, не подкачай!»
Здесь с тех пор растут лишь маки,
И на взгорке — иван-чай.

ДЕД

Отгремела война, растворились в полях обелиски,
Я лежал среди трав, средь погожего дня.
Вдруг послышался мне голос близкий-преблизкий,
Кто-то ласково, тихо окликнул меня:
«Здравствуй милый внучок, это я, ты не бойся,
Как живётся тебе, как родные мои?..

А вот наша судьба под: «Равнение! Стройся!»
Позвала на войну испытать на крови.
Испытать на любовь и на верность России,
Постигая науку — страну защищать.
Мы друзей после боя в могилы сносили,
И не вытерев слёз, шли в атаку опять.
Мы зубами держались за все полустанки,
Заслоняя фашистам пути на восток,
И с последней гранатой ложились под танки,
И не плен выбирали, а пулю в висок.

И я тоже убит полицейским под Ровно
Среди хлебных полей и дорожной пыли...
Это в мирное время Россия огромна,
А в решающий час станет пядью земли.

Утверждают, что время — судья и всему врачеватель:
Меркнет подвига грань и тускнеет измены позор,
Как мне деду сказать,
Что давно отсидевший предатель,
Поселившись на улице деда,
Живёт до сих пор...

ДОГОРАЕТ НАД ДОНОМ
РАЗДОЛЬЕ ЗАКАТА

Восемнадцатый год в горьком дыме пожарищ...
С красной сотней сошёлся в клинки эскадрон,
Да споткнулся гневой, рядом рухнул товарищ...
Вот и прадеду выпал последний патрон.
Чем ещё дорожить, как не честью и долгом?
Ствол коснулся виска, и тут: «Вань, погоди.
Ты... отдай мне наган... Я уже перед Богом,
На вот... шашку на память... И сына найди...»

Он вернулся домой. Ни жены, ни сынишки,
Даже хату сожгли есаула-друга.
Все решили, пропал есауловский Гришка...
И вдруг новость: Гришаня — сотрудник ЧК.
Плётка, маузер, хром... И расстрельная рота
Майским утром согнала к управе народ:
«Вот уж поживаемся, белая контра!
Кто служил у Сладкова — два шага вперёд!»

Загудела толпа, как рассерженный улей,
И сказал ему прадед: «Племяш, не губи
Казаков. Ты — меня... только, Гриша, не пулей,
Ты отцовскою шашкой меня заруби...»
Их погнали к реке. Май смеялся лучисто...
Нет, не шашку он выбрал, он выбрал патрон.
Тявкнул маузер глухо... И тело чекиста
На широкую грудь принял батюшка Дон.

Эта русская боль, боль казачества Дона,
 Острой пулей прошила мне сердце насквозь:
 Это с «ятью» дневник из прадедова схрона
 В тишине чердака мне прочесть довелось...
 Догорает над Доном раздолье заката,
 Будто залитый кровью кокошник Руси.
 Упаси нас, Господь, чтобы снова на брата
 Брат пошёл с топором! Я молю: «Упаси!»

ЗВЕНЬЯ

Время обновляет поколенья,
 Дарит жизнь и лечит боль утрат.
 Время — цепь,
 А годы — это звенья —
 На груди медалями горят.
 Ветераны, сколько вас осталось?
 Можно и по пальцам посчитать.
 А давай, ребята, за усталость!
 И опять на сердце застучат
 Эшелонов воинских колёса,
 Уносящих мальчиков на смерть;
 Вас уже оплакивали росы,
 И земля распахивала твердь.
 Видно мать молитвою хранила,
 Или ангел белый за спиной,
 Только пуля вас не породнила
 С чёрною невестою-войной.
 Не сломили вас ни лёд, ни пламя,
 И, пройдя все адовы круги,
 Над Рейхстагом вывесили знамя,
 И отмыли в Эльбе сапоги.

И вернулись. И пускай при встрече
 Красовался сталинский портрет,
 Это ваши ордена и плечи
 Целовал весенний первоцвет!
 И сияло солнце в небе пряжкой,
 Облака купали голубей,
 И, стесняясь, мама рядом с фляжкой
 Ставила свой хлеб из отрубей,
 И отец, всегда по жизни строгий,
 Обнимая, долго мямля ладонь,
 И терзал, в слезах, сосед безногий
 До утра охрипшую гармонь...
 Выпейте, ребята, за усталость,
 За друзей, товарищей своих.
 Вам и жить, вернувшимся, досталось
 За двоих, а то и за троих.
 И для нас, не знавших эти беды,
 Видевших на небе только птиц,
 Вы как воплощение Победы —
 По живой, сходили со страниц!
 И весной под чистый звон медалей
 Шли — по одному из двадцати...
 Девятнадцать из военных далее
 Выбрали вас звенья донести
 И вручить их цепью золотою
 Нам, кому пришёл черед ковать...
 Как мы будем, съеденные ржою,
 Наши звенья внукам отдавать?

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Гражданская лирика

ФОТОГРАФИЯ

Стоим, приобнявшись за плечи,
Стоим, как обычно, втроём...
Смотрю, и как будто бы лечит
Потёртый армейский альбом.
Налево — Никола из Львова,
По правую руку — Мирза...
Я глажу их лица, и снова
Ползёт по морщине слеза...

Стоим всесоюзною ратью
И знаем, что дружба — навек...
Мы были, действительно, братья —
Украинец, русский, узбек.
Литовец, эстонец с евреем,
Казах, молдаванин, грузин,
Латыш — командир батареи
И взводный — москвич Караблин...

И снова товарищи снятся,
И давит предательства груз...
Я кровью готов подписаться —
Верните Советский Союз!!!

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

...И снова осень неужёно
Дождями хлещет, как проснись,
Дедами рубленые брёвна,
Словно оплакивая Русь.
И не единого просвета
Ни на душе, ни за окном;
Стакан по край и сигарета,
И жизни чёрный метроном...
...Мелькнут отставшие перроны,
Глаза жены и стариков,
Афгана выжженные склоны
И чад пылающих «ЗИЛков»,
Тупая боль поверх колена,
Та унижительность пинка,
И горький вкус лепёшек плена
Под дикий хохот ишака...
...Всё пролетит перед глазами:
И взгляд растерянный жены,
Вокзалы с грязными бомжами
Великой некогда страны,
Её чахоточные зоны,
Вечно голодные менты,
И только светлый взгляд иконы
Глазами Родины исконной
Удержит силой у черты.
И сердцем чувствуешь, как мама
Закрыла хрупкою спиной
От той беды и стала храма
Неодолимою стеной...

...И тает боль воспоминаний,
 И где-то там, взамен тоски
 Сухие веточки желаний
 Проклюнут новые ростки.
 А за окном вздохнёт рябина,
 И понимаешь, как-то вдруг,
 Что пусть уже не половина,
 Но не конец, а только круг!
 Что на Покров приедут дети,
 Добавим лосю солонцов,
 Нагрянет лучший друг на свете
 Из тех спецназовцев-бойцов,
 И жизнь, дай Бог, подарит внука —
 Пусть крутит шарик голубой...
 А власть... что власть?.. Да просто сука,
 Свой грех прикрывшая тобой.

* * *

Соберу рюкзачок с провиантом,
 Выйду за полночь по холодку,
 И в тайгу, сверить жизнь по «курантам»
 Глухаря на весеннем току.
 Зорьку высмотрю, нашу жар-птицу,
 Поднесу ей тумана рушник,
 Это звёзды, чуть что — за границу,
 А она, каждым утром, как штык.
 Вот бы власть так деревню любила...
 Да какие там хлеб-трудодни,
 Все хозяйства давно разорила,
 От коровников стены одни.

Молодёжь всю сманила куда-то...
 Что, работы бы здесь не нашлось?
 Вон всё поле, от бань до заката,
 На три раза с тайгою срослось.
 А с другой-то, кого виноватить?
 Сами выбрали, вот и терпи.
 Их забота — деньгу порастратить,
 Наше дело — в тряпичку сопи.

Сколько пенсии, столь и здоровья.
 Кто остался? — Петрович да я,
 Да Авдотья Лукична с Прасковьей,
 Вот и весь комсомол у плетня.
 Мы уйдём, и исчезнет деревня.
 Борщ, лабазник попрёт, березняк...
 Диалектика... Ладно б деревья,
 А, не дай Бог, какая Собчак
 Или Гозман с Чубайсами — дачи?
 Опоганят всё, вот что боюсь...
 Тут и Бог-то уж скоро заплачет
 Вместе с нами за матушку-Русь...

Вот и тропка моя ходовая
 Привела в Божий храм кедрочей.
 Зорька, сладко в ладошку зевая,
 Зазывает на ток косачей.
 Петухи, обнимая глухарок,
 Бровь суровят на вражий лампас.
 Песни, танцы, лобзанья сударок —
 Всё, как раньше в деревне у нас.
 Жизнь кипит, всякий парочку ищет,
 Птахи вьются вокруг шалаша...
 Слава Богу, что птица не слышит,
 Как крестьянская плачет душа.

ВЕРТИКАЛЬ

Кто не видел, не знает, не брал Манарагу,
 Не рубил прядь пристывших волос поутру,
 Тот едва ли поймёт нашу трепетность к флагу,
 Что с макушки Урала нам пел на ветру.
 Он нам дорог, как красное знамя Победы
 Наших дедов, отцов сорок пятой весны.
 Только вряд ли отыщут его краеведы,
 Знамя спрятано в сердце и в светлые сны...

Прижимаю к груди всю в прожогах штормовку
 И опять слышу: «Вовка, держися, браток!»
 Голос друга рвёт душу: «Володя, страховку!»
 И по ручку засаженный в лёд альпеншток!
 И кусала, оскалась, за ноги лавина,
 И звенел тетивой спасительный фал,
 И летела под ветром гора — бригантина,
 Оставляя в долине рокочущий вал...

Годы-птицы мои, поверните на Север,
 Где ночами бессонная бродит душа,
 Где в снегу голубика пылает, как клевер,
 А «жестянка» без брата не стоит гроша!
 И пускай мой закат за рекой догорает,
 Но мне прожитой жизни нисколько не жаль...
 Каждый в жизни свою высоту выбирает,
 Для кого — горизонт.
 А для нас — вертикаль!

ДОМА

Тюмень встречает шумом и огнём
 Неоновых реклам и сизой гарью...
 А там, на нашем Севере, под пнём
 Встаёт Иван, поддерживая Марью.
 Оттаяли, родные, проросли...
 И рядом одуванчик тянет ножку.
 А чуть подальше, знаю, журавли
 Присядут рано утром на кормёжку.
 Болота в птичьей гвалте и пуху,
 Озёр своих раскрыли синеглазье,
 И клюква королевною на мху
 Лежит среди росы в алмазной вазе.
 Всего-то здесь недельку, а тоска
 Уже крадётся серой мышью в сени,
 Ведь дома, даже жердочки мостка
 Милей и крепче всех мостов Тюмени.
 Реликтовый клочочек мерзлоты —
 Убереги Господь тебя от нефти!
 От газа тоже, пусть поют клесты,
 И мир хранят таинственные йети.
 Пусть кедровые качают облака...
 За что зовут мою округу дикой?
 Ведь даже чай простой из котелка
 Здесь пахнет только солнцем и брусникой.
 В окошко смотрит матушка-тайга,
 Три жердочки мостка через пороги...
 Эх, город, город — грязные снега,
 И тополя-калеки вдоль дороги.

ГОРЬКАЯ МОЯ РОДИНА

Хоть с Останкинской, встав на колени,
Хоть с Кремлёвской рассматривай Русь,
Не увидишь ты больше деревни,
Печек-лавочек, добрых бабусь
У ворот, ни крылечка, ни песню
Не услышишь с заросших полей...
Мы ж годами шагали к бесчестию,
Отрывая себя от корней.

Разбежались по каменным клеткам,
Будто крысы какие, тишком...
Почему же по высохшим веткам
Сладкой жизни бежим босиком
По ночам в то крестьянское детство,
Где просторы целуют с крыльца,
Где в сундук, старшим сёстрам в наследство,
Прячет мама обновку отца;
Где дедуль заставлял в наказание
За куренье, протяпать гряды,
Где просила тебя баба Маня
По соседству скосить лебеду.
Наколоть ей для баньки дровишки,
Заодно и воды принести?..
Мы не двери — сердца на задвижки...
Ты, нас, глупых, деревня, прости
За Чубайсов и всяких Гайдаров,
Как они, так и мы всей толпой
Из советских тащили амбаров —
Все виновны мы перед тобой.

За убогость свою и за пьянку,
За несчастья своих дочерей,
Что ныряют лицом под баранку
И летят на ходу из дверей.
За сынов, что лежат на погостах,
За Афганы и сказочный рай
Коммунизма, уплывший как остров,
По Амуру в соседний Китай...
За святые военные дали...
Оказалось, что главный почёт —
Городам — лишь они воевали,
А деревня и вовсе не в счёт.
Не она отдавала кормильцев,
Рвала жилы свои в борозде,
Хоронила своих и арийцев
По воронкам в весенней воде...
Сколько плакала — столь и терпела,
Но свой крест продолжала нести...
Просто ты предавать не умела...
Ты прости! Ради Бога, прости!
За ту жизнь, что я прожил бездарно
Без целинных и звёздных дорог...
Как же ноет сердечная рана,
Понимая, что выставит Бог
На границе последнего света
Лично каждому к СОВЕСТИ иск...
Может, всё-таки рано посмертно
Ставить ей на Руси обелиск?
Может, живы, покуда есть внуки,
Просто взять и вернуться домой?!
Вспомнит память!.. Не память, так руки,
Как бурёнку доить, как зимой

Запрягается в розвальни мерин —
Внука делу тому научи...
Лишь тобой срок деревне отмерян,
Ты — в ответе за искру в печи...

Мчится поезд. Сноха молодая
С внуком спят, а мне хочется петь...
Скоро встретимся... Скоро, родная!
Потерпи, ты умеешь терпеть...

Я – РУССКИЙ!

Нам помогали развалиться
И стать ломтями пирога.
За самостийность в кровь рубиться,
В соседе высмотрев врага.
Как на Балканах югославам,
Как Украине помогли,
Евромайданом и напалмом
Не раскололи, так сожгли.
Один — с сумою на дорогу,
Другой — убитым в землю лёг...
И, слава Богу, слава Богу,
Что он Россию уберёт!
Сердца, умы и наши души
От злобы, ненависти, смут...
И я горжусь, что четверть суши
Народы РОДИНОЙ зовут!

И ЧТО ОСТАВИШЬ, УХОДЯ

О, сколько Вас, не зная сути,
Спешат охотника чернить!..
А видел ты утят в мазуте,
Вскормлённый «Сникерсом» пиит?
Тушил ли ты в тайге пожары,
Когда верхами — суховой?
А хоронил птенцов гагары,
Укрыв рубахою своей?

Не мне, тебе дельцы Газпрома
Везут октановую смесь,
А что помойка возле дома —
Плевать! У нас охотник есть!
Ату, ату его, ребята!
Убийцу ямбом заклеим:
Сегодня — в зайца, завтра — в брата,
И за перо?! Покончим с ним!

Я вам отвечу, лицемеры:
— У вас — камин, у нас — нодья¹.
И мы своей, таёжной веры,
И совесть — главный наш судья.
И мать-тайга по жизни свята,
Любой листочек сердцу мил,
От мха до горбика заката,
С высокой песней быстрых крыл.

И только здесь, в стране охоты,
Мир видишь в капельке дождя,
И время есть подумать, кто ты,
И что оставишь, уходя...

¹Нодья — таёжный костёр

*Парашютистам-десантникам
Березовского отряда авиалесоохраны посвящаю...*

ДЕРЖИ ОГОНЬ!

Опять округа полыхает,
Пылает небо над тайгой...
Три дня комбез не просыхает —
Горим — и с этой, и с другой...
— Держи огонь! Держись, ребята!..
Серёга, друг, держись, родной!
А чем держать? — Одна лопата
Да «эрлэушка» за спиной.
— Да где же ты? — кричу я в тучи.
И представляешь, услышал!
Да разве я случайно с кручи
Болото носом пропахал?!
Спасибо Богу за подмогу!
Вот это ливень! Будем жить!..
— Ребята, видели Серёгу?
— Серёга... там остался, Вить...
Ползёт слеза, смывая сажу...
В ладонях пеплом, — лучший друг...
И будет просьба к экипажу,
Давай, ребята, выше круг...
Он мог Высоцкого на память...
«...По курсу — дым, куда нам, Вить?
Да никуда... На дым и падать...»
И снова Господа молить...
Спасибо Богу... За подмогу!!!
С таким-то ливнем да не жить?!..
— Ребята, видели Серёгу?..
— Серёга... там остался, Вить...

РУССКИЙ

Месяц в росы упал за деревья.
Стелет утро туман простынёй.
Доброй матушкой будит деревня
Лес окольный дымком и стряпнёй,
Петухами, мычанием, звоном
Белых струй в оцинковку ведра,
И целует деревню икона
На часовне святого Петра.

Кто сказал, что деревня в упадке?
Только те, кто сбежал из неё.
А у нас не совсем, но в порядке:
И скотина, и двор, и жильё,
И не кланчим рубли по собесам...
Приголубил задумку в груди
По-кулибински, сметку с прогрессом,
И — телега бежит впереди!
А за свет так — динамо с мопеда
К плахе, в реку — и светит как днём!
Тут народ башковит... У соседа
Пульт в избе управляет огнём!
А река? — В ней же рыбы, как в кадке,
От пудовых язей до ерша!
Эк, удумали тоже — в упадке...
А чем в городе жизнь хороша?

Позабились мышами по норам,
Двери словно в Тобольской тюрьме...
Нет, ребята, дышать, так простором,
А тонуть, так в речной синеве!

Может, тем, что под боком больница?
Чуть кольнуло — и «скорая» ждёт?..
Нет, не знаешь ты, камень-столица,
Чем Россия за МКАДом живёт...

Ясно дело — рулетку не крутим.
Главное — сыты, обуты, в тепле.
Всей деревней мечтаем, чтоб Путин
К нам приехал пройтись по земле,
Силой духа у нас подкрепиться,
Тьма-то снова ползёт на редут.
А кому? Нам опять и рубиться,
Не Тарзан же с бомондом пойдут.
А я б сходу ему: «Ну, Володя,
Коль Россию из грязи поднял,
Весь народ за тобою сегодня!» —
И три раза б, целуя, обнял.
В кои веки опять поселилась
Гордость в сердце людей за страну.
Мы же в пропасть с пьянчужкой катились,
Клинтон хлопал в ладоши и... «Тпруу!
Стоп, родная! Давай-ка оглобли,
Поворачивай к нашим стогам!..»
Сунул всем «майданутым» по вобле,
Крым на ход и к родным берегам.
Только разве один в поле воин?
Надо миром страну подымать:
Город — сталью, деревня — надоем,
Да и порох посуше держать.

А деревне-то много ли надо? —
Чуть заботы от местных властей:
Свет, дорогу, больницу с детсадом,
Мать-тайгу оградить от чертей

Из Газпрома... Законы людские
Написать, да деньжат старикам.
Ну и чтоб Сердюковы какие
Не залезли в суму по бокам.

Трудно? Да. А Володе — признание.
Это мы в День Победы глядим
Со слезами и видим лишь зная,
Он — всё русское небо над ним.

Ничего! Не с того возрождались!
Вот монголы — огнём и мечом,
Так с колен же, считай, и поднялись
Ясным соколом, да с калачом!
Жаль одно — не дошли к коммунизму,
Может, жили б сейчас хорошо...
Только рано устраивать тризну,
И Москва не Россия ещё.

Вон она — по бокам от Урала
На работу в потёмках встаёт,
Тянет зимники, трубы с Ямала,
Сталь заводам мартенами льёт,
Пашет, косит, горюет, смеётся,
Сеет доброе, нянчит детей,
И везде сердце русское бьётся
В беззаветной любви своей.

Вот и солнышко смыло истому.
Сколь рыбачь, а покосы не ждут.
Снасти в лодку, на вёсла и к дому
Так пришпорил, что жилы поют!

Шуганул молодёжь с сеновала.
Грабли. Вилы. Литовки? — С собой!
И по травам духмяным увала
Разминаться горячей косьбой...

Вот оно, деревенское счастье,
Сел в тенёк, а по кругу семья.
Режешь булку под девичьи страсти,
Квас с лучком достают сыновья,
Половинка платок расстелила...
Вот и я говорю — благодать...
Если б сердце ещё не щемило
Каждой ночью за Родину-мать.

ПОДАРОК

Кто-то дарит стихи с поздравленьем,
Кто уют, кто посудный набор,
Я ж соседу решил в день рождения
Подарить самый лучший топор!
Нет, скажу вам, дороже подарка
По деревне у нас мужику.
А заточишь с одно — без рубанка
Обласкаешь бревно и доску!

Взял берёзу, с комля, без сучочка,
Заготовок-то — цела гроздь!
Обтесал топорище с носочка,
Шлифанул, проолифил под кость,
Насадил о чурбан до упора,
Клин в торец, наждаком отточил.
Принимай инструмент дядя Жора,
Не таких от запоев лечил!

И казалось, чего тут такого?
Ну, топор... А назад оглянусь —
Он ещё и до флота петрова
Поднимал старо-древнюю Русь.
В нём и сила, и дух-то бунтарский,
Если взялся мужик за топор,
Всё едино — простой или царский —
Берегись притеснитель и вор.
И с дедами в лесах партизанил,
И на стройках ракетных поёт,
Церкви, бани, хоромины, сани —
Всё народу для жизни даёт!

А у нас ты его не услышишь,
Кто уехал, другие — в запой...
Умирает село... Выше крыши
Зарастают дома лебедой.
И не ворог, а власть разорила.
Аж под самый кадык удила.
Всё распробала, всё распилила,
Ржавы свалки — и те подмела.
Ни земли, ни скота, ни солярки,
Ни болтов-тракторов у крестьян...
Как считаете, может, подарком
Освежить всё же память властям?

МЫ ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ

Я и живу, как всякий русский,
Молясь, чтоб не было войны.
Чтоб день январский ли, июльский
Вставал с полей из тишины
На Рамадан, Купалу, Пасху,
Чтоб сын головушку свою,
Надев оранжевую каску,
Берёг в цеху, а не в бою.
Нам не нужны снега Аляски,
Ни голубые евро-сказки,
У нас свои в России пляски
И вера в Бога, как в броню.

А есть ли что войны страшнее?..
И как забыть, что из родни
Лишь дед Степан дошёл до Шпреи,
Петра... в Освенциме сожгли.
И тот, что выжил, был пружиной
Взведён за тысячи смертей,
За мать, за брата Константина
Он жаждал мстить. Но вспомнив сына,
Найдя в развалинах Берлина,
Кормил с ладони ИХ детей.

Ты это знаешь, фрау Меркель.
И сколько жизней на счетах.
Уже полмира, Бог свидетель,
В могилах русских и крестах!
Ещё рыдают небосводы,
И души мечутся в дыму,
А вы и ваши кукловоды
Вскормили новую чуму.

Чего ж творите-то вы, братцы,
Тарасы Бульбы казаки,
Какие кролики и наци
Вам напрочь вынесли мозги?
Кто не за «Вильну...», тех — из «Градов»
Бьёт наповал фашистский сброд,
Как можешь ты, скажи мне, Рада,
Так ненавидеть свой народ?!
Одесса... «Боинг»... А не жутко?
Донбасс... Да вы же все в крови!
И президент ваш — проститутка,
И вы далече не ушли!
За счёт России вечно жили,
А как домой вернулся Крым,
Вновь шаровары приспустили:
«Обаму чёрного хотим!»...
А Крым мы кровью отмолили,
Мы — русский мир, мы есть и были,
И кто прибегнет снова к силе —
Мы за ценой не постоим.

Остановитесь, братья! Люди,
Заройте НАТОвский топор,
Иначе вынуждены будем,
Поднявшись, дать такой отпор
Медвежьей лапою сурово,
Что через сутки в центре Львова
Европе
С танка Иванова
Махнёт российский триколор!

ЗАПЛЕЛА В ВОДЕ ЗАРЯ....

Заплела в воде заря
Туго косы золотые,
За рекой туман литые
Прячет плечи сентября...
Вот и я от жизни брал...
Эх, года мои годочки...
Разлетелись вы, как дочки,
И сыночков Бог забрал.

Где друзья? А нету их.
Саня умер, Мишка спился,
А страна, какой гордился,
Стала вотчиной двоих.
Улыбаюсь и смотрю,
Утерев плевков свободы,
Как воры́ и кукловоды
Пилят родину мою.

По закону, по уму,
Под охраною ОМОНа,
Дарит пятая колонна
Корки в красном терему:
Прокурору — власть царей,
Депутату — льгот, как Богу,
Полицая — к ним дорогу, —
Тоже хлеб из «косарей».

А мне б трактор запчастей
Да солярки литров двести,
Да в кабину, лишь бы вместе,
Посадить бы сыновей,

Что убили вы в Чечне;
С ними рядышком невесток,
Не родившихся их деток,
Вот, как много надо мне.

Мы ли Родину всегда
Добрым хлебом не кормили?
Нас за это и убили
Новосёлы-господа.
Что осталось за душой,
Чем, ребятушки, гордиться?..
Бог молчит, а власть плодится
И сосёт Россию вшой...

Керосинки жёлтый свет
Греет старую икону,
Совесь, сгорбившись вороной,
Дремлет в дымке сигарет.
Рядом матушка сидит —
Руки синие на прялке....
Со стены портрет доярки
С верой в будущность глядит...

УБОГИЙ

Достали все! С утра и до утра —
 Инвесторы, товар, кредиты, банки...
 Замучила с Канарами сестра,
 И племяши наглючие, как танки.
 Да шли бы вы... в Крузак, да и к реке...
 Да ладно вам, с чего это топиться?!
 Так, посидеть слегка на ветерке,
 «Немировым» для дела подкрепиться...
 А там — рыбак, скорее — алкашок,
 А может, нет... Ну, в общем, мужичонка.
 По виду явно нытик-лопушок,
 Глаза как у китайского зайчонка.
 В руке журнал, затасканный «прикид»,
 Дворняга спит, уткнувшись носом в ноги.
 Ну, в общем, чмо очкастое сидит,
 Таким одно название: «Убогий».
 — Ну что, земляк, накатим по одной?
 — Садись, земляк, — негромко отвечает.
 Уже туман целуется с водой,
 Волна звезду полночную качает,
 А я вздох под мутную слезу:
 — Достали, слышь, ни радости, ни счастья.
 Считай, «лимон» потратил на «козу»,
 Жена с бойфрендом бизнес рвут на части.
 Проблем с утра — что лучше не ложись.
 Кругом — ворьё и прибыль небольшая, —
 И плакал, и рассказывал за жизнь...
 ...А он жалел и гладил, утешая.

МАЧЕХА

Ненавижу вражду и насилие,
 Всем нутром против всякой войны,
 Только плачет душа от бессилия —
 Нет у нас больше НАШЕЙ страны,
 Справедливой и любящей матери.
 Эта — мачеха! Что ей народ —
 Только крошка с газпромовской скатерти,
 Тут как тут приставá у ворот.
 ...Заработать решил. Руки — золото.
 Взял делянку. «ИП». Только — в рост...
 И пошли проверяльщики молотом
 Плющить Бурку в лобешник и хвост.
 Понимаю — барыга, торгаш какой,
 Я же брёвна таскал на себе!
 В общем, так приложились в налоговой,
 Что лишь печка осталась в избе.
 Да и банки, что власть вороватая,
 Тоже серого волка дружки...
 Может в стаю? Так совесть треклятая
 Не пускает шагнуть за флажки.
 Что им Родина? Всё за границею:
 Дети, яхты, дворцы и счета...
 Вон как Дума-то светится лицами,
 Поделив у кормушки места.
 А бандиты в горах? Чья копеечка
 Превратила их сакли в дворцы?...
 А у нас не сынов на скамеечках —
 Нищету обнимают отцы.

Что ж теперь... У моих хоть по ордену...
 А вдруг снова?.. И что — Сердюки
 Или Гозманы грудью за Родину
 С Ходорковским пойдут на штыки?
 Всё разграблено... Всё поразвально...
 Да когда же, устав от измен,
 Бог вернёт нам товарища Сталина
 И поднимет Россию с колен?!

ОКРАИНКА

Выйдешь тихо к речке спозараночку,
 Глянешь на уральские хребты,
 И душа враспах, словно тальяночка,
 От простой таёжной красоты.
 Это ли не Божье откровение?!
 Тут и грязь ошмётками с души,
 И крепчаешь верою в смирении...
 А за речкой Ляпушкой в тиши
 По туману зорька — красна девица
 Вышивает нитью золотой,
 У крыльца смолистая поленница
 От дождя укрылась берестой,
 Самовар на скатерти сатиновой,
 Под иконой в рамочке родня.
 И глядит в окно душой рябиновой
 Родина Югорская моя.

Нет, не та, что стала достоянием
 Казнокрадов с Ельцинских времён.
 Малая, что и моим старанием
 Выжила, не опустив знамён.

Спрятана в надёжную затаинку
 И живёт, и Бог её хранит...
 Распахнёт с утра резные ставенки
 И за жизнь с тайгою говорит.
 А она дарами щедро делится,
 И река всю живность отдаёт,
 Да ещё бурёнушка отелится,
 Как же тут душа не запоёт?!

Всё по-русски, по-людски, по-нашему —
 Поработал в радость, сел за стол,
 А жена — пельмени вслед за кашею,
 Что скрывать, бывает и рассол.
 Всё своё: сметана, рыба, маслице,
 И семью, и гостя накормлю...
 Только вот душа ночами мается
 За больную Родину свою.

Что дедами исстари завещано? —
 От земли вся сила!.. А её
 Предали, и побежала трещина
 Через всё Отечество моё...
 Кто начнёт? Чубайсы? Или Зверевы?
 Абрамович вывернет мешки?..
 Это нам с окраинок империи
 Поднимать Россию, мужики.

РАЗЛОМ

Разве можно в предания верить
 В наш цинизмом пронизанный век,
 Что когда-то и люди, и звери
 Поместились все в Ноев ковчег.
 И хватило всем хлеба и соли,
 И семян, и травы, и зерна,
 И ни крови, ни капельки боли,
 Да и слова не знали «война».
 Все равны перед Господом были,
 Там крыло прижималось к руке.
 Всем делились, о всём говорили
 На понятном для всех языке.
 Кто ж занёс на корабль отраву,
 Дал почувствовать сладость венца,
 По какому, скажите мне, праву,
 Кто-то вдруг стал главнее Творца?
 И в своём демоничном угаре
 Отменил жизни Божий закон.
 Сильный слабого может ударить
 Или просто пустить на бекон:
 «Я из той же, из царской породы,
 И тем более в нынешний век,
 Что мне милость какой-то Природы,
 Захочу — и сравню Казбек!»
 Но за гранями света и тени
 Вдруг опять попадаю в разлом:
 Чья-то лапа лежит на колене,
 Кто-то плечи укутал крылом.

Кто жалеет, а кто утешает,
 Кто-то нежно лизнул по щеке,
 Тот же голос безмолвно прощает
 На когда-то
 Родном
 Языке.

ЗАБЫТЫЕ БОГИ

В горах, где хмурые медведи,
 Как тени, бродят за тобой,
 Я встретил идолов на жерди,
 Прибитых ржавою скобой.
 Истлевший бубен у кострища
 Шаману первый, вещий друг,
 И ни тропинки, ни жилища,
 Ни даже затеси вокруг.
 Людьюми потерянные боги,
 Когда-то — соль Урал-земли,
 Какие страшные дороги
 Народ от веры увели?
 И где сыны того народа,
 Что обживал суровый край?..
 Им не нужна лесов свобода,
 Им сладок стал квартирный рай.
 Зачем им ружья, сети, лодки,
 Зачем им мёрзнуть на реке,
 Когда стакан паленой водки
 С утра в трясущейся руке.

Забыто всё: родные тропы,
 Законы, промыслы и быт,
 Родимой «Куреньки»¹ притопы
 Да и язык почти забыт.
 Он ещё теплится по школам —
 В начальных классах есть предмет,
 Но не услышишь: «Пася олан»²,
 «Приветом» бросят на «привет».
 И только древние старухи
 Ещё поют родную речь,
 Но даже им, простите, дүхи,
 Её внучатам не сберечь.
 Страшна цена за отречение
 От родовых своих могил,
 Как кедр, украденный течением,
 Народ бесследно канул в ил...
 Гниют под небом Сенатвожа
 Чужие идолы, как пни...
 Прошу, Всемилоливый Боже!
 Спаси их всех и сохрани...
 Я уходил. Разгладив лица,
 Смотрели идолы вослед
 Чужому, кто пришёл молиться
 К ним за последних сорок лет....

¹«Куренька» — национальный мансийский танец;

²Пася олан — здравствуйте

ВОТ И ВСТРЕТИЛИСЬ...

Ветер треплет берёз золотистые волосы,
 Осыпает медовой листвой бугорок...
 — Вот и встретились, па...
 И вдруг батиным голосом
 Тишина мне ответила: «Здравствуй, сынок!
 Где же ты? Столько лет ни звоночка, ни весточки.
 Мать угасла... Ждала. Там и я вслед за ней.
 Для кого нам гореть, если нет ни невесточки,
 Ни внучат-сорочат, ни сынов, дочерей?
 — Севера, севера закружили, завьюжили,
 Прикипела душа, только с кровью сорвать.
 А заросшим полям пахарь-сеятель нужен ли?!
 А нужны ли траве комбайнёры-то, бать?!
 Отрыдала над нивою песня Есенина,
 Присосались клопами везде сердюки,
 И ведут бюрократы куда-то уверенно,
 Как вели комиссары до первой реки.
 — Знаю, знаю, сынок, сколько было тех врагов,
 И чужих, и своих, что краснела трава...
 А мы вновь поднимались с пшеницей и творогом,
 Потому что Россия землёю жива!
 Отогреешь любовью своей православною,
 И протянет она золотой колосок...
 Возвращайся к земле... И, что самое главное,
 Помни: русская сила — в единстве, сынок!
 ...И кружил первый снег над могилкой заросшею,
 Над уставшею Русью в окладе берёз.
 Я укрыл эту боль серебристой порошею
 И на Север далёкий под сердцем увёз...

Снова тундра кругом, а мне полюшко чудится:
 Выезжают сыны на рассвете пахать,
 И хлебá — в горизонт, и народ в поле трудится...
 Видно, я задремал.
 — Ты прости меня, бать.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

За рекою тайга нежно зорьку в туман пеленает.
 Золотою картошкой упала луна в огород.
 У крыльца лопушок под смородиной сладко зевает,
 И зерно за зерном осыпает ночной небосвод
 Над уснувшей тайгой, над моей деревенькой родимой,
 Превращая осколки хрустальные в клик лебедей...
 Это кажется вам, что мой северный край нелюдимый,
 А у нас даже волки умней и мудрее людей.
 И тайга за околицей, это не просто природа.
 Это добрая мать, а сравни, как относится власть —
 Три копейки на всё, словно нищему даст у прихода,
 И дели тут на свет, на детсадик, муку и запчасть.
 Не сегодня, так завтра опять опояшет налогом.
 А зайди в сельсовет — как в конюшне мышей по углам.
 Так весь день и стоишь с бумажонкой своей у порога,
 Проклиная в душе и себя и чиновничий «храм».

Только мать тайга и накормит тебя, и согреет.
 Вон полениц у тына, хоть век можешь избу топить.
 И орех, и грибы, и хвоща Воронку, и пырея
 Для бурёнки... Да как же тайгу-то свою не любить?!

И сосну на оклад новой бани поближе заломит,
 Тут и ягод, и рыбы с тарелкой медовой икры...
 Это в храме у них обещаньями вечными кормят,
 А тайга всё отдаст, потому и хранишь от искры.

Но ни злости на них, ни обид за больницу и цены.
 Мы одно только просим: «Ребята, не трогайте нас.
 Насаждайте в Кремле инноваций своих перемены
 И тащите хоть скопом беднейшей Европе наш газ.
 Мы и так проживём. Мать-кормилица наша под боком.
 А народ в городах? Он же там даже Богом забыт.
 Им бы нашей тайги, да всем сердцем прижаться к истокам,
 Да укрепнуть бы верой, за них вот душа-то болит.
 Возвращайтесь к земле. Только с ней у России спасенье.
 Здесь и дом ваш, и корни, и русскому сердцу простор,
 Пахнут волей ветра, пахнут вербою все воскресенья,
 Разве сено сравнишь с мёртвым запахом каменных нор?

Вот и новый рассвет над деревней встаёт, полыхая.
 Лопушок у крыльца слёзы радости тянет в горсти.
 И опять сознаёшь: будь хорошая власть иль плохая,
 А святой-то земли, кроме Родины, нам не найти.

Я БЛАГОДАРЕН СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЕ...

Я благодарен собственной судьбе
За всё, что мне послала в этой жизни,
Что больше отдавал, чем брал себе,
Не думая, кто дальний, а кто ближний.
Что позволяешь с кончика пера,
Найдя ещё одно предназначенье,
Входить в твоё,
Вселенная,
Течение
Прозрачной струйкой мысли и добра.
Что сердце в скорлупу не заточил
И каждым нервом чувствую Природу,
И берегу звериную свободу
Я, как могу, на сколь хватает сил.
Спасибо ей за веру во Христа,
Что я живу, звездой своей хранимый,
За счастье — целовать уста любимой,
День начиная с чистого листа.
За то, что не убил и не украл,
Всё чувствую,
Дышу,
Внимаю,
Слышу,
За то, что на ладони угадал
Неясный путь, начертанный мне свыше.

Послесловие:

ОСТРОВОК

Миниатюра

Дорогие читатели! Прошу вас, послушайте и впитайте мои простые, искренние слова своим сердцем.

В начале девяностых годов у миллионов людей по всему Союзу рухнул привычный уклад жизни — к власти пришли лица, диктующие совсем иные ценности. Уже тогда у меня в душе поселилось и по сей день живёт чувство потери чего-то большого и светлого, как само детство; навсегда ушла уверенность в завтрашний день.

Что осталось после того, как западный ветер притащил на нашу Родину чёрные тучи перемен? Спекулянт стал называться коммерсантом, фарцовщик — предпринимателем, а народное богатство, от гвоздя до трактора, растащили по «ООО» и «ИП», а то и вовсе сданы на металлолом.

На наших глазах и с нашего равнодушного молчания обогатилась небольшая кучка проходимцев, а подавляющее большинство народа обнищало. В душе остались только боль, разочарование и она, наша маленькая, смертельно раненная и каким-то чудом ещё живая малая родина. Но и её стараются «довести до ручки» люди, которые в девяностые годы поднялись на торговле иностранным пойлом — спиртом «Royal», унеся в могилу тысячи жизней наших сограждан. Многие из этих торгашей сейчас баснословно богаты, а некоторые даже поднялись на олимп славы и почёта — стали депутатами и руководителями. И нам, к великому огорчению, приходится теперь жить уже по их волчьим законам. Они диктуют свою волю, делят наши деньги; они, а не народ стали властью по всей её вертикали.

И опять встаёт извечный, русский вопрос: что делать? Недавно я слушал заезжего депутата, косноязычно тол-

кающего речь на ломаном русском языке с кавказским акцентом, и понял простую истину — наши новоявленные нувориши-небожители и мы, простые люди, живём абсолютно в разных реалиях. И знаете, что я решил? Бороться. Хотя бы ради детей, ради того, чтобы остаться самим собой, чтоб не потерять чувства самоуважения, чтобы гордиться от сознания того, что я — русский! Как? Да просто плюнул на них и стал обустройства вокруг себя свой маленький островок России. Своим образом жизни, своими стихами, песнями и рассказами, в каждую живую душу, своей личностной орбиты, сеять и взращивать семена добра и любви, которые дал нам Господь. Благо, ещё живы корни наших предков. Всего-то и надо лишь вспомнить, что у нас есть великие: Пушкин, Есенин, Рубцов, Высоцкий, что у нас есть Жуков, Великая Победа, великое прошлое и главный цемент России — Православная вера. Вот это и должно быть, я считаю, первоосновой жизни каждого неравнодушного, тем более творческого, русского человека. Верю, что наступит время, когда наши маленькие России сольются и станут, пускай другой, новой, но, главное — одной, большой и сильной. И злу больше никогда не будет места на нашей многострадальной земле.

Сегодня врагами переписывается даже история, ведётся невидимая, коварная, и тем более, разрушительная война против нашего языка, народа, нашего образа жизни, нашей духовности, и кто победит в этой войне, зависит, в первую очередь, лично от нас. Каждого из нас!

Если даже я, простой, русский мужик, живущий в такой таёжной глухомани, это понимаю, так почему же ты-то молчишь, центровая моя Россия-матушка?!

*Искренне ваш, Володя Квашнин,
п. Саранпауль, ХМАО-ЮГРА*

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Твори добро и люби всех <i>Светлана Динисламова</i>	4

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПОЭТА — БЫТЬ ВРАЧЕВАТЕЛЕМ ДУШИ...

Единоверцу	10
И душа рисует словом... ..	12
Поэт в деревне... ..	13
Я без этой неволи	15
Глаза в глаза	16
Искринка	16
Признание	17
Мы все уйдём	17

ЗДЕСЬ — РОДИНА, ЗДЕСЬ — МАМА, ЗДЕСЬ — РОССИЯ...

Золото Югры	18
«Под самый вечер прямо на покосы...»	20
«Сторона ты моя неприметная...»	21
Сероптаха	23
Тут главное... ..	25
Так бы жить да и жить	26
Вот здесь и есть моя Россия... ..	27
А для меня планета — это ты!	28
Югория	29
Родники	30

ТАЁЖНЫМИ ТРОПАМИ...

Таёжный храм	32
На самый краешек земли	32
Кровное родство	34
Оленья земля	36
Глухари	39
Суббота	40
Только там ветер вылечит душу... ..	41

Охотник	42
Олень	44
Счастья миг... ..	45
Таймень	47
Отшельник	48
Закон тайги	50
Зимняя радость	51

МИР ДУШИ

Скажи, крылатое создание... ..	52
Дочь	54
Мне хорошо	55
Родниковая грусть	56
Прорубь	58
Да как же не любить... ..	59
Дед Мороз	61
Стрекоза	62
И согреет душу мне	63
Хорошо!	64
Бессилие	65
Гуси	66
Это что за любовь, мужики?!	67
Старик	69
Сказка	70
Жар-птица	72
Подранок	74
Покров	75
Зоопарк	76
Неужели пора?!	77
Я ль любовью обделён?!	78

СВЯТОЕ...

Родительский день	80
Ты знаешь, мама... ..	81
Письмо	82
«Пусть разлюбит жена...»	83
Только бы успеть	84

И не гаснет в окнах свет... ..	85
Морячка	86
Доченьке	87
Облако	88
Чудаки	89
Солнце	90

ЗДЕСЬ И ДОМ, И ЛЮБОВЬ ТУТ, И ДЕТИ...

Чем Россия сильна?	92
Даже мысли не приемлю... ..	94
Живут по-русски... ..	96
Храмы, будто лебеди, плывут... ..	98
Какая тоска?!	99
«Облетел березняк вдоль протоки...»	100
Щекурья	102
Плотник	103
«Опрокинула ковшик Медведица...»	105
Стог	106
Первый снег	107
Прости... ..	109

Я — ОХОТНИК БОЖЬЕЙ ВОЛЕЙ...

«Дым над плёсом гнётся коромыслом...»	112
Избушка с добрыми глазами	114
«Догорает костёр. Сладкий запах ухи...»	115
Ягода брусники	117
Зимовье	118
Бинты, забытые зарёй	119
И с той поры в моём патронташе... ..	120
Егерь	121
Волк	122
Ждёт, как мать... ..	123
Грех	124

МНЕ БЫ — ПАМЯТНИК ВАМ, ХОРОШИЕ...

«Невесомою белою простынью...»	126
Бабка	128
Друг	129
Подлость	131

ЖИТЬ ДОБРОМ...

«Упал закат с ладони небосвода...»	132
«А сегодня вдруг поползней стайка...»	134
«Горит огнём шиповник спелый...»	135
Что любить?!	136
Найдёныш	138
Чистотел	140
«Для кого-то счастье там, где деньги...»	141
Бурундук	143
Воробьи	144
Лосёнок	145
Научись отдавать	146
Какое всё же это счастье!	147
Родимые	148

ЛЯПИНСКАЯ РОДИНА МОЯ

Эликсир жизни	149
«Моя родная глухомань...»	150
Родина	152
Ивы молятся за Русь...	153
Русский дух	154
Зимородок	155
Все будут ждать...	157
Выйдешь летом...	158
Всё, как в детстве...	160
А у нас и поныне	161
«Вот и лебедь на дальних озёрах...»	162
Заповедная глушь	163

ОДНИМ ДЫХАНЬЕМ НА ДВОИХ...

И сердцем поняли...	165
Первая любовь	167
«Что же ты загрустила, родная?...»	168
Единственная	169
Какие годы?!	170
Жди...	171
Я не голубь...	172
Два крыла	174
Не надо, не жалей	175
От души до души	176
Где же ты...	177
Я построю наш дом	179
Ну, откликнись же, эхо моё!	180
Милая, далёкая моя!	182
Я тебя позову	183
Посторонняя	185
Вот же та женщина...	186
Белая лента	187
Верность	188

МОЯ ФИЛОСОФИЯ

Исповедальное	189
«Когда земля ещё сшивала...»	191
Счастье	192
Я по жизни бродяга	193
Совість	195
И душа — нараспашку...	198
Имена	199
Ларчик	200
Приглядишь	202
Личное	203
У реки	204
Берега	205
«Мне нравится смотреть в лицо заката...»	206
Всё по совести здесь	207
«Вот казалось, чему тут счастливиться?...»	208

ПАМЯТЬ

Родное...	210
Совесть века	212
Забыть нельзя	213
Дети войны	215
Сорок второй	217
Пашка	219
«Здесь ни следочка вокруг, ни тропиночки...»	220
Вторая ударная	221
Тёзки	222
Дед	224
Догорает над Доном раздолье заката	225
Звенья	226

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Фотография	228
Судьба человека	229
«Соберу рюкзачок с провиантом...»	230
Вертикаль	232
Дома	233
Горькая моя родина	234
Я — русский!	236
И что оставишь, уходя	237
Держи огонь!	238
Русский	239
Подарок	242
Мы за ценой не постоим	244
Заплела в воде заря...	246
Убогий	248
Мачеха	249
Окраинка	250
Разлом	252
Забытые боги	253
Вот и встретились...	255
Святая земля	256
Я благодарен собственной судьбе...	258
Островок	259

Литературно-художественное издание

Владимир Александрович Квашнин

ПОТАЁННАЯ ЗАВОДЬ ДУШИ

Стихи разных лет

Использована гарнитура Cambria, Friz Quadrata

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №9436 ФЗ

Автор стихов: Квашнин В. А.

Художественный дизайн: Корнеева Т. К.

Компьютерная вёрстка: Терентьев В. Ю.

Оформление: Арт-студия «ЦДК»

Формат: 60x84 1/16

Объём: 268 стр.

Тираж: безлимитный

® Все права защищены.

Перепечатка возможна только с письменного разрешения
автора произведений с полным указанием авторства

Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах»
от 09.07.1993 № 5351-1 (последняя редакция)

© Владимир Квашнин

Авторская страница на литературном сайте «Стихи.ру»

<https://stihi.ru/avtor/vladkwashnin201>

2022

